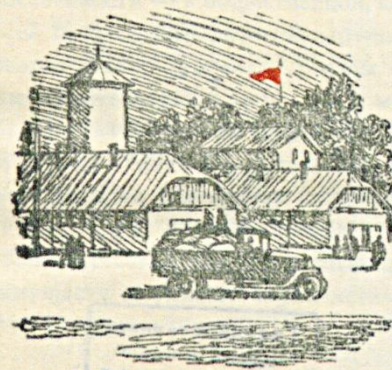

М. КОНДРАШОВА, И. ТЮРИН

К $\frac{175}{63}$

НА ЧУЖБИНЕ
И
ДОМА

Очерки

издательство ВЦСПС
профиздат

1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АГОДА

63 20

120

1921 H

10

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1929 году в нашей стране началось массовое вступление крестьян в колхозы. Этот поворот крестьянства от мелкого единоличного хозяйства к крупному, коллективному, от частной собственности — к общественной, артельной, был подготовлен всей предыдущей работой партии и правительства. Этот поворот был подготовлен ростом социалистической индустрии, давшей деревне тракторы и машины, решительной борьбой с кулачеством во время хлебозаготовительных кампаний 1928 и 1929 годов, ростом сельскохозяйственной кооперации, которая постепенно приучала крестьян к коллективному хозяйству, опытом первых колхозов и совхозов, показавших крестьянству наглядные примеры неизмеримых преимуществ крупного, социалистического хозяйства перед мелким, единоличным.

Без малого два десятка лет прошло со времени этого крутого поворота основной массы крестьянства со старого, капиталистического, на новый, социалистический путь развития. Что касается нашего колхоза, то он организовался раньше, и недавно ему исполнилось 25 лет.

Четверть века! Как много пережито за эти годы! С чувством глубокой благодарности партии, правительству и лично товарищу Сталину отмечаем мы коренные, радостные перемены в своей жизни, которые принес нам колхозный строй.

Об этих переменах, о том, что дал социализм крестьянам, рассказывают авторы очерков «На чужбине и дома».

В дни юбилея артели мы вспоминали пройденный путь — борьбу с кулачеством, борьбу за преодоление хозяйственных трудностей и мелкособственнических настроений в коллективе.

Много интересных фактов можно бы привести из истории нашего колхоза. Авторы не задавались этой целью, их интересовала деревня, как она есть, после того, как главные трудности остались позади. На примере нашего колхоза авторы показывают, чем и как живет сейчас колхозное крестьянство, как сказочно изменился и изменяется его труд и быт, как постепенно стираются грани между городом и деревней, как труд сельскохозяйственный превращается в разновидность индустриального труда.

Главное в этой книге, по-моему, — это сопоставление двух миров: нашей советской системы и капиталистических порядков. В судьбах простых людей проявилась великая сила советского строя. Перед нашим крестьянством открылись новые широкие горизонты. Михаил Новиков, Петр Пшенко, Корней Задирако, Борис Григоренко, Федор Мазук и некоторые другие наши колхозники в молодости, еще в царское время, гонимые нуждой и безземельем, покинули Россию и уехали искать счастье в Канаду, в США, в Австралию. Но и там они увидели нужду и несправие, тяжкий гнет и эксплуатацию.

После Великой Октябрьской революции, как только стало возможным, они покинули чужие страны и возвратились на освобожденную родину. Не найдя счастья за океаном, они обрели его дома, на родной земле, в колхозе имени Ленина, который основали на Тамбовщине.

Вместе с русскими, украинцами и белоруссами сюда приехали и иностранцы. Некоторые из них прибыли с серьез-

ными намерениями строить новую жизнь своими руками. Однако были и такие, которые рассчитывали на все готовое. Конечно, хорошую жизнь на блюде им никто не подносил. Советские люди добывают свое счастье в борьбе и немалых трудах.

Зараженные частнособственническими интересами, эти иностранцы не захотели преодолевать трудности вместе со всеми и возвратились во-свояси. Что можно сказать по этому поводу? Туда им и дорога. Зато люди, оставшиеся с нами, живут теперь зажиточно и давно уже забыли о безработице, которая является неизбежным спутником капитализма, и вспоминают жизнь у капиталистов, как кошмарный сон. Рассказывая о судьбах людей, которые искали счастья за океаном, но нашли его только на советской земле, авторы получили возможность живо и убедительно показать тяжелое, несправное положение крестьянина и простого рабочего за рубежом.

Конечно, жизнь нашего колхоза отражена в книге далеко не полно. О некоторых отраслях хозяйства сказано лишь вскользь. Не во всех подробностях показан наш производственный опыт. Изображена жизнь и работа тех людей, с которыми встречались и беседовали авторы. Разумеется, эти люди — не весь наш актив. Можно назвать еще десятки членов колхоза имени Ленина, которые не покладая рук трудились и трудятся для укрепления общественного хозяйства. Правильно сделали авторы, подробно рассказав о семействе Павла Зюзина — рядового колхозника. Таких семей у нас много.

В книге подчеркивается, что артель имени Ленина передовая. Это верно. Но таких колхозов, где крестьяне живут еще более обеспеченно, чем мы, в Советской стране немало. Многие обгоняют нас то по урожаю зерновых, то по продуктивности скота, а в связи с этим и по выдаче продуктов и денег на трудодни. Это говорит о том, как быстро крепнут

колхозы, как повышается материальный и культурный уровень жизни советского крестьянства.

Недалеко то время, когда все колхозы Советского Союза будут цветущими и богатыми. Об этом повседневно заботятся большевистская партия, советское государство, наш великий вождь и учитель товарищ Сталин. Этому способствуют своим трудом миллионы колхозников, наш рабочий класс, наша советская интеллигенция.

П. Фокин,
депутат Верховного Совета РСФСР,
председатель колхоза имени Ленина.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ОКЕАН

Нью-Йорк — город пугающий... В этом городе слишком много денег. Слишком много у одних и совсем мало у других.

И. Ильф и Е. Петров.

На улицах Либавы было уже сухо. Дули влажные, теплые ветры. На деревьях набухали почки. Крестьяне прибрежной полосы готовились выехать в поле. В это время, ранней весной 1922 года, в порт прибыл океанский пароход из Америки.

Порт Либава, оторванный от Советской России, захирел. Прибытие иностранного парохода становилось здесь событием. А на сей раз это была сенсация: на пароходе приехало много русских и украинских крестьян.

Никто из них не собирался оставаться в буржуазной Латвии, она была для них только пересадочным пунктом. Крестьяне, ехавшие из Америки, направлялись в Советскую Россию. Торопливо перегружая свои пожитки с корабля на железную дорогу, приезжие беспокоились, как бы не опоздать к весеннему севу.

Местные лавочники злорадно посмеивались над приезжими и предсказывали, что они попадут прямо в Чека. Грузчики же, наоборот, встретили пассажиров очень приветливо. Один из портовых рабочих, принимая от переселенцев кладь, с нескрываемым восхищением сказал:

— Молодцы ребята!

Крестьяне ехали домой из Америки после долгих мытарств, после многих лет тяжелой жизни на чужбине. Измученные, разочарованные, возвращались они из-за океана и

поддерживала их только мысль о родной освобожденной земле, о том, что теперь, когда на родине не стало помещиков, можно будет зажить наконец по-человечески.

В чем же разочаровались пассажиры океанского парохода? Почему уехали они из страны прославленного «проедателя», из «американского рая»?

Чтобы понять это, надо знать, зачем они отправились в свое время за океан.

Родились и выросли эти потомственные крестьяне в разных местах обширной Российской империи. Но как ни далеко жили они друг от друга, судьба их сложилась одинаково. Эта судьба определялась безысходной нуждой, в которой находилась большая часть крестьянства царской России, властью кулаков и помещиков, в чьих руках были лучшие, плодородные земли.

Среди пассажиров океанского парохода был плотный, коренастый украинец Федор Мацук. Отец его Ефим Мацук был безземельный крестьянин села Вулька Радшинская, Волынской губернии. Уже в самом определении «безземельный крестьянин» есть какая-то злая насмешка. Земледелец без земли... Но это было именно так.

Работая со своим семейством на кулаков, Ефим Мацук лет двадцать копил деньги на землю. Он отказывал семье даже в хлебе. Наконец, он купил землю, четыре десятины. Но в семье было шесть ртов, а когда Федору пошел четырнадцатый год, в доме Мацуков было уже восемь человек — хлеба опять нехватало. Отец решил, что надо мальчику добывать хлеб самому, и устроил его чернорабочим на железной дороге, ремонтировать пути.

Труд был для мальчика непосильным, но он старался, как мог. От натуги к вечеру ломило спину, все тело ныло. Каждый вечер казалось ему, что завтра он такой работы уж не выдержит.

Когда Федору исполнилось пятнадцать лет, несколько безземельных односельчан собралось ехать в Америку. Он решил уехать с ними. Было все равно — хоть к черту на рога, только бы избавиться от каторжного труда. А в Америке, говорили ему, все будто бы делают машины и человеку работать там легко.

Второй пассажир — Петр Пшенко также подростком нанялся к помещику Rogozинскому в Таращанском уезде,

Киевской губернии. До двадцати лет работал он батраком, получая от десяти до тридцати копеек в день. Потом Петр Пшенко, как и Федор Мацук, отправился за океан, в Канаду.

Такова же была судьба и Корнея Задирако. Детство и ранняя молодость Корнея прошли у Черного моря, в хлебородной Одесской губернии. Но и его отец Евтихий Задирако тоже сидел без хлеба. Лишь только сын подрос, отец послал его к немцу-колонисту. Около двух лет, до 1908 года, батрачил Корней у колониста, ворочал за двоих, не досыпал, забыл, что на селе бывают вечерки. И вот к какому выводу пришел в конце концов его отец:

— Нет, сынку, от твоей работы на немца ни грошки проку. Давай думать что-нибудь другое.

По всей России думали мужики одну и ту же думу: о земле, о хлебе. Шли за землю с дрекольем и вилами, поднимали бунты, жгли помещичьи усадьбы. Незадолго до того, как сидели и думали Корней и Евтихий Задирако, царский трон зашатался под натиском первой революции. Но революция была подавлена, и все осталось по-старому. Выход из нужды отец и сын Задирако видели только в том, чтобы прикупить земли.

Но если бы даже всю свою жизнь батрачил Корней у немца-колониста, денег на землю он вряд ли накопил бы.

Что было делать? Можно было, казалось им, переселиться в Сибирь, где есть свободные земли. Но переселенцы, брошенные царским правительством на произвол судьбы, присылали из Сибири письма, полные отчаяния. Во всех этих письмах говорилось одно и то же: без денег в Сибири делать нечего.

Отец с сыном стали считать, сколько потребуется на дорогу в Сибирь, на покупку лошади, сбруи, инвентаря, на постройку самой захудалой халупы и дворника, на семена. Денег требовалось много. А когда подсчитали, за сколько можно продать свое хозяйство, — сумма оказалась совсем ничтожной. Путь в Сибирь был закрыт.

Может быть, уехать Корнею на заработки в Америку и там копить деньги на землю? У немца-кулака, на которого батрачил Корней, два сына жили за океаном, в Дакоте.

— Находит, значит, выгоду, — рассуждал Ефтихий про помещика-колониста, — нанять себе работника, а сыновей послать в Америку.

Стали расспрашивать да считать, сколько же надо денег, чтобы доехать до той самой Дакоты. Вышло 130 рублей — много дешевле, чем на переселение в Сибирь. Если рублей полсотни занять, можно ехать. И вот Корней Задирако отправился в Америку. Он был уверен, что возвратится оттуда с такими деньгами, которых хватит, по крайней мере, на пять десятин земли и на пару хороших лошадей. В то время Корней не интересовали «американские свободы». Он думал об Америке только как о богатой стране, где можно накопить деньги на землю.

По той же причине покинул родину и отправился за океан Борис Феофанович Григоренко. Батрак из села Медвин, на Киевщине, Борис Григоренко слышал, что в Америке рабочие хорошо одеваются, ходят в шляпах, спят каждый на отдельной кровати. Деньги же накопить там будто бы ничего не стоит.

Не баснословными заработками, не свободой и равенством, а бесчеловечной эксплуатацией, безработицей, доводящей до отчаяния, продажностью везде и во всем — вот чем обернулся к русским эмигрантам американский рай.

— Ищу работы, — вот первые слова, которые пришлось выучить на чужом языке крестьянам, прибывшим из России.

Петр Пшенко десять лет ходил по Канаде и всюду говорил одно и то же:

— Ищу работы.

Отчаявшись устроиться в городе, он с котомкой за плечами отправился по фермам. Часто, не находя работы, проводил ночи у костра, в стороне от дороги. Развернув котомку, готовил на костре свой скудный ужин.

Двадцатилетним голубоглазым юношей, полным надежд, ступил Петр Пшенко на американский материк. Десять лет он прожил в Канаде, и все же не было у него ни дома, ни денег, ни земли, ни семьи. Десять лет были выброшены на бесплодные странствия.

Борис Григоренко и Федор Мацук попали в Нью-Йорк. Если раньше, на родине, хлеб насущный давался им очень тяжело, то теперь его надо было буквально вырывать. И Ма-

цук с первых же дней пребывания в Нью-Йорке стал думать о том, как бы возвратиться домой. По сравнению с этим холодным, жестоким для трудового человека, огромным чужим городом своя нищая, но родная деревня Вулька Радощинская показалась Мацуку благодатным местом. Но на обратный путь опять нужны были деньги, а их не было.

Около двух месяцев жил Федор в Нью-Йорке и за это время хватил горя больше, чем дома. Надежды на хороший заработок быстро исчезли. Уже не выгодную работу искал Мацук, а хоть какую-нибудь. Наконец, через земляка, по знакомству, удалось ему устроиться на целлюлозную фабрику в Бруклине. Но на душе не было покоя. «Сколько же надо работать, — думал он, — чтобы оправдать расход на дорогу и заплатить долги».

Зарботок был скудный и к тому же ненадежный. Когда на фабрике началась забастовка, Мацук бастовал вместе со всеми. После забастовки многих уволили, в том числе и русского рабочего. Опять он остался без средств к существованию. На собственном опыте он все более убеждался в том, что добиться справедливости рабочему человеку в Америке невозможно. Хозяин может сделать с ним что угодно, и в «свободной» Америке, как и в царской России, нет на хозяина управы.

Пришел он однажды утром на свою фабрику, где делал оправы для роговых очков, а его вызывают в контору: «Уволен!» Почему уволен, объяснить не стали. «Уволен без объяснений» — и все. Но Федор Мацук сразу понял, за что его уволили.

Это произошло в то время, когда в России уже совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Все честные трудящиеся русские люди всей душой радовались революции, радовались и приветствовали ее. С глубоким интересом и сочувствием следили за событиями в России и американские рабочие, искренне желая победы русскому рабочему классу.

Когда стало известно, что войска США высаживаются на Дальнем Востоке, трудящиеся Нью-Йорка вышли на демонстрацию под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» К демонстрации присоединился и Мацук. Вместе с американскими рабочими он хотел выразить свой протест против посылки войск на подавление русской революции.

Когда огромное шествие повернуло на Пятое авеню, появилась конная полиция.

Обогнав колонну, полисмены повернули лошадей навстречу, смяли передние ряды и начали давить народ. Спереди жали конные, с боков орудовали дубинками пешие полисмены. Один из полисменов сильно ударил резиновой дубинкой Мацук. Скрывшись от полиции в каком-то дворе, Мацук думал, что ему удалось отделаться ударом резиновой дубинки. Когда же на фабрике ему сказали: «уволен», Мацук понял все. Увольнять-то было не за что, кроме как за демонстрацию, работал он неплохо.

После этого ни в Нью-Йорке, ни в Бруклине Федор не мог найти работы. Он уходил в пригороды, на фермы. Трудился по двенадцати часов, спал на чердаках.

Так прожил Мацук в Америке девять лет.

Борис Григоренко, которому рассказывали, что в Америке рабочие живут, «как господа», ходят в шляпах и при галстуках, приехав за океан, действительно увидел таких рабочих. Позже он узнал, что нередко человек ходит там в шляпе, при галстуке, а голодает, потому что не имеет работы. Самого Бориса Григоренко, коренастого и русоволового парубка с Киевщины, тоже можно было видеть в шляпе и при галстуке. Он появлялся то на улицах Нью-Йорка, то в порту, то в пригородах, то на фермах. Он был в шляпе и при галстуке, но перебивался случайными нищенскими заработками.

Какой-то судья-фермер взял Бориса в батраки. У судьи было сорок коров, несколько лошадей, свиньи, птица. И на все хозяйство хозяин держал двух работников. Григоренко возил дрова, заготавливал корм, ухаживал за скотом, доил коров. Работать ему приходилось по семнадцать часов в сутки, а получал меньше полутора долларов.

Несколько иначе сложилась в Америке судьба Корнея Задирако. Добраться в Дакоту ему не удалось: нехватало денег на дорогу. Так и не узнал Корней, чем занимаются в Дакоте сыновья немца-колониста. Самому же ему пришлось нелегко. Первые два года работал он то на угольных шахтах, то на заводе в Бисбурге, а чаще всего был занят поисками работы.

Наконец, Корнею повезло. Один из приятелей пригласил его к себе в Пенсильванию. Здесь, в городе Бевик, про-

работал Задирако на заводе беспрерывно три года. Это открыло его. Он вызвал в Америку жену и младшего брата, оставшегося на родине с отцом. Корнею казалось, что вдвоем с братом они на клочок земли заработают на верняка. Но едва младший брат освоился с незнакомым ему делом на заводе, как в результате кризиса оба оказались без работы.

Корней по личному опыту знал, что такое безработица. Считая свои сбережения, он с тревогой думал о том, что будет, когда им наступит конец. И тут «нечистая сила», как говаривал он потом, навела его на мысль купить ферму. Известно, что в Америке все можно приобрести в кредит. Решил он, пока есть деньги, купить под Бевиком участок.

Братья внесли задаток, купили лошадь и засучив рукава принялись за дело. Сами рубили лес, возили бревна, распахивали целину, запасали корм для лошади. Вскоре построили они небольшой домик и собрали первый урожай. Но тогда же выяснилось, что прожить доходами от своего хозяйства невозможно. А сроки уплаты долга за землю подходили.

— Да, дорогие друзья, — рассказывал впоследствии Корней у себя на родине, — трудно тогда нам пришлось в этой Пенсильвании, будь она проклята. Ох, как трудно на чужбине без денег, когда знаешь, что никто не поможет.

Сидя на своем скудном клочке земли, братья Задирако считали, что им просто не повезло. Но в таком же положении находились десятки тысяч американских фермеров. Волчьи законы капитализма ежегодно приводят к разорению множество фермеров, гонят их в армию безработных. По данным американской статистики, более одной трети всех фермерских хозяйств США до войны было заложено в банке. Не заплатил долга — ферму продают с молотка.

В 1914 году, когда безработица миновала, братья снова пошли на завод в Бевик. Надо было как-нибудь отработать долги. Хозяйство оставили главным образом на жену Корнея. А у нее к тому времени было четверо детей мал-мала меньше. О доле женской на ферме можно было сказать словами Некрасова: «вряд ли труднее сыскать».

Но и братьям было не легче. От фермы до завода — без малого десять километров. Ходили они в Бевик пешком. К долгому изнурительному труду на заводе прибавились

двадцать километров пути и работа на ферме. Надо ли удивляться, что сил у братьев хватило не надолго. Домой они приходили усталые и разбитые настолько, что работать на ферме не было уже никаких сил. К тому же не оставалось и времени. Братья решили ездить в город на лошади. Однако к весне стало видно, что управиться с работами на ферме при таком использовании лошади невозможно. А уйти с завода тоже нельзя: за неуплату долгов потеряешь землю.

Так старший Задирако пришел к мысли еще раз воспользоваться американским кредитом и купить легковую машину.

Прошло несколько лет, а дохода от земли едва хватало только на весьма скромную жизнь. В Америке на мелкого фермера, как на бедного Макара, все шишки валяются. В засушливый год он сидит без хлеба. В хороший год, когда хлеба много, мелкому фермеру опять плохо: хлеб так падает в цене, что невозможно свести концы с концами.

Оттого, что братья купили легковой автомобиль, кабала не уменьшилась, а наоборот, возросла. Теперь платежи шли один за другим — то за землю, то за «фордик». Чтобы платить долги, братья должны были работать оба и на заводе и на ферме.

Только через два года они рассчитались за «фордик». За землю братья платили вдвоем уже более восьми лет, но конца этим платежам все еще не предвиделось.

В 1922 году земляки, работавшие на американских заводах, предложили Корнею ехать с ними вместе на родину. Это предложение глубоко взволновало его. Не долго думая, он решил отказаться от злополучной фермы и предложил брату вместе ехать на родину, где уже не было ни капиталистов, ни помещиков, а советская власть предоставляла крестьянам землю безвозмездно — только работай!

Младший Задирако не согласился. Самая мысль о том, чтобы бросить хозяйство, созданное ценой неимоверных усилий, не укладывалась в его сознании. Корней долго настаивал, брат долго возражал, и каждый остался при своем мнении.

Землю и все связанные с ней обязательства старший Задирако передал брату. Ему же оставил он и легковую машину, чтобы молодой фермер не опаздывал на завод. Еще

шесть лет пришлось работать на заводе в Бевики младшему Задирако, прежде чем он сумел расплатиться за землю. Только в конце 1928 года Корней получил письмо из Америки, в котором брат сообщал, что наконец-то ему удалось осилить последний взнос в погашение долга.

Какими, кстати, машинами пользовался Корней Задирако на своей ферме в такой индустриальной стране, как Соединенные Штаты Америки? Машин у него не было совсем, потому что в небольшом хозяйстве они недоступны и невыгодны. Тем более трактор — за него пришлось бы отдать три-четыре урожая сполна. Пахали конным плугом, были бороны, вот и все. Урожай убирали вручную.

Почти так «вооружены» машинами все мелкие фермерские хозяйства Америки. Тракторы, силосорезки, сложные молотилки применяются там лишь крупными землевладельцами, которые широко используют наемную рабочую силу. Трактор, принадлежащий крупному землевладельцу, сплошь и рядом несет с собой для мелких фермеров разорение, сгоняет их с насиженной земли. Когда-нибудь он перепашет и тот маленький участок, в который братьями Задирако было вложено столько труда. Возможно, что это несчастье случилось, и младший Задирако ходит по дорогам Америки в поисках работы. Все может быть. Корней не получал от брата никаких вестей вот уже около 15 лет.

В 1945 году в Соединенных Штатах Америки была проведена очередная сельскохозяйственная перепись. Она показала, что фермерское население за десять лет, с 1935 по 1945 год, уменьшилось на пять миллионов человек. Между тем, количество фермерской земли не уменьшилось, а даже увеличилось. Это значит, что произошел процесс вытеснения мелких хозяйств более крупными.

В американском «Ежегоднике» департамента земледелия (1940 года) читаем такие строки: «Американцы недавно узнали ошеломляющий факт: от одной трети до половины фермерских хозяйств очень мало участвуют в товарной продукции сельского хозяйства. Они не в состоянии конкурировать на рынке; им нечего продавать, живут они в крайней нищете, многие из них вынуждены бродяжничать. Они вытесняются из товарного производства более производительными фермерами и переходят к натуральному хозяйству, как к единственному способу существования».

Таковы результаты применения сельскохозяйственной техники в условиях капитализма. Оказывается, многим фермерам, чтобы спастись от смерти, надо возвратиться к первобытному натуральному хозяйству.

После войны положение фермеров нисколько не улучшилось. Официальные данные американской статистики показывают: теперь две трети всех фермеров живут так бедно, что не имеют возможности применять в хозяйстве машины. Тракторами и комбайнами пользуется только одна треть — богатые фермеры.

Итак, люди, не нашедшие счастья в Соединенных Штатах, в Канаде, в Австралии, весной 1922 года прибыли на большом океанском пароходе в Либаву. Здесь они пересели на поезд и вскоре приехали в Советскую Россию. В Москве их ходатайство о предоставлении земли было удовлетворено. Им отвели участки плодородного тамбовского чернозема близ города Кирсанова. В царское время большинство здешних крестьян могло бы сказать насчет этих земель: и видит око, да зуб неймет. До революции в Тамбовской губернии насчитывалось 12 тысяч безземельных крестьян, плативших за аренду 350 тысяч рублей золотом.

Вместе с тамбовскими крестьянами и начали строить свою жизнь на новых началах русские, украинцы и белорусы, прибывшие из Америки. Четверть века назад под городом Кирсановом заложили они основы ныне цветущего орденосного колхоза имени Ленина.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та...

А. Жданов

Путь от Кирсанова к колхозу имени Ленина идет полями. Однообразие пейзажа ничем не нарушается, пока, наконец, не подъедем к глубокому оврагу. Около него расположилось село Екатериновка. Здесь сельсовет, на территории которого и создана сельскохозяйственная артель имени Ленина.

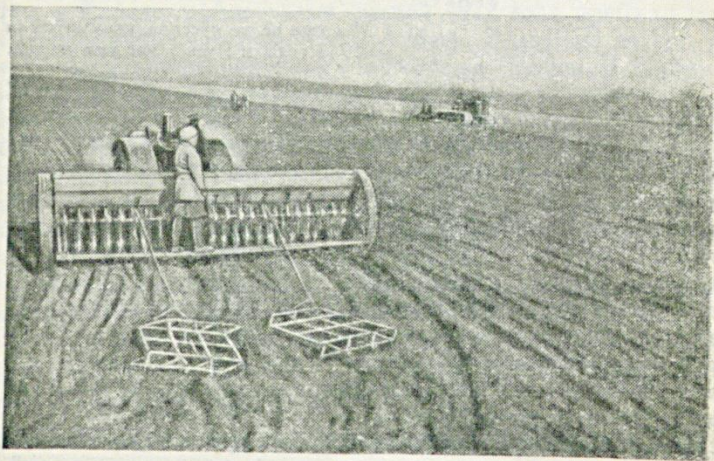
Вот мы в колхозе четверть века спустя после его основания. Смешанная картина города и деревни возникает перед нами. Чудесные яблоневые сады, аллеи, лесозащитные полосы, река, лес. Нет, это не индустриальный пейзаж. В то же время на каждом шагу промышленные сооружения: красивый кирпичный домик электростанции, монументальное здание колхозного мельничного комбината, лесопильный, кирпично-черепичный, маслодельно-сыроваренный заводы. Вдалеке гидроэлектростанция с прочной плотиной, преградившей путь реке Ире. В полумраке кузницы польхают горны; от пекарни идет теплый дух только что выпеченного хлеба; из ворот автогаража выходят грузовики.

Здесь есть свой радиоузел и большой клуб со стационарной киноустановкой; амбулатория, почта, магазин, двухэтажные жилые дома и водоразборные колонки. По утрам матери отводят младших ребят в детский сад, старшие — отправляются в школу-семилетку.

Нет, не такой вспоминается русская деревня младшему Задирако. Думая о старшем брате, он, вероятно, представ-

ляет себе Корнея у коптилки, за скудным столом в маленькой избушке с земляным полом и подслеповатыми окнами.

Но деревня уже не та, да и сам Корней совсем не тот, каким приехал сюда из-за океана. Ему теперь было бы до смерти скучно хозяйствовать на такой ферме, какая была у него в Америке. В колхозе более трех тысяч гектаров земли, много скота, немало всяких подсобных предприятий. Живут здесь 450 семейств. Корней Евтихьевич здесь большой человек — бригадир хозяйственной бригады. Мы познакомились с ним в правлении колхоза:

Колхозники всегда во-время управляют с полевыми работами. Сев озимых

В соседней комнате его дожидались колхозники. У каждого было к бригадиру свое неотложное дело. Один закончил порученную ему работу и ждал дальнейших распоряжений. Другой пришел с мельницы просить, чтобы прислали туда двух-трех человек на помощь. Все это для Корнея Евтихьевича привычные дела, с ними он справляется успешно и без них ему было бы не по себе.

Вечером Корней Евтихьевич пойдет домой отдохнуть, потом опять в контору правления давать наряды, а оттуда —

в партийный кабинет на очередное собеседование по истории ВКП(б). Там он будет задавать руководителям кружка такие вопросы, о которых в Америке не имел и не мог иметь ни малейшего представления. Его интересует, какие противоречия остаются при социализме и в чем именно они выражаются; сколько чугуна и стали будет произведено в нашей стране в 1950 году; какие экономические преобразования осуществлены в странах новой демократии. Вместе с Федором Мацуком, Петром Пшенко и другими руководящими работниками артели он упорно и настойчиво овладевает основами марксистско-ленинской теории.

Учебой руководит партийная организация колхоза. Она следит за тем, как работают над собой коммунисты, и оказывает им помощь.

Здесь так же, как и во всей нашей стране, действует сталинский принцип воспитания кадров: кто бы ты ни был — химик или математик, агроном или механик — ты должен знать законы развития общества и применять их в практической работе.

Поэтому и агроном, и ветеринарный врач, и механики, и звеньевые, и работники животноводческих ферм изучают марксистско-ленинскую теорию. Наиболее подготовленные члены партии занимаются самостоятельно, для остальных организованы кружки и семинары. Члены партии и беспартийные активисты для изучения истории ВКП(б) объединились в четыре кружка по 20—25 человек в каждом. Руководят этими кружками педагог школы — преподаватель истории Синегубов, заведующий маслозаводом Курганов и механик Мелохин. Менее подготовленные (в основном — молодые колхозники) учатся в кружке политграмоты под руководством воспитательницы колхозного детдома коммунистки Желудковой.

Воспитательная роль партийной организации видна не только в повседневной работе сорока шести агитаторов и чтецов, которые читают газеты в поле и на ферме, но и в личном примере коммунистов, в том авторитете, которым пользуется партийный актив у колхозников.

Корней Задирако никогда не забывает о партийной учебе. Он чувствует в ней необходимость, она нужна ему, как хлеб.

Там, на американской ферме, Корней Задирако, что называется, брал горбом. Здесь никак не обойтись без специальных знаний. Он посещает агротехнический кружок, созданный для бригадиров и звеньевых. Ему интересно и необходимо знать, что говорили о жизни растений Мичурин и Тимирязев, на каких основах построена травопольная система академика Вильямса, которая находит применение и в колхозе имени Ленина. Все эти и многие другие вопросы волнуют Корнея Евтихьевича.

Партия, советская власть, четверть века работы в крупном коллективном хозяйстве на советской земле сделали Корнея Задирако мыслящим человеком, человеком широкого кругозора. Теперь он опытный организатор и хозяин большого артельного богатства.

Все хорошее, что есть в этом хозяйстве, он как бы замечает. И тракторы, и двенадцать грузовых машин, и комбайны, и сложные молотилки, и десятки других машин, и бесперебойная подача электричества в мастерские — все это уже привычно для него.

А что если бы молодой Корней попал в такое хозяйство в те дни, когда он думал: ехать ли в Америку?

— Я просто ничего бы тут не понял, — смеется Корней Евтихьевич. — А может быть, принял бы эту всю технику за дьявольское наваждение.

В самом деле, первый трактор появился в России в 1913 году на Киевской сельскохозяйственной выставке. Это было через семь лет после того, как Корней Задирако уехал в Америку. Тогда на машину, которой предстояло совершить переворот в земледелии, смотрели, как на диковину. Трактор не распашал в России к тому времени ни одного гектара земли даже в помещичьих имениях.

— Теперь мы тут, — говорит Задирако, — на лошадах пашем только небольшие участки, где не выгодно использовать трактор.

Десять десятых всех важнейших полевых работ — вспашка, культивация, боронование и сев — выполняются с помощью тракторов. В старой же Тамбовской губернии девять десятых земельных площадей обрабатывались даже не конным плугом, а сохой, и засевали их вручную.

В колхозе механизирована не только обработка почвы. Хлеб убирают комбайнами и жатками, а молотилки здесь такие, что выдают за смену свыше 1500 пудов зерна. Их приводят в действие опять же тракторы и электромоторы.

Неизмеримо легче и производительнее стал крестьянский труд. Раньше крестьянин вспахивал на своей лошаденке примерно полгектара в день. Теперь колхозный тракторист пашет по 7—8 гектаров да еще ведет за плугом несколько тяжелых борон.

Не о машинах, тем более не о тракторе мечтал раньше здешний крестьянин, а только о лошади. В 1912 году в Кирсановском уезде насчитывалось 33,8 процента безлошадных хозяйств, а в 1917 году число безлошадных хозяйств возросло до 42,3 процента. Труд крестьян был поистине каторжным. Все зависело от мускульной силы, от физического напряжения, вернее перенапряжения.

В колхозе имени Ленина речь идет об управлении машиной. И не только на поле. Пойдите у колхозного амбара-элеватора, когда от комбайнов и с токов одна за другой прибывают сюда машины с зерном. Его подают в закрома транспортером. Труд сельскохозяйственный превращается в разновидность труда индустриального.

Трактор, который в Соединенных Штатах Америки за одно десятилетие разорил и согнал с земли триста тысяч фермерских семейств, здесь, на советской земле, принес крестьянину огромное облегчение в труде и зажиточную жизнь.

Как на промышленном предприятии нельзя обойтись без инженера, так теперь и в колхозах необходимы агрономы, зоотехники, механизаторы — люди со специальным образованием.

Таким инженером земледелия является в колхозе имени Ленина агроном Дмитрий Иванович Зиновьев.

Этот небольшого роста сухоощавый человек поражает своей энергией. С ранней весны и до поздней осени добрую половину дня проводит он в седле, объезжая огромные колхозные владения. Шустрая гнедая лошадка агронома весной обскочет за день чуть ли не всю колхозную пашню. Дмитрий Иванович на месте решает, что завтра с утра надо пустить культиваторы и бороны, что здесь уже пора, а там еще рано начинать сев. Агронома можно сравнить и с глав-

ным инженером предприятия и с начальником основного цеха.

Дмитрий Иванович совсем не похож на старого земско-го агронома. Он творец высоких урожаев, а земский агроном в лучшем случае оставался только советчиком. Впрочем и этих советчиков на всей территории Кирсановского района до революции было всего три. Теперь здесь 42 агронома.

Да и можно ли было выполнить совет агронома в старом единоличном крестьянском хозяйстве? На вопрос этот лучше всего ответит сам Дмитрий Иванович Зиновьев, человек от земли. Детство и юность он провел в единоличном хозяйстве отца, в бывшем Чембарском уезде, Пензенской губернии.

Вот он сидит с нами на скамеечке у своего дома, радуется легкому заморозку и солнцу, которого не было уже три недели, и рассказывает о себе.

— После революции получили мы землю. Но какие указания агронома могла применить наша семья в своем единоличном хозяйстве? Как можно говорить, например, о чистоте семян, когда мы их сортировали лопатой, на ветру? Пахали мы на глубину восемь-десять сантиметров. И не потому, что ленились как следует обработать почву — ведь сохой глубже не возьмешь.

Теперь в колхозе Дмитрий Иванович требует, чтобы трактористы пахали на глубину 20—25 сантиметров, никак не меньше. И если по небрежности или в спешке кто-нибудь из трактористов занизит глубину вспашки, обязательно заставит его пахать снова.

— Но главное, — продолжает Зиновьев, — темпы. Темпы у нас были не те, а они решают дело... Весна в наших краях обычно дружная. В середине апреля снегу уже нет, становится тепло, начинаются юго-восточные ветры, и почва быстро сохнет. Надо бросить зерно в почву, пока в ней еще много влаги. Выходит — и сроку всего одна неделя. Опоздаешь — проиграешь. Могли бы мы с отцом управиться в такие сроки на одной лошади? Куда там! Тут тебе и навоз надо вывезти, и пахать, и боронить, и сеять.

В колхозе же одиннадцать тракторов, более пятидесяти рабочих лошадей, несколько волов и мулов, вполне доста-

точно культиваторов и сеялок. Вот почему за неделю колхозники всегда управляют с севом.

Вместо дедовских приемов созданы подлинно научные методы борьбы за высокие урожаи. И ныне Зиновьеву уже не приходится убеждать никого, как важно перейти от трехполки к многопольному севообороту. На массивах, которые носят название Центральный и Новый, введены десятипольные севообороты, на Мельничном участке и в восточной части Нового нарезаны поля специальных кормовых севооборотов.

Каждый кусочек земли проверен, обмерян, занесен на карту. Раскрывая карту, колхозники думают о том, на каком еще участке требуется посадить лесозащитные полосы, где можно наладить искусственный полив. Укажите любую точку карты и задайте членам правления вопрос: а что здесь выращивали пять-шесть лет назад, что будет посеяно через три-четыре года? Если правленцам изменила память, они расколют Книгу полей, но ответят абсолютно точно. Даже добавят, каков был урожай, при какой обработке, что показал химический анализ почвы на этом клочке земли, какие удобрения сюда вывезены.

Удобрений у колхоза много, и не только местных. Колхоз широко использует суперфосфат, аммиачную селитру, сульфатаммоний. Эти удобрения, как и машины, дала колхозу социалистическая промышленность. И благодаря неограниченной помощи советских заводов здесь действует уже не темный дедовский завет, а научно разработанная технология сельскохозяйственного производства.

Результат высокой механизации и химизации хозяйства артели имени Ленина можно как следует оценить только путем сравнения.

В либеральной газете «Тамбовский голос», вышедшей до революции, мы нашли средние данные об урожае зерновых на крестьянских землях (в том числе и на кулацких) за десятилетие (1895—1904 годы). Оказывается, тамбовские крестьяне собирали в среднем ежегодно по 56,6 пуда ржи и по 44,5 пуда овса с десятины.

Посмотрим, каковы урожаи колхоза имени Ленина за десять лет (1936—1945 годы).

Колхоз собирал ржи в среднем по 98 пудов с гектара, а овса по 85 пудов. К этому надо сделать две существен-

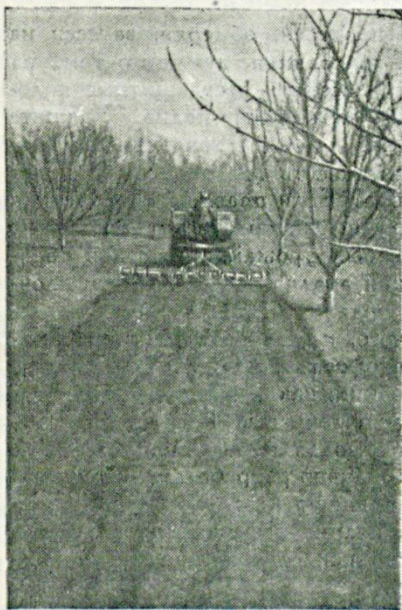
ные поправки. Первая: гектар на одну шестнадцатую меньше десятины. Вторая: на взятое нами десятилетие приходится четыре военных года. В эти годы людей для полевых работ не хватало: большинство мужчин ушло на фронт. Колхоз отдал фронту пятьдесят лошадей, два трактора, три грузовых автомобиля. Все это не могло не отразиться на урожае. Тем не менее, они вдвое выше, чем у крестьян-единоличников, к числу которых старая статистика, повто-

ряем, относит и кулаков.

Ежегодно колхоз собирает от 15 до 25 тысяч центнеров зерновых культур. От 33 до 45 процентов собранного зерна распределяется по трудодням.

Велико и разнообразно хозяйство артели имени Ленина. И с каждым годом оно развивается и совершенствуется.

Однажды вечером колхозные активисты, засидевшись в партийном кабинете за дружеской беседой, стали вспоминать прошлое: как разводили сад, какой был поселок пятнадцать—двадцать лет назад, где, когда и что построили. Тут и возникла у кого-то мысль:

В яблоневом саду. Обработка междурядий

заснять все свои теперешние богатства и сделать колхозный альбом.

Мы перелистываем страницы альбома, и перед нами разворачивается колхозная жизнь как она есть.

Вот стройка большого дома над овражком. Циркулярная пила врезается в сосновый ствол.

Яблони гнутся под тяжестью урожая. Яблоки в каплях дождя. Под фотографией написано: плодоносящий сад площадью семьдесят гектаров.

Ферма. Сотни белоснежных леггорнов спешат на зов птичницы.

Школа. Ребята веселой гурьбой выбегают на лужайку.

Связки колбас, висящие на крючьях; головки голландского сыра. Это продукция предприятий колхоза.

Токарные, фрезерные станки, электросварка. Это механическая мастерская.

Мощный, холеный бык, один из родоначальников колхозного стада — Риф.

На реке. Капитальное трехэтажное здание мельничного комбината. Идет работа по сооружению гидроэлектростанции. Добавим: последняя фотография уже устарела, гидроэлектростанция готова и дает ток.

В родильном отделении. Медицинская сестра в белом халате, улыбаясь, подает матери новорожденного.

Лучшая телятница колхоза Марта Кригер кормит новорожденных телят. Она тоже в белом халате.

Сложная аппаратура радиоузла. Аппаратурой управляет молодой колхозник Григорий Савков.

Колхозный ипподром. Тренинг рысаков. Бежит белый жеребец Гектар.

Груды огромных арбузов.

Поднимая пыль по дороге, идет к скотным дворам большая огара овец.

Огромная свиноматка и крохотные по сравнению с матерью белоснежные поросята. Подпись гласит, что на свиноферме двести свиней.

Широкое поле. Цветет греча. Среди поля — колхозная пасека. Пчел ввезли на поле: больше будет меда, больше и гречихи. Справка под фотографией: на пасеке 210 пчелосемей.

Мы сидим в той же самой аккуратно прибранной комнате, где возникла интересная мысль — запечатлеть все хозяйство, каким оно было в 1947 году. Напротив нас, за столом Иван Егорович Карагодов, секретарь партийной организации. Он объясняет фотоснимки, которые еще не успели снабдить подписями.

В альбоме находим и фотографию председателя колхоза Павла Николаевича Фокина. В парткабинете он бывает часто. На снимке слева от Фокина видна этажерка с книгами Ленина и Сталина. Позади, на передней стене, — переходящие Красные знамена, свидетельство больших успехов, одержанных коллективом в социалистическом соревновании колхозов.

Знамена не случайно хранятся в парткабинете. В том, что сельскохозяйственная артель имени Ленина давно стоит в ряду передовых колхозов, — заслуга партийной организации.

Трудно назвать такой крупный шаг в жизни артели, который не направляла бы партийная организация. Наступает ли сев, начинается ли уборка, коммунисты (а их здесь 121) обязательно обсудят, как лучше и быстрее провести эти работы.

Февральский Пленум ЦК ВКП(б) в 1947 году дал программу послевоенного подъема сельского хозяйства. Серьезно и деловито обсуждали коммунисты колхоза это историческое постановление.

Конкретные пути хозяйственного и организационного укрепления колхоза, разработанные по указаниям февральского Пленума ЦК ВКП(б), были положены в основу пятилетнего плана, который утвердило общее собрание колхозников.

Трудовая дисциплина здесь крепка. Отдельные отстающие люди, старающиеся урвать себе побольше, а колхозу и государству дать поменьше, получают решительный отпор всего коллектива. В этом тоже заслуга партийной организации. Неустанно, изо дня в день, на конкретных примерах воспитывает она у колхозников коммунистическое отношение к труду, к общественному добру. И во всей этой работе в ногу с коммунистами идут комсомольцы. Их в колхозе около ста.

Коммунисты и комсомольцы трудятся на всех решающих участках: они сидят за рулем тракторов, они в садово-огородной бригаде, в механической мастерской, на животноводческих фермах, на строительстве.

В колхозе три полеводческие бригады и двадцать два звена. Все они весной под руководством партийной органи-

зации начали соревнование за сто двадцать пудов зерна с гектара.

Когда наступило время косовицы хлебов, коммунисты поставили задачу — убрать озимые и ранние зерновые за две недели. Два исправных комбайна находились в распоряжении полеводов, и все же на поля были брошены, кроме того, все жатки и косилки. Погодка удалась на славу, и этим надо было воспользоваться, не теряя ни одного часа.

Работать каждому за двоих, вести за собой всех остальных колхозников! Такую задачу поставила партийная организация перед коммунистами и комсомольцами.

Колхозник, перевозивший зерно от молотилки к амбразу, вспоминая об этом, говорил:

— Честное слово, работали мы так, что дух захватывало. Такой у нашего народа задор появился... Что ни день — три трудодня. А за месяц — сто.

Колхозник, который сказал это, — человек беспартийный, но работал он, как коммунист, потому что такая была создана на полях обстановка.

Коммунисты и комсомольцы Ляпунова, Луцишина, Чернышова, Зябликов, Шорина, Микунов и многие другие в два раза перевыполняли дневные задания на косовице зерновых и вязке снопов. На полях вели работу 46 агитаторов, чтецов и беседчиков. В их числе были Микунов, Чернышова, Зябликов и другие. Они не только на словах, но и на деле показывали, как надо работать. В распоряжении чтецов были газеты и журналы. Ежедневно выходили листки-«молнии», показывавшие передовых работников, их успехи.

Массовая политическая и организаторская работа дала свои результаты. На другой день уборки на полях не было ни одного колхозника, который не выполнял бы дневную норму. Озимые и ранние зерновые на площади свыше тысячи гектаров колхоз убрал за тринадцать дней. После этого на поля вышли пионеры и школьники, чтобы собрать оставшиеся колосья.

Партийная организация поставила задачу — сдавать хлеб государству с самого начала уборки. По обязательным поставкам зерна колхоз должен был вывезти на заготпункты 21 100 пудов хлеба. К 15 августа он сдал государству на 3 тысячи пудов больше.

Колхоз в засушливом 1946 году получил от государства помощь: отсрочку по хлебопоставкам и семенную ссуду — около 5 тысяч пудов зерна. Этот долг следовало возвратить из урожая 1948 года. Артель погасила его в сентябре 1947 года — на год раньше.

Лучшего урожая добились звенья, возглавляемые коммунистами, а также звенья, состоящие в большинстве из комсомольцев.

Партийная организация требует от коммунистов, чтобы они показывали личный пример борьбы за укрепление колхоза во всех отраслях хозяйства. Как выполняют это требование коммунисты Мацук, Григоренко и другие, будет еще рассказано дальше.

Мы были в колхозе, когда началось распределение доходов. Мы видели, как велико влияние коммунистов. Хлеба в артели было много. Правление предложило выдать на трудодень по 3 килограмма. Но некоторые колхозники стали с цифрами в руках доказывать, что можно и должно выдать вместо 3 по 5 килограммов зерна.

Выдать по 5 килограммов зерна действительно можно было. Но для этого следовало уменьшить расход зерна на нужды животноводства и отчисления в общественные фонды.

Партийный актив выступил единым фронтом против этого предложения. Коммунисты доказали, что сила колхоза не только в выдаче зерна на трудодень: зажиточная жизнь создается из всестороннего развития общественного хозяйства.

Общее собрание членов артели согласилось с доводами коммунистов. Животноводческие фермы получили полную норму концентратов и в будущем году, вероятно, удвоят товарность. А это скажется на трудодне и уровне жизни колхозников более основательно, чем 2 килограмма зерна.

Объектив фотоаппарата зафиксировал двигатель электростанции в 80 лошадиных сил и трактор, поднимающий целину. Даже по снимкам вы чувствуете их мощь. Но самая большая сила — это сила людей, вдохновляемых учением Ленина—Сталина. Это они создали и тракторы, и электростанции, и все хорошее, что есть в хозяйстве.

Вот на листах альбома мы видим здание механической мастерской, корпус лесопильного завода, новый скотный

двор. Все это возведено перед войной и частично достраивалось уже в самые трудные для нас годы борьбы за честь и независимость советской Родины.

Неодолимая сила советского патриотизма, сила великих идей Ленина—Сталина двигала народом. И потому в момент смертельной опасности здесь не только не потеряли веры в победу, но в тяжелых условиях нехватки людей и материалов все же продолжали строить и достраивать то, что было начато раньше.

Вот лист альбома, показывающий, что после войны строительство ведется с новой энергией.

...Тихая заводь. В зеркале воды отражается безоблачное небо. С берега спускаются ветки кустарника. За ними видна плотина колхозной гидроэлектростанции на реке Ира. Ее пустили в 1947 году.

Труды и заботы не мешают людям хорошо повеселиться.

...Танцевальная площадка в колхозном парке. Кружатся пары. Вальс.

И снова фотографии колхозного богатства...

Стадо коров спускается к реке.

Животноводству здесь уделяется исключительное внимание, оно составляет важнейшую часть разнообразного колхозного хозяйства.

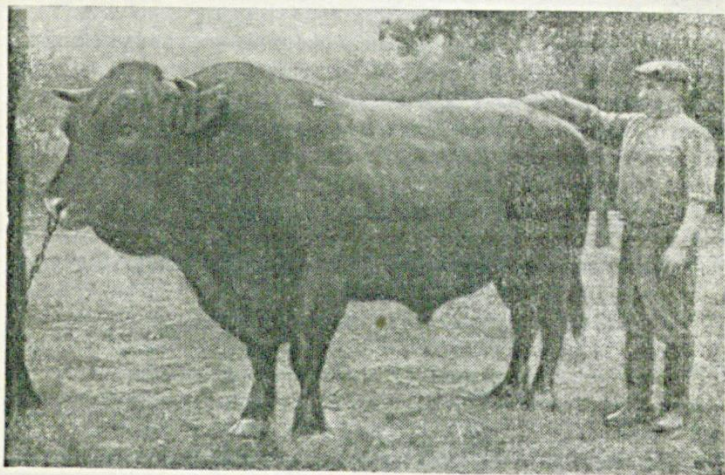
В цехе, возглавляемом Дмитрием Ивановичем Зиновьевым, слишком много «отходов». «Зеленое растение, — писал академик Вильямс, — производит только 25% всей продукции в форме, годной для потребления, 75% всей продукции оно выпускает в виде соломы, мякины и тому подобных негодных для непосредственного потребления человеком продуктов».

Это хорошо известно руководителям колхоза. Им известно и другое указание академика Вильямса: «Живыми машинами, которые способны переделать солому, мякину в другую форму органического вещества, служат животные. Поэтому, если мы хотим повышать производительность сельскохозяйственного труда, мы должны сделать животноводство неразрывным элементом нашего сельскохозяйственного производства».

Животноводство стало неотъемлемой, важной отраслью хозяйства артели имени Ленина. Много внимания здесь

уделяют и птицеводству. Для водоплавающей птицы в колхозе имеются хорошие водоемы.

Стадо коров спускается к реке... По фотографии в колхозном альбоме можно судить о скоте: мощный, упитанный, красивый. У прежней хозяйки здешних мест — богатой помещицы княгини Оболенской — не было такого скота. Что же говорить о крестьянах? «Понятно само собою, — писал

Один из родоначальников колхозного стада — Риф

до революции Ленин, — что полуразоренный крестьянин при нищенском хозяйстве и опутанный со всех сторон кабалой не в состоянии приобретать и держать сколько-нибудь хорошего качества скот. Голодает хозяин (горе-хозяин), голодает и скот, иначе быть не может».

Часто бывало, что крестьянин-бедняк сдирает со своей крыши солому, чтобы как-нибудь прокормить свою коровенку, пока не выйдет она на подножный корм.

Закладывая основы животноводства, колхоз имени Ленина собрал на свою ферму местный крестьянский скот, тот, что был под руками, ничем не прославленный, никем не описанный. Четверть века назад, когда артель доверила

свою молочную ферму Борису Феофановичу Григоренко, он был убежден, что, если завести на колхозной ферме точный учет продуктивности животных и отбор лучших на племя, если как следует поставить уход, можно добиться высокой продуктивности от ничем не примечательного дотоле местного скота. И не ошибся.

В первые же годы селекционно-племенной работы стало ясно, что местный скот не так уж плох. Продуктивность тамбовских коров сильно повысилась. Молодняк, родившийся от этих коров, значительно превосходил своих родителей: был крупнее ростом и много продуктивней. О ферме заговорили в области.

В 1934 году на помощь Борису Григоренко приехал из области Павел Николаевич Фокин, сын тамбовского рабочего, получивший специальное зоотехническое образование, новатор. Дело на молочной ферме было поставлено на таких же научных основах, на каких ведет цех полеводства агроном Зиновьев.

В 1935 году Наркомзем Союза ССР опубликовал итоги Всесоюзного конкурса на лучшую колхозную молочно-товарную ферму. Жюри конкурса присудило премию дружному коллективу Григоренко. Это было первое признание крупных успехов колхоза, смело взявшегося за повышение продуктивности местного скота.

В числе премированных были сам Григоренко и телятница Марта Степановна Кригер, в молодости доившая коров у помещицы Оболенской. Невзирая на преклонный возраст, она по сей день трудится на ферме.

Марта Степановна — одна из лучших телятниц страны. В 1936 году из рук Михаила Ивановича Калинина получила она орден Ленина. В колхозном стаде свыше четырехсот голов, и более половины этих коров выпестовала Марта Степановна.

На попечение у нее двадцать пять телят. Кормит она их не из блюдечка и воспитывает без излишних нежностей, потому что колхозу нужен скот крепкий, выносливый.

В телятнике — образцовая чистота. Хорошо поставлено кормление. Заметив у теленка признаки болезни, старушка уже хлопочет над приготовлением сennого или подсолнечного отвара, дежурит в телятнике ночью. Она вкладывает в колхозное дело всю душу. Никакие посулы, ни-

какой страх перед помещицей Оболенской не заставил бы эту крестьянку работать так, как работает она в колхозе.

Борис Феофанович Григоренко старается передать Марте Кригер наиболее ценных телят от лучших коров и производителей. Самый надежный способ сохранить многообещающий приплод — это поручить его Марте Степановне. Ее опыту доверяет и ветеринарный врач колхоза ДЕРЕБИЗОВ и часто советуется с нею. Она, со своей стороны, питает глубокое уважение к науке и ее представителям.

Сидя утром в правлении, мы ожидали прихода Бориса Феофановича, с которым еще не успели познакомиться.

Опуская поднятый по случаю дождя капюшон широкого брезентового плаща, в комнату быстро вошел коренастый человек с обветренным лицом. Трудно было поверить, что этот крепкий, видимо очень энергичный и совсем нестарый человек — тот самый Григоренко, который сорок лет назад путешествовал за океаном. Несмотря на долгие скитания по Америке и четверть века жизни в Тамбовщине, в его речи сохранились характерные украинские интонации.

Борис Феофанович привел нас на ферму, когда началась дойка коров. На скотном дворе зазвенели подошники, запахло парным молоком. У стола, где работала учетчица, стояли большие бидоны. Один из них был уже наполнен, и белая пена поднималась над кусочком марли, прикрывавшей молоко от пыли. Глядя на молокомер, учетчица записывала в специальный журнал удоев, сколько от какой коровы получено молока. Порядок здесь заведен строгий.

Григоренко — настоящий хозяин, любознательный, пытливый. Он много думает и работает над дальнейшим развитием животноводства своего колхоза. Узнав, что нам довелось побывать в совхозе Караваяево у Станислава Ивановича Штеймана, он забросал нас вопросами о том, как поставлено там дело.

Подобно колхозу имени Ленина, совхоз Караваяево работает над совершенствованием русских пород молочного скота. Штейман — один из создателей костромской породы. И Григоренко знает о Станиславе Ивановиче много. Во всяком случае методы работы этого выдающегося зоотехника ему известны. Но Григоренко хотел узнать еще разные подробности: как устроен в Караваяево скотный двор, сколько

раз в день и чем кормят сейчас коров. И каждый ответ Борис Феофанович комментировал, сравнивая положение совхоза Караваяево с возможностями своей фермы.

— Не помните ли средний вес телят при рождении? — спрашивал Григоренко. — А не помните ли, сколько расходуют там цельного молока и сколько обрат на выпойку телят?

Потом он стал рассказывать о работе своего коллектива, о том, как из года в год совершенствовалось стадо, как закреплялись в потомстве задатки высокой продуктивности и как, наконец, добившись крупного успеха, повез он двадцать своих коров в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. На выставке тринадцать коров получили аттестаты первой степени, шесть — второй степени и одна — аттестат третьей степени. Работа Григоренко и Фокина подвергалась всесторонней оценке.

Зоотехник Зоя Григорьевна Маюнова раскрывает Племенную книгу. Мы читаем клички коров, дипломированных на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. От них Григоренко вырастил многочисленное потомство. На одной из страниц запись о корове Африка. За четвертую лактацию от нее получено 3 239 литров молока. Однако здесь считают, что возможности этой коровы далеко не исчерпаны. Ведь отец Африки — бык Красавчик, а он родился от знаменитой рекордистки Красавки.

— Можно допустить, — говорит Зоя Григорьевна, — что Африка не в бабушку Красавку, а в мать. Мать тоже была в Москве вместе с Красавкой. За третью лактацию она дала 6 259 литров молока.

В родословной Африки указана и ее бабушка по материнской линии. После шестого отела бабушка дала 6 734 литра молока. Вот почему колхозные животноводы убеждены, что от Африки можно ожидать большего. В кого бы она ни пошла — в отца или мать, в одну или другую из своих знатных бабушек, — все равно быть Африке рекордисткой. Нынче в стаде колхоза 180 коров с годовым удоем не ниже четырех тысяч литров.

Скотом краснотамбовской породы, продуктивность которого выявили Григоренко, Фокин, Марта Кригер и другие члены колхоза имени Ленина, серьезно заинтересовались в ученом мире. Этот скот, по признанию специалистов,

отличается высоким живым весом, большой энергией роста, большой продуктивностью и повышенным содержанием жира в молоке (в среднем 3,85 процента). По размерам он не уступает симментальскому скоту. Бригада научных сотрудников и зоотехников, приехавшая из Тимирязевской академии, обследовала стада многих колхозов, где разводят краснотамбовских коров. И вот что написали участники бригады в «Вестнике животноводства»: «Мы считаем, что красный тамбовский скот обладает всеми необходимыми показателями для оформления его в ближайшее время в самостоятельную отечественную породу крупного рогатого скота». Бригада не ошиблась. Примерно через год краснотамбовский скот был официально признан самостоятельной породой.

Отмечая большую работу колхоза имени Ленина по качеству улучшению своего стада, научные сотрудники пишут: «Этот колхоз является основным поставщиком племенного материала, главным образом бычков, для улучшения колхозных стад не только Кирсановского и Дегтянского районов, но и большинства других районов распространения красного тамбовского скота. В течение многих лет на случайных пунктах в колхозах используются племенные бычки, приобретаемые из колхоза имени Ленина. Это дало возможность Кирсановскому району наряду с Дегтянским районом превратиться сейчас в центр разведения краснотамбовского скота».

Подобно стахановцам наших фабрик и заводов, животноводы из колхоза имени Ленина стали новаторами своего производства. Они действуют в союзе с наукой, их труд — действительно творческий труд.

Летом 1947 года канадский журнал «Mazine Digest» (город Торонто) обратился в правление колхоза имени Ленина с многочисленными вопросами. Правда ли, что у колхоза много земли и вся она обрабатывается машинами? Правда ли, что колхоз собирает высокие урожаи и имеет собственную электростанцию? В самом ли деле у колхоза большое стадо высокопродуктивного скота и есть подсобные предприятия?

Интерес канадского журнала к жизни колхоза не случаен. Известно, что до революции из России в Канаду переселилось много крестьян-духоборов. Известно также, что

все попытки этих крестьян создать своего рода земледельческие коммуны кончались неудачей.

Напомним, что в Канаде, откуда пришло письмо, десять лет жил Петр Васильевич Пшенко, бригадир одной из полеводческих бригад артели имени Ленина. Он исходил Канаду вдоль и поперек, работал и на заводах и на фермах. Сравнивая теперь свой колхоз с фермами Канады, Петр Васильевич с гордостью говорит, что ничего подобного по уровню механизации в Канаде он не встречал.

Почему же в Канаде, где так много машин, трактор редко встречается на мелкой ферме? По той же причине, по которой расслаивались в Канаде земледельческие коллективные хозяйства: в силу законов капитализма. Чтобы добиться тех успехов коллективного труда, которых достигли в колхозе имени Ленина, мало было одного желания жить артелью. Что нужно было для массового перехода крестьянства на колхозный путь? «Надо было прежде всего иметь Советскую власть, которая помогала и продолжает помогать крестьянам стать на путь колхозов. Надо было, во-вторых, выгнать помещиков и капиталистов, отобрать у них заводы и земли и объявить их собственностью народа. Надо было, в-третьих, обуздать кулачество и отобрать у него машины и тракторы. Надо было, в-четвертых, объявить, что машинами и тракторами могут пользоваться лишь объединенные в колхозы бедняки и середняки. Надо было, наконец, индустриализовать страну, поставить новую тракторную промышленность, построить новые заводы сельскохозяйственного машиностроения для того, чтобы снабжать в изобилии тракторами и машинами колхозное крестьянство» (Сталин).

Но и при всем этом новая жизнь строится не без трудностей, вернее сказать, в постоянном преодолении возникающих трудностей. Было время, когда в колхозе нехватало машин, нехватало и людей для своевременной обработки земли. Были засушливые годы, когда нехватало и хлеба. Но все это трудности, совсем непохожие на те, что переживает крестьянство капиталистических стран. Под руководством партии Ленина—Сталина и с помощью государства колхозники неизменно преодолевают их.

Павел Николаевич Фокин рассказывал нам о том, как механизировалось хозяйство.

— Теперь, — говорил он, — у нас уже не бывает нужды в людях. Управляемся без опозданий, даже в самые напряженные дни уборки. Управляемся и другим помогаем. Жизнь свою мы сделали лучше, а труд значительно легче. Решили, наконец, самую трудную задачу. Но из этого выросла новая трудность. У нас семьсот работоспособных. Летом заняты почти все. Почти, а не безусловно все. А зимой людям нехватает работы. Это не шутка, если смотреть с государственной точки зрения. Это прямой убыток и колхозу и государству. Такая армия и вдруг без дела!.. Сейчас, когда мы построили вторую электростанцию, есть возможность механизировать хозяйство еще больше. Заводы поставляют нам много машин. Значит, лишние руки появятся еще. Куда же их девать? Вот мы и развиваем подсобные отрасли. Построили кирпично-черепичный завод. Правда, работает он все еще с перебоями, но дело мы наладим. Однако и этого мало. Думаем организовать откорм скота. Зачем продавать молодняк, когда мы сами можем его выкормить? Верно ведь? Но для этого нужно много кормов, а кормовая база недостаточна. Но это поправимо. С введением травопольных севооборотов решим и кормовую проблему, обязательно решим.

Фокин прав. Преодолевая препятствия на своем пути, колхоз выходит из трудностей еще более крепким. И жизнь в нем становится все лучше и краше.

Нелегко было вести большое строительство без своего кирпичного завода. Нелегко было и создать такой завод. Но когда создали — колхоз стал богаче. Трудно сейчас вести в широких масштабах откорм скота, но в колхозе уже закладываются основы прочной кормовой базы.

Вот еще пример. Засуха, пожалуй, самый серьезный бич земледелия на Тамбовщине. 1946 год надолго останется в памяти здешних людей. Колхоз имени Ленина с его передовой агротехникой приложил немало труда, чтобы спастись от бедствия. Но и ему потребовалась помощь государства в отсрочке поставок зерна, а по некоторым культурам — и семенная ссуда.

— Урожай у нас на Тамбовщине неустойчивы, — говорит Фокин. — На наших черноземах надо бы получать по 30 и больше центнеров с гектара. Но слишком часто природа зло и беспощадно шутит над нашим трудом. На каж-

дые два урожайных года — один неурожайный. Вот почему после сорок шестого года не только мы, а вся область заговорила об орошении. Да, с засухой шутить нечего. Покояться ей не следует. Будем бить ее теперь орошением. Мы уже решили поднять воду в реке Ворона на самую высшую точку, какая только возможна, и пустить ее по открытым каналам на наши поля, как в Средней Азии. Трудное, конечно, дело, очень трудное. По скромным подсчетам, оно обойдется нам около трех с половиной миллионов рублей. Придется кое в чем отказать себе. Но вот тогда мы будем по-настоящему зажиточны.

Преодолевая трудности, колхоз крепнет, лучше живут и колхозники. Такова природа трудностей в условиях социализма. Это трудности роста. Они ничем не напоминают те бедствия, которые постигают американского фермера и выхода из которых у него нет.

АРТЕЛЬНЫЕ МИЛЛИОНЫ

...Нужно только раз получить интерес к этим дробям, нулям, нуликам, как все они, вся эта крупная цифра начнет принимать человеческие образы.

Глеб Успенский

Люди, побывавшие в Америке, видели там не только нищету. Они наблюдали и сказочную роскошь тех, на кого приходилось работать.

«Даже с точки зрения капитализма, возводящего в закон одновременное существование на земле богатства и бедности, Чикаго может показаться тяжелым, неуклюжим, неудобным городом. Едва ли где-нибудь на свете рай и ад переплелись так тесно, как в Чикаго. Рядом с мраморной и гранитной облицовкой небоскребов на Мичиган-авеню — омерзительные переулочки, грязные и вонючие... Некоторые бедные улицы выглядят как после землетрясения; сломанные заборы, покосившиеся крыши досчатых лачуг, криво подвешенные провода, какие-то свалки ржавой металлической дряни, расколотенных унитазов и полуистлевших подметок, замурованные детишки в лохмотьях... И это в одном из самых богатых, если не в самом богатом городе мира!»

Так описывали свои впечатления об Америке Ильф и Петров. Об этом же рассказывают и здешние колхозники, побывавшие в Америке.

— Нищета и богатство живут там рядом, — говорит Мацук. — Свернешь иногда с одной улицы на другую, и кажется, будто попал ты на другую планету.

С каждым годом эти контрасты и противоречия все углубляются, обостряются.

Богатства Соединенных Штатов сосредоточены в руках кучки крупных магнатов, которые являются подлинными хозяевами страны. Для них — все блага. Они зверски эксплуатируют, грабят и разоряют миллионы трудящихся.

Колхозники, побывавшие в Америке, слышали сказку о Генри Форде, который якобы развернул свое дело на деньги, добытые честным трудом. Слышали и, конечно, не верили этой сказке. Здравый смысл говорил им, что сами своим честным трудом они никогда не добудут миллионов. Все, о чем они мечтали, — это небольшие сбережения, совсем немного долларов, чтобы, вернувшись на родину, купить себе землю. Иных целей у них не было. Об этом говорит тот факт, что после революции, увидев реальную возможность получить в России землю и заняться честным крестьянским трудом, они возвратились домой.

Не мечтали они о миллионах, едучи в Америку, не думали о миллионах и возвращаясь на родину. Возвращаясь домой, они хотели только свободного труда на освобожденной земле. Но неожиданно обрели и миллионы...

Счетовод артели Григорий Павлович Булгаков дал нам такую справку: актив хозяйства в декабре 1947 года составляет 5 884 418 рублей. Почти 6 миллионов! Никто из здешних людей, принимающих участие в управлении колхозным хозяйством, раньше — ни в Америке, ни в царской России — не мог даже реально представить себе такое состояние. Миллион для русского крестьянина был в царское время чистой абстракцией. О миллионе говорили так: если откладывать на счетах по копяшке даже с утра до ночи, то к миллиону подойдешь лет через пять. И вот почти на 6 миллионов реального, осязаемого, своего артельного богатства!

Когда Джона Рокфеллера спросили, как нажил он свои миллионы, он объяснил:

— Деньги мне дал бог!

Колхозу имени Ленина ни от бога, ни от богатого дядюшки не перепало ни копейки. Джон Рокфеллер тоже не получил от бога ни одного доллара. Он добывал каждый доллар грабежом, эксплуатацией трудящихся.

Колхоз никого не эксплуатирует. Все, что у него есть, создано честным трудом самих колхозников, с помощью их

родного Советского государства. Путь к богатству, к зажиточной жизни открыли им советская власть и колхозный строй.

— Можно, оказывается, и честным трудом нажить миллионы, — сказали мы Корнею Задирако.

— Можно, — согласился он, — но не в Америке.

— Можно, — сказал Пшенко, — но не в Канаде.

— Конечно, можно, но только в Советском Союзе, — заявил колхозник американец Эдуард Гарингтон.

Денежный доход артели в 1947 году перевалил за 2 миллиона рублей, а в 1950 году должен составить 3 305 100 рублей. Откуда же берутся эти деньги?

Главная статья — поступления от продажи своей продукции государству в порядке госпоставок, от продажи ее кооперативным организациям и на колхозном рынке.

Григорий Павлович показал нам табличку, из которой видно, что большую часть доходов дают растениеводство, затем животноводство и, наконец, подсобные предприятия колхоза.

Цифры этой таблички представляют собой итог огромной работы во всех областях артельного хозяйства, результат многих мероприятий, намеченных и осуществляемых в послевоенной пятилетке полеводами и садоводами, животноводами и механизаторами, сыроделами и деревообделочниками колхоза. Пятилетка выполняется здесь успешно. Опаздывает колхоз только со строительством жилых домов и хранилищ для удобрений. Но вряд ли это заметно скажется на статьях дохода.

По плану в 1950 году артель намеревается продать на колхозном рынке около 3 тысяч центнеров овощей, более 2 тысяч центнеров фруктов и ягод, 1 800 центнеров молока. В план внесены и поступления от продажи этих продуктов.

Признаться, мы усомнились в реальности плана. Разговаривали мы с Григорием Павловичем в дни денежной реформы, когда рыночные цены резко снижались. Мы спросили: не на песке ли построены планы доходности от колхозной торговли?

Счетовод открыл массивный канцелярский шкаф и извлек оттуда толстую книгу в прочной обложке — Пятилетку артели.

— Вопрос законный, — согласился Григорий Павлович. — Но опасаетесь вы напрасно. Конечно, если бы мы подсчитали выручку примерно в ценах 1946 года, просчет получился бы изрядный. Но записанные в пятилетку доходы не завышены, потому что мы предусмотрели снижение цен.

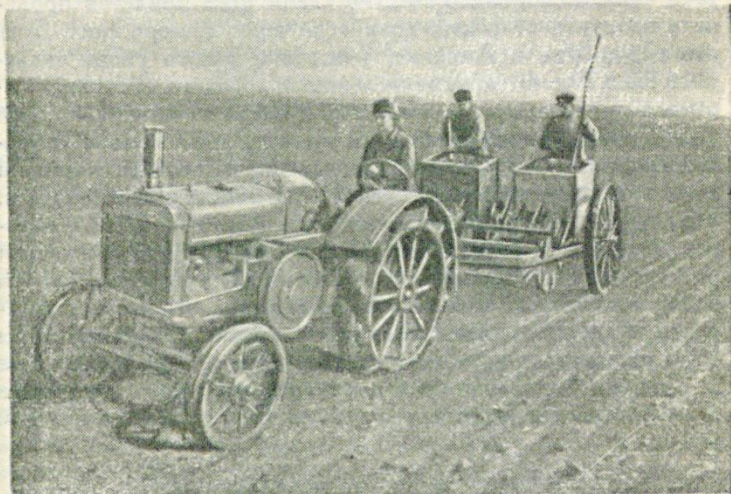
Составляя свою колхозную пятилетку, руководители артели немало спорили о том, по какой цене придется продавать продукты сельского хозяйства через два-три года. Будь это где-нибудь в Америке, участники такого спора оказались бы в весьма затруднительном положении. В странах капитала предугадать колебания цен очень трудно. Наши же колхозники, решая дела своей артели, подсчитывая ее доходы, обратились к общесоюзному плану восстановления и развития народного хозяйства. И там нашли они, во-первых, что выход продукции по всему сельскому хозяйству превысит уровень 1940 года, во-вторых, что цены будут снижаться и, в-третьих, что довоенный уровень благосостояния народа будет превзойден. Этого было достаточно, чтобы внести ясность в спорный пункт колхозного плана. Рыночные цены 1950 года артель приняла равными ценам 1940 года.

Столь же детально предусмотрено в колхозной пятилетке и распределение денежных средств. Оно отражено в такой табличке:

Распределение денежных средств

Статьи расхода	1946 год		1950 год	
	в тысячах рублей	% к итогу	в тысячах рублей	% к итогу
1. Налоги и сборы	192,6	12,0	330,5	10,0
2. Административно-управленческие расходы	82,1	2,0	49,8	1,5
3. Текущие хозяйственные расходы	398,1	24,8	340,4	10,3
4. Отчисления на культурные нужды	48,2	3,0	99,1	3,0
5. Отчисления в неделимый фонд (капиталовложения)	240,8	15,0	495,7	15,0
6. К распределению на трудодни	693,4	43,2	1989,6	60,2
Всего расхода	1 605,2	100,0	3 305,1	100,0

В этой табличке много примечательного. В 1946 засушливом году артель отчислила 24,8 процента всех доходов на текущие производственные расходы. Почти такая же доля всех доходов была ассигнована на эти цели и в 1947 году. Между тем в последующие годы расход по этой статье снижается до 10,3 процента.

Все основные работы механизированы. Посадка картофеля

Почему же именно в трудном, засушливом году без малого четверть своих доходов колхозники ассигновали на текущие производственные нужды, сократив тем самым выдачу денег по трудодням? Дело в том, что мелкое оборудование и инвентарь во время войны поизносились. Надо было привести их в порядок. На это требовались деньги. И вот в трудное время члены артели, действуя на первый взгляд в ущерб себе, сокращают денежную выдачу на трудодень. Но, увеличив ассигнования на инвентарь и оборудование, они быстрее восполняют ущерб, который потерпело общественное хозяйство во время войны. Здесь действует правильный и разумный хозяйский расчет.

Убавляя долю дохода, предназначенную к распределению по трудодням, до 43,2 процента, колхозники твердо знали, что эти средства возвратятся им сторицей. В последнем году пятилетки по трудодням запланировано распределить 60,2 процента всех денежных доходов — около 2 миллионов рублей, втрое больше чем в 1946 году.

Из года в год, каким бы он ни был, более урожайным или менее урожайным, 15 процентов денежных доходов отчисляется в так называемый неделимый фонд. Эти деньги идут на восстановление и рост основных средств производства, составляющих экономическую основу артельного хозяйства. За пятилетие на капитальные вложения ассигнуется 2,5 миллиона рублей. Частично они уже использованы. Выстроена на реке Ира гидростанция, реконструирована деревообделочная мастерская, строится жилой дом на сорок семейств. Еще больше предстоит сделать.

Вот далеко не полный список важнейших объектов строительства: детский сад на сто пятьдесят детей; жилой дом на двадцать семейств; элеватор с зерносушилкой; гараж на двенадцать автомашин; две конюшни на сорок и шестьдесят голов; коровник на сто голов; телятник на сто голов; птичник на тысячу голов; овчарня на шестьсот голов; стадион-ипподром.

Стройка в колхозе идет непрерывно. Строительную работу здесь выполняют как неотложную хозяйственную задачу. И стройка давно приняла такой размах, что правленцы теперь уже не представляют себе, как жили бы они без собственного кирпично-черепичного завода, лесопилки, деревообделочной мастерской.

— Человек к хорошему привыкает скоро, — сказал по этому поводу бригадир Федор Мацук. — Я и сам такой. Вот, бывает, ругаемся: дескать то плохо, другое плохо. А ведь это, пожалуй, оттого, что к достижениям своим привыкли, не то что не ценим их, а просто не замечаем. Мне вот, чтобы каждую мелочь в своей жизни оценить, надо было за тысячу верст съездить.

И Мацук поведал короткую, но поучительную историю о том, как он ездил к сестре, в свое родное село Вулька Радошинскую, бывшей Вольнской губернии.

— Понятно, — сказал Федор Ефимович, — когда я собирался из Америки на родину, то не думал о Вульке Ра-

дошинской, потому что там хозяйничали тогда польские паны. Хоть и родился я в Вольинской губернии, а поехал в Тамбовскую область, в Советскую Россию. Но после того как народ Западной Украины был вызволен из кабалы, я решил съездить в Вульку Радошинскую, повидать сестру. И что же я там увидел? Все, решительно все осталось без изменений, как будто проспала моя деревня все эти десятки лет крепким сном. Ни одной новой постройки не нашел я в Вульке Радошинской. Куда ни глянешь — те же избышки и плетни на подпорках. Только люди постарели да хаты постарели. Та же нищета крестьянская, та же неграмотность, темнота. Ведь еще только-только начиналась там новая, советская жизнь. Вот когда испытал я особенную гордость за нашу социалистическую родину и за свой замечательный колхоз. А возвратившись в колхоз, подумал: «Это хорошо, что мы часто недовольны, ругаемся, критикуем разные недостатки. Очень даже хорошо. Без этого немудрено и зазнаться, а раз зазнался, успокоился, обязательно заплесневеешь».

Всегда невозмутимый, Федор Ефимович вспоминал о своей поездке в Вульку Радошинскую с волнением. Увидел он там, как видел и в детстве, крестьянок за прялкой, ткацкие станы, о которых давно уже и думать забыл. Увидел там и лапти.

Кстати о лаптях. В царское время трудно было представить себе крестьянина без лаптей; лапти, можно сказать, срослись с ним. Некоторые «знатоки» народной жизни выдвигали даже такую теорию: лапти, мол, наиболее удобны для земледельческого труда. Дайте мужику великолепные сапоги, и он все равно повесит их дома на гвоздь, а пахать поедет обязательно в лаптях. Выходило, что лапти — это своего рода спецобувь, без которой на пахоте никак не обойдешься.

В колхозе имени Ленина этой «спецобувью» уже давно не пользуются. Найти лапти можно только в колхозном клубе, где они хранятся вместе со всей прочей бутафорией и реквизитом драматического кружка. Их пускают в ход колхозные артисты, когда играют пьесу из жизни старой деревни. Конечно, хорошие хромовые сапоги берегут и теперь. Но пахать едут все-таки в сапогах, которые похуже: поношенных, яловочных или резиновых.

Мы рассказываем здесь о колхозе имени Ленина. Но те же глубочайшие перемены произошли в жизни всего нашего крестьянства. Русь лапотная ушла в прошлое и никогда не вернется. Наш советский пахарь совсем не похож на того, которого мы видим на картинах старых русских художников.

Три четверти всей земли под колхозные посевы в 1940 году вспахано тракторами. Нынешние пахари-трактористы относятся к числу самых обеспеченных людей деревни. Требуя сапоги и комбинезоны для работы, они предъявляют не меньший спрос на модельную обувь. Имея полновесный трудодень, они могут одеваться хорошо, «по-городскому», как сказали бы в старой деревне.

Правда, денег на трудодень в колхозе имени Ленина придется сейчас еще немного — по 3 рубля. У нас в стране немало колхозов, которые выдают на трудодень гораздо больше. В сельскохозяйственной артели «Борец», Бронницкого района, Московской области, в 1947 году выдали свыше 13 рублей на трудодень.

Повышение денежной части трудодня — очередная, еще не решенная задача в артели имени Ленина. Эту задачу колхозники записали в свой пятилетний план. Но деньги — только часть дохода колхозника, и притом далеко не самая главная. Недаром же сложилась поговорка: не хвались трудоднем, а хвались, сколько жита в нем.

Сколько же выдано на трудодень «жита» и всяких других продуктов в 1947 году? Колхозники получили по 3 килограмма зерна, 300 граммов крупы, килограмм картофеля, 800 граммов овощей, около литра молока, 80 граммов мяса, 35 граммов меда, 3 грамма шерсти, кроме того ягоды, яблоки, подсолнечное масло.

Однако доходы колхозников этим не ограничиваются. Есть ведь и приусадебное хозяйство — огород, скот, птица, есть и дополнительная оплата натурой за перевыполнение планов.

Мы беседовали со многими колхозниками и можем с уверенностью сказать, что к своему приусадебному хозяйству не проявляют они того большого интереса, какой вызывает у них дополнительная оплата натурой.

Руководители орденосного колхоза имени Ленина внимательно следят за тем, чтобы стахановский труд матери-

ально поощрялся. И поощрение это очень ощутительное. В бригаде Пшенко немало колхозников, которые получили дополнительно за работу в 1947 году по 8—10 пудов гречи и столько же ячменя. Звену Екатерины Чернышовой, в нем восемь человек, выделено на дополнительную оплату более 300 пудов проса.

То же и в животноводстве. Свиноарка Мария Каденцева ухаживает за 11 свиноматками. По плану от первого опороса этих маток она должна вырастить 77 поросят. Каденцева вырастила 127. Колхоз премировал ее поросятами. Премию натурой получили и другие свиноарки-стахановки: Агафья Романцева — 10, Попова — 8, Прасковья Пискарева — 5 поросят. Некоторые доярки на молочной ферме за перевыполнение планов получили по 1500 литров молока. Дополнительную оплату натурой получили многие огородники, садоводы. В колхозе идет упорная борьба за превышение плановых показателей.

Впрочем, одних только доходов от трудодней достаточно для культурной, зажиточной жизни. Счетовод Булгаков насчитал более тридцати семейств, годовая выработка которых перевалила за тысячу трудодней. Среди них семья тракториста Василия Зубихина, семья колхозницы полеводческой бригады Александры Гужевниковой, семья Егора Мешкова и другие. Одного хлеба тракторист Василий Зубихин на свои 1300 трудодней получил около 4 тонн. Можно ему купить не только хромовые сапоги или модельные туфли, но завести хорошую мебель, патефон, радиоприемник, велосипед. В 1947 году купили себе мотоциклы тракторист Спиридон, кузнец Трунилин, шорник Житомирский и другие — всего шестнадцать человек.

Во многих колхозах нашей страны колхозники получают на трудодни еще больше и живут еще богаче. Когда в сельскохозяйственных артелях закончилось распределение доходов за 1947 год, «Правда» напечатала несколько весьма интересных сообщений о бюджетах колхозных семей. 23 марта 1948 года в газете была помещена корреспонденция о доходах членов сельскохозяйственной артели имени Ленина, Чадыр-Лунгского района в Молдавии. Артель эта молодая и существует всего два года. Семья колхозника Н. И. Арикова получила здесь на свои 1370 трудодней 500 пудов хлеба, 120 пудов масличных культур и 13 тысяч рублей

деньгами. Излишки продуктов Ариков продал потребительской кооперации. Ариков выстроил дом старшему сыну Ивану и выдал ему 15 тысяч рублей на обзаведение мебелью и домашним скотом. Кроме того, семья купила телку, 5 овец и свинью. Приобретены четыре пальто, четыре пары кожаной обуви, около сотни метров мануфактуры, трюмо и швейная машина.

Однако возвратимся к колхозу имени Ленина.

...В праздничный день механик Федор Иванович Сайганов усаживает жену и дочь в легковую машину и отправляется в город.

— Далече? — спрашивают соседи.

— Да так, прогуляться. А если в театре что-нибудь интересное, — останемся.

Мы уже знаем, что братья Задирако купили себе автомашину в Америке. Купили потому, что без нее просто нельзя было свести концы с концами. Купили в кредит и расплачивались за нее вдвоем два года. А Федор Сайганов завел автомобиль для того, чтобы съездить в театр, на базар, к родственникам, на рыбалку. Он не только не задолжал, но в том же году построил себе индивидуальный гараж стоимостью около 10 тысяч рублей.

В личное пользование приобрел легковую машину слесарь Юрий Александров.

— Были бы машины, — говорят колхозники, — а покупатели у нас найдутся.

В сберегательной кассе даже за месяц до распределения доходов на 1947 год на личных счетах членов артели в общей сложности насчитывалось более полутора миллионов рублей.

Каковы же были доходы здешних крестьян до революции? Сошлемся на подсчеты либерального князя Кугушева. 21 мая 1905 года он выступил в газете «Тамбовский голос» со статьей, в которой оперировал официальными данными о крестьянских земельных наделах, о средней урожайности хлебов и ценах на сельскохозяйственные продукты. По подсчетам Кугушева каждая крестьянская «душа» могла собрать со своего надела 13,3 пуда ржи, 10,7 пуда овса, а всего 24 пуда (подчеркиваем, что к числу крестьянских «душ» автор относил и кулацкие «души»).

«Из этого общего количества пудов хлеба, — писал Ку-гушев, — надо оставить на семена по самому скромному расчету четыре с половиной пуда и тогда на удовлетворение всех потребностей нашей злополучной «душе» останется всего 20 пудов.

А между тем различными исследованиями установлено, что для поддержания своего существования, включая сюда и прокорм безусловно необходимого скота, «средняя душа» требует минимум 18 пудов в год.

Следовательно, «душе», кроме пропитания для всех других потребностей остается всего только два пуда зерна или, переводя на деньги, около одного рубля в год.

Этими деньгами нужно заплатить выкупные платежи, государственный земельный налог, земские, страховые, волостные и мирские сборы. Надо ремонтировать постройки и необходимый инвентарь, одежду, надо заплатить священнику за требы.

Нет надобности доказывать всю невозможность исполнить это за счет дохода от надела. Цифры красноречиво говорят и сами за себя. Вывод ясен. Крестьянство нашей губернии, взятое во всей его совокупности, наделной землей в настоящее время, при данных условиях земледельческой культуры, далеко не обеспечено. Надел дает хлеба ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду».

Таково свидетельство либерального князя.

Да, не до велосипедов было здешним крестьянам, не до накоплений.

Не сделали накоплений и за океаном ни Пшенко, ни Мацук, ни Красиков, хотя все они покидали родину с единственной целью — заработать деньги. Братья Задирако, которым «повезло» больше, чем другим, и те на своей ферме даже не помышляли о таких машинах, какими располагает колхоз.

Только когда двести человек сложили все свои деньги и пожитки в общую кассу да вдобавок к этому получили поддержку в Обществе технической помощи России, оказалось возможным ехать домой, имея деньги на дорогу. Михаил Новиков предложил вскладчину купить машины. Так были приобретены четыре немудреных трактора, несколько простых машин и самый необходимый инвентарь.

Теперь уже ничто не напоминает здесь об этой «механизации», которая всем казалась тогда последним словом техники. Давно забыты «фордзоны», вывезенные из Америки, сдан в утиль и прочий металл, закупленный перед отъездом на родину.

Колхоз имени Ленина, как и десятки тысяч других колхозов, пользуется превосходными отечественными тракторами новейших марок: «ЧТЗ-С-60», «СТЗ-НАТИ» и другими машинами, которые выпускает советская промышленность.

Ежегодно 2 процента своих доходов, как и полагается по Уставу, артель отчисляет на помощь престарелым колхозникам, инвалидам и сиротам.

Вспоминается прошлое: «Подайте на пропитание Христа ради!»

Как часто слышались эти просящие голоса в старой деревне! С сумой за плечами, возмущая сельских дворняжек, шли слепые, просто престарелые люди, сироты, дети многосемейной бедноты. И все просили только хлеба, кусок ржаного хлеба!

Когда хлеб был, в домах бедноты редко отказывали нищим. А по праздникам подавали даже кусок пирога с кашей. Каждый думал про себя: «Кто знает, не придется ли самому пойти по миру». Даже поговорка сложилась: «От сумы да от тюрьмы не отказывайся».

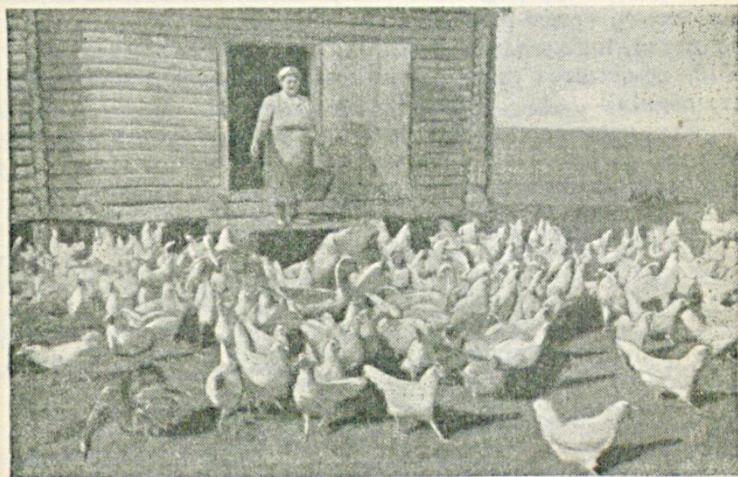
В колхозе сума не угрожает ни престарелым, ни сиротам, ни калекам.

Возьмем для примера ту же засуху 1946 года. В такой год в старой деревне и просить было не у кого. Тут уж не о суме пошел бы разговор — смерть косила бы старых и малых. Теперь не то.

Живет в колхозе старушка Анна Чернецова. Нет у нее ни сына, ни дочери. Но и после засухи она прожила безбедно. Вот уже несколько лет, как артель взяла ее на полное иждивение. Весь 1947 год из урожая 1946 года Анна Чернецова получала в день хлеба печеного по 700 граммов, цельного молока по пол-литра. На месяц ей давали по 27 килограммов картофеля и овощей, 4,5 килограмма пшени, 1,5 килограмма пшеничной муки, 2,5 килограмма мяса и 600 граммов растительного масла. Кроме того, выдавали шерсть, яблоки, ягоды, зелень, денежное

пособие. Вспахали индивидуальный огород, и получила она с него много пудов картошки. О таком питании после за-сухи прежний крестьянин-единоличник и не мечтал.

У колхозницы Марфы Задирако немцы убили мужа. Осталось трое маленьких детей. Общее собрание нашло, что вырастить троих ей будет тяжело. Решили одного ребенка взять на иждивение артели. Конечно, ребенок остался в своей семье, но Марфа Задирако ежемесячно получает на него из колхозных фондов столько же продуктов, сколько и Анна Чернецова.

Сотни белоснежных леггорнов сбегаются на зов птичницы. Один из участков птицефермы

Такую же помощь оказывает колхоз из двухпроцентного фонда инвалиду Васильеву, престарелой колхознице Дарье Варавке и еще восьми своим пенсионерам.

У пенсионеров эти продукты из колхоза — не единственные средства к существованию. Им помогают обрабатывать приусадебные огороды, они держат птицу, иногда и мелкий скот. Некоторые принимают посильное участие в артельных работах. Например, Дарье Варавке за починку

мешков, сбор ягод и помощь на кухне в 1947 году было начислено 78 трудодней. Только одного зерна она получила около 15 пудов.

Якову Ивановичу Пустотину — без году девяносто лет. Но он искренне обижается, если его «сбрасывают со счетов», не считают за работника. Летом старик настоял, чтобы его поставили стеречь ягодники. Сидя в саду, он исправно охранял ягоды, да еще и плел корзины. Яков Иванович, можно сказать, корзинщик по призванию. Правда, пальцы у него потеряли прежнюю гибкость, но он убежден, что лучше его плести корзины никто не умеет. Сдавая кладовщику очередную партию своих изделий, он не забывает добавить:

— Вот какая должна быть прочность. Хоть становись на мою корзину.

Внешность Пустотина, его окладистая седая борода привлекли однажды внимание заезжего фотокорреспондента. Через некоторое время в «Огоньке» появилась фотография Пустотина. Он сидел на пне и плел корзину. В этот момент его и снял фотограф.

Весть о том, что Пустотин фигурирует в столичном журнале, обошла весь колхоз. Яков Иванович принарядился и пришел в библиотеку посмотреть журнал. Снимок он рассматривал долго и остался доволен.

Старик даже не задумывался над тем, за что ему оказана такая честь, и был глубоко убежден, что, конечно, за качество и прочность корзин, которые он поставляет колхозу.

— Образованные люди! — заключил Пустотин. — Знают цену настоящей работе!

Корзины Якова Ивановича ныне особым изяществом не отличаются, но зато действительно прочны, и правление колхоза аккуратно начисляет ему трудодни.

Чем выше доходы колхоза, тем больше двухпроцентный фонд, тем лучше живут колхозные пенсионеры. Если из урожая засушливого 1946 года на помощь престарелым, инвалидам и сиротам было отчислено 129 центнеров зерна, то из урожая 1947 года дали уже почти в три раза больше — 353 центнера.

На территории колхоза, в одной из каменных его построек, помещается государственный детский дом. Здесь

живут главным образом круглые сироты или дети погибших воинов. Их привезли из соседних районов. Колхозники отвели детскому дому помещение и доставляют сюда топливо своим транспортом. Кроме того, они выделяют и часть продуктов из двухпроцентного фонда. Только за один год артель бесплатно отпустила сиротам более семи тонн молока, много овощей, картофеля, мяса, ягод и фруктов.

И в этом — в помощи престарелым, в заботе о детях, отцы которых отдали жизнь за Родину, — сказались величие социализма, сила колхозного строя, новый благородный духовный облик советских людей, воспитанных партией Ленина—Сталина.

Борис Феофанович Григоренко как-то говорил нам, что в Америке больше всего угнетала его мысль о старости. Был такой случай. Шли русские и украинские парни по улицам Нью-Йорка, возвращаясь с работы. Проходя через какой-то двор, Григоренко заметил, как старик, склонившись над мусорным ящиком, отыскивает там остатки пиццы. Борис показал товарищам на старика. Все смотрели на него, и каждый думал про себя: «Вот что ожидает и нас на старости лет. Так и мы будем склонять седую голову над отбросами с чужих кухонь».

Так и поньше бедствуют в Америке люди, выброшенные за ворота по старости. И не только старики, не нужные больше хозяевам. Бедствует множество людей, полных сил, в расцвете молодости, бедствуют миллионы не только безработных, но и работающих.

НОВЫЕ ПРОФЕССИИ

От города и его промышленности деревня получает теперь помощь — тракторами, сельхозмашинами, автомобилями, людьми, средствами. Да и сама деревня имеет теперь свою промышленность в виде машинно-тракторных станций, ремонтных мастерских, всякого рода промышленных предприятий колхозов, небольших электростанций и т. п. Культурная пропасть между городом и деревней заполняется.

И. Сталин

В отличие от других колхозников, живших за океаном, механик Михаил Григорьевич Красиков попал не в Америку, а в Австралию. Там он стал машинистом. Возвращаясь на родину, он не был убежден, что полученные им знания по механике пригодятся в деревне. Что было делать механику в старой русской деревне? Но в колхозе он скоро убедился, что знания его пригодились, а с течением времени почувствовал, что их даже недостаточно. Колхозу теперь нужны специалисты высокой квалификации и требуется их с каждым годом все больше и больше. Нужны не только трактористы, комбайнеры, но и слесари, электрики, токари по металлу и дереву, словом, люди небывалых в старой деревне профессий.

На электростанции вместе с Красиковым, который неизмеримо вырос здесь как механик, трудятся люди, получившие техническую подготовку в самом колхозе. Михаил Григорьевич отличается от них разве только знанием английского языка.

Михаил Григорьевич пригласил нас к себе на электростанцию. В левом крыле стоит двигатель внутреннего сго-

рания мощностью в 25 лошадиных сил. Он появился здесь в 1934 году. Тогда для его установки приглашали специалистов со стороны. В правом крыле здания установлен другой двигатель — мощностью в 80 лошадиных сил. Его приобрели после войны на одном из ленинградских заводов. Всю сложную работу по сборке и установке дизеля колхоз выполнил уже своими силами. Это было поручено колхозным механикам Егорову, Кокореву и Голубеву. Помощь они получали только от своей же механической мастерской, изготавливавшей недостающие детали.

Осматривая электростанцию, мы познакомились с молодым колхозником, монтировавшим новый распределительный щит. Это был электрик Семенов. Работал он уверенно и аккуратно. Электриком стал в колхозе. Его профессия здесь так же необходима, как и профессия тракториста, ибо электричество уже вошло в быт колхоза.

Молодой колхозник Семенов пользуется им почти всю свою сознательную жизнь. А когда отец молодого электрика был в таком же возрасте, об электричестве на Тамбовщине говорили, как о чуде. Даже в губернском центре электричеством пользовались лишь немногие. Городская тамбовская станция до революции обслуживала полтора ста семейств купцов, промышленников и крупных чиновников. В рабочих квартирах Тамбова электрический свет появился лишь в 1918 году.

Теперь по всей Тамбовщине — тут и там вырастают малые колхозные электростанции. В 1948 году колхозы области строят 250 таких станций. 500 колхозов и 24 МТС Тамбовской области получают в этом году электроэнергию. Промышленные предприятия готовят для них турбины, генераторы и другое оборудование; школы механизаторов выпускают электромонтеров и механиков.

Электричество в советской деревне — закономерный результат социалистической индустриализации страны. В других областях и районах с более развитой промышленностью электрификация колхозов идет много быстрее, чем на Тамбовщине. Партийные организации Свердловской области вовлекли в строительство электростанций всю общественность. Помощь в сооружении станций и оснащении их оборудованием колхозы получают едва ли не от всех промышленных предприятий, больших и малых. В итоге

широкой шефской помощи, которую оказали крестьянам коллективы фабрик и заводов, 95 процентов колхозов области были электрифицированы уже к началу 1948 года.

Тысячи малых электростанций строятся на необъятных просторах нашей Родины. В послевоенную пятилетку должны вступить в строй около 20 тысяч сельских электростанций. Они дадут электроэнергию почти в два раза больше того, что давали все электростанции царской России.

Как известно, английский писатель Герберт Уэльс, посетивший молодую Советскую республику, беседовал с Лениным. Владимир Ильич рассказал ему о планах широкой электрификации страны. Возвратившись в Англию, Уэльс писал, что Ленин — мечтатель, что мечтает он о несбыточном. Уэльс считал, что электрификация отсталой России неосуществима. «Россия во мгле» — так озаглавил он свою книгу о нашей Родине. Английский писатель ошибся. Мечта Ленина воплощена в действительность. Большевицкая партия давно воплотила в жизнь мечту Ленина. Неугасимый свет все ярче разгорается над некогда темной русской деревней.

Когда колхоз имени Ленина перевел на электроэнергию зерноочистительные машины, производительность труда на этом важном участке колхозного производства повысилась почти в три с половиной раза.

Электричество завоевывает в хозяйстве все новые позиции. Несколько лет назад ток нужен был на ферме только для освещения. Нынче Григоренко требует энергию у старшего механика электростанции Егорова также и среди бела дня. Одним поворотом рубильника энергетики направляют на ферму ту невидимую силу, которая приводит в движение барабаны жмыходобилок, ножи корнерезок и соломорезок. Работники животноводства избавлены теперь от необходимости вращать машину вручную или ставить конный привод.

В пятилетнем плане колхоза электрификация занимает видное место. К концу пятилетки от электромоторов будут работать все станки в механической и деревообделочной мастерских, шинковальная машина на пункте переработки овощей, сепараторы на маслодельно-сыроваренном заводе.

К 1950 году колхоз намечает электрифицировать: сортировку и очистку зерна — на 85 процентов, силосование кормов — на 66, молотьбу зерновых — на 31 процент.

Что же касается освещения, то керосиновые лампы здесь уже давно вышли из обихода. Электричество прове-

Председатель колхоза П. В. Фокин (слева) и секретарь колхоза Д. И. Ванякин

дено не только в жилые и производственные постройки, фонари установлены и на улицах.

Электрический свет проник во все уголки деревенской жизни. Нет больше ни одного темного места, где бы могли приютиться ведьмы, знахарки, колдуны, оборотни, домовые и прочие слутники былого невежества. Они выметены

отсюда начисто и безвозвратно. В сознании колхозника, заставляющего работать на себя электричество и сложные механизмы, понимающего толк в законах развития растений и животных, ни домовая, ни ведьма жить не могут.

Если продолжить аналогию с предприятием, то главным инженером-механиком колхоза имени Ленина надо признать Александра Михайловича Пекишева, 63-летнего колхозника, которому правление артели поручило руководить механической мастерской. Это по сути дела небольшой механический заводик с собственной силовой установкой — шести-сильным двигателем внутреннего сгорания. Он приводит в движение трансмиссию, общую для всех станков, а их здесь немало: два сверлильных, три токарных, строгальный, станок для расточки блоков и другие.

Мы побывали в мастерской до того, как земля покрылась снегом. В то время механики уже успели подготовить к весне два трактора, шесть культиваторов и пять тракторных сеялок. Покончив с уборкой, колхоз деятельно готовился к новому сельскохозяйственному году — к весенним работам.

Александра Михайловича Пекишева мы застали у силовой установки. Он старался отрегулировать подачу нефти. Пекишев беспокоится, что топлива идет слишком много, он всячески старается сократить расход. Подобно стахановцу Московского часового завода Андрею Якушину, руководитель колхозной механической мастерской Александр Пекишев ведет порученное ему дело с хозяйской бережливостью. Никто не жалуется здесь на нехватку инструментов. Их много, и всякий инструмент, всякий механизм, попадающий сюда, живет очень долго.

Около мастерской, рядом с мощными гусеничными тракторами «ЧТЗ-С-60» и «СТЗ-НАТИ», мы увидели трактор марки «Джон-Дир». Его купили еще в то время, когда Советский Союз ввозил сложные сельскохозяйственные машины из Америки. Уже давно и почти повсеместно «Джон-Дир» сданы в утиль. Молодые механизаторские кадры МТС этой марки уже не знают. Здесь же «Джон-Дир» до сих пор действует вполне исправно и списывать его пока не собираются.

Коллектив механизаторов воспитан в духе бережливого отношения к колхозному добру. Это опытные работники, отлично знающие свое дело. Токарь Кузьма Алексеевич Хохряков трудится в мастерской более двадцати лет. Самый молодой из токарей Сливинский работает под руководством Александра Михайловича седьмой год. Свою квалификацию он получил на одном из уральских заводов.

До революции Пекишев был механиком в имении князя Голицына-Прозорского, в Балашовском уезде, Саратовской губернии. Князь наезжал в имение изредка, но хозяйство поддерживалось в образцовом порядке, механизмы применялись по тем временам широко.

— По земельной площади, — рассказывает Александр Михайлович, — имение было в три с лишним раза больше, чем наше артельное хозяйство. Князь имел три паровых локомотива, три сложные молотилки, несколько конных жаток-самосбросок, сноповязалок и косилок. Соседи-помещики удивлялись, но наш колхоз такой механизацией не удивишь. Три княжеские молотилки давали за день зерна гораздо меньше, чем две колхозные. Передовое по тем временам хозяйство против нашего колхозного можно считать отстающим.

Александр Михайлович хорошо помнит и здешнюю помещицу Оболенскую. О бывшей хозяйке здешних мест он говорит с пренебрежением:

— Это ж была лошадица, — замечает колхозный механик. — Ее интересовали только лошади для выездов и для охоты. О механизмах она и не думала. Ее хозяйство в смысле механизации и сравнивать нечего с колхозным.

А как обстоит дело в американских рядовых фермах? Мы уже знаем по рассказам Петра Пшенко, Бориса Григоренко и других, каков был там уровень механизации.

Борис Феофанович Григоренко, рассказывая о своей работе у богатого американского фермера, вспомнил и о машинах. Хозяин, у которого батрачил Борис Феофанович, имел силосорезку. Даже такая несложная машина доступна только фермерам, использующим наемный труд. С этой

машиной Григоренко ездил по хозяйствам более мелких фермеров, где владелец машины брал подряды на подготовку сырья к закладке в башни и траншеи. Силосорезка приносила богатому фермеру немалые доходы.

С тех пор прошло три десятилетия. Быть может, за это время машины стали более доступны для мелких фермеров? Нет, все осталось попрежнему. Об этом, между прочим, свидетельствует роман американского писателя Дж. Стейнбека «Гроздь гнева».

Дж. Стейнбек не питает никаких симпатий к социализму, к Советскому Союзу. После второго посещения нашей страны он в угоду своим хозяевам написал о нас несколько злобных, клеветнических статей. Но и этот верный слуга американского капитала не может скрыть правды о положении мелких земледельцев в своей стране.

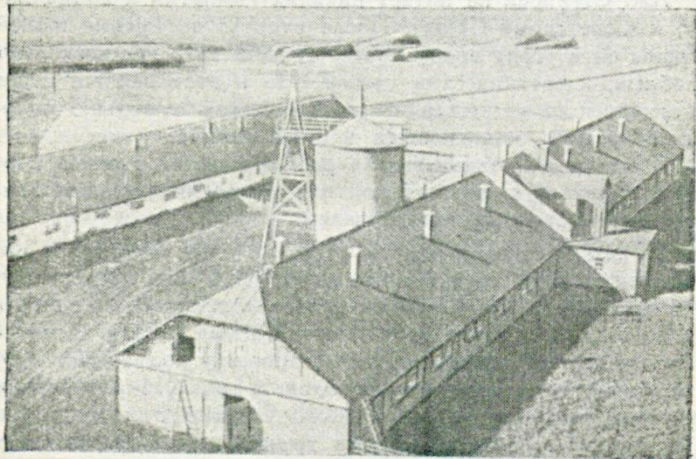
В романе «Гроздь гнева» рассказывается о семье фермера Джоуда. Страшная картина разорения мелких земледельцев встает перед читателем.

«С земли согнали одного фермера, одну семью; вот его дряхлая машина со скрипом ползет по шоссе, на запад. Я лишился земли, моей землей завладел трактор. Я один, я не знаю, что делать. А ночью эта семья останавливается у придорожной канавы, и к ее становищу подъезжает другая семья, и палаток уже не одна, а две... И разоренные фермеры, кочевники, нескончасным потоком тянутся в Калифорнию — двести пятьдесят тысяч, триста тысяч. Там позади тракторы наступают на землю и гонят с нее арендаторов. И новые волны выплескиваются на дорогу, новые волны разоренного бездомного люда...»

Некоторое оживление в сельском хозяйстве США, наступившее после второй мировой войны, не только не приостановило, а наоборот, усилило обнищание мелких хозяев. Рост механизации земледелия, о котором трубят наемные писаки, идет только за счет крупных, так называемых «коммерческих ферм» и сопровождается дальнейшим обнищанием массы земледельцев.

Та техника, которой ведаст Александр Михайлович Пекишев, никого не разоряет. Она облегчает труд колхозников, увеличивает артельные богатства, множит богатства всей страны.

В Америке люди, обслуживающие сельскохозяйственные машины крупных землевладельцев, совершенно равнодушны к тому, какой урожай даст обрабатываемая ими земля. Вот что пишет Дж. Стейнбек об американском трактористе: «Он не знает этой земли, не владеет ею, он не доверяет ей... Если брошенное семя не дает ростков, его это не касается. Если молодые побеги вянут в засуху или гибнут от проливных дождей, трактористу до этого столько же дела, сколько и самому трактору».

Молочно-товарная ферма

Токарь Кузьма Хохряков, трактористка Татьяна Ляпунова, фрезеровщик Афанасий Гобулев — полноправные хозяева артельного богатства, кровно заинтересованные в получении высоких урожаев.

Нет, никак не мог этого сказать про себя Пекишев, когда ремонтировал машины князя Голицина-Прозорского. К чему бы ни приложил он своих рук — все для него было чужое, созданное только для обогащения хозяина. И чувство бережливости развилось у Пекишева не тогда, когда он работал на хозяина, а только теперь, когда он трудится на себя, на свое государство.

Вот специалисты по автоматической электросварке — муж и жена Судоргины. Казалось бы, какое дело до земли людям этой профессии? Но и они, сваривая шейки осей тракторов, валы для молотилок и другие тяжелые детали, думают о земле, о хорошем урожае.

Большая бригада Пекишева со всеми ее разнообразными профессиями необходима колхозу так же, как животноводческие и полеводческие бригады. Не будь токарей, слесарей, механиков, вся огромная сила, что заключена в механизмах, стала бы пустым звуком, машины превратились бы в груды бесполезных вещей. Колхозу потребовалось бы людей в десять — пятнадцать раз больше, чем сейчас, потребовались бы сотни лошадей, различный упрощенный инвентарь. Агротехнический уровень хозяйства пошел бы под гору, урожай упали бы, изменилась бы вся жизнь. Не было бы ни артельного богатства, ни собственного радиоузла, ни стационарной киноустановки, ни электрического освещения.

В колхозе имени Ленина широко применяются в производстве новейшие методы, в частности автоматическая электросварка. Груд колхозников, обслуживающих разнообразные механизмы, становится все более похожим на труд квалифицированного заводского рабочего. Механизация труда и развитие подсобных отраслей постепенно сглаживают отличие сельскохозяйственного производства от промышленного.

Сельское хозяйство, особенно полеводство, носит сезонный характер. Летом оно требует огромных затрат труда, а зимой эти затраты сводятся к нулю: вместо десяти—пятнадцати человек требуется один. Так было у прежней хозяйки здешних мест — помещицы Оболенской. Управляющий имением сгонял на летние полевые работы и на уборку до двух тысяч человек. Это вдобавок к тем постоянным батракам, которые были в имении.

Колхоз имени Ленина на тех же землях управляется своими силами. Самое большее, что требуется ему на растениеводство — 305 человек. Триста пять колхозников успевают выполнить все, что надо, и в поле, и в саду, и в огороде, и на лугах. К такому резкому сокращению потребности в людях привели не только сознательное, хозяйское

отношение к труду, новые методы труда, к этому привела широкая механизация полеводства.

Когда в колхозе надо сажать картофель, непосредственно этим делом занимаются только 3 человека: тракторист и два колхозника, управляющие картофелесажалкой. Три человека успевают за день засадить картофелем 14 гектаров. А при посадке картофеля под плуг потребовалось бы по крайней мере 8 человек: один ведет лошадь, другой идет за плугом, шестеро кладут клубни в борозду. Более гектара в день эти 8 человек засадить не сумеют. Выходит, что теперь три колхозника выполняют работу 112 человек и 14 лошадей.

Механизация, таким образом, сильно сократила потребность в рабочей силе летом. С другой стороны, широкое развитие животноводства и подсобных отраслей повысило потребность в рабочей силе зимой.

Возьмем из производственного плана артели имени Ленина сведения о потребности в рабочей силе по месяцам. Всего в колхозе 720 трудоспособных. В январе требуется 418 человек, в мае 499, а в июне 685. Таким образом, летом колхозу нужно людей не в десять—пятнадцать раз больше, как это было в старой деревне, а всего в два раза больше, чем зимой.

Надо к тому же сказать, что колхоз имени Ленина не может еще похвалиться механизацией междурядной обработки посевов. Поэтому в разгар прополочных работ все еще требуется много людей. Когда же артель преодолевает этот недостаток, потребность в рабочей силе летом еще больше упадет.

Сезонность сельскохозяйственного производства породила в Америке сотни тысяч кочующих по стране рабочих. Есть целые артели стригачей, которых подрядчики возят по крупным фермам стричь овец. Есть огромная армия людей, работающих только на хлопковых плантациях. За коротким сезоном низкооплачиваемой работы у этих людей следует более полугодия полной нищеты и тоскливого ожидания нового сезона.

Ничего этого нет в Советской стране.

Чем больше будет механизирован труд в сельском хозяйстве, тем больше людей сумеет дать советская деревня нашей растущей промышленности.

Американские идеологи расизма, разглагольствуя о происхождении американцев над другими народами, неизменно ссылаются на свое искусство управления механизмами. «Американцы — прирожденные механики», — говорят они.

В связи с этим хотелось бы привести слова заведующего автопарком колхоза имени Ленина Федора Ивановича Сайганова.

— Народ у нас к механике способный, — говорит он. — Иной раз даже не заметишь, как человек научился управлять механизмом.

В колхозе 24 тракториста и 15 шоферов. На деле же едва ли не каждый третий колхозник может сесть за руль трактора и вести его в борозду.

Василий Ямников, работавший в полеводческой бригаде, а затем грузчиком, однажды пришел к Федору Сайганову и попросил себе выходной день.

— Надо бы сдать экзамен на шофера. Хочу проехать в автоинспекцию.

Ямников поехал в Кирсанов и сдал экзамен.

Получили также шоферские права Иван Ломовцев, Сергей Лавлинский и другие. На вопрос, когда он успел выучиться, Ломовцев ответил:

— Так ведь что ж — кругом машины, каждый день они на виду. Приглядывайся да не ленись — и научишься.

Так в нашей колхозной деревне складывается совершенно новый тип крестьянина.

Советский крестьянин — это свободный, материально обеспеченный, технически грамотный, культурный труженик. Он подлинный хозяин своей земли, своей судьбы, он не знает ярма помещичьей эксплуатации. Очень многие наши колхозники стоят на голову выше любого хваленного американского механика.

ЗАКОНЫ ВОЛЧЬИ И ЗАКОНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Очень правильная
эта
наша
Советская власть!

В. Маяковский

Человек человеку — волк. При капитализме это древнее изречение приобрело силу закона. Волчьи законы действуют повсюду, где существует капиталистический строй. В нашей стране установлены новые, человеческие законы.

Уже знакомый нам Борис Феофанович Григоренко написал осенью такую заметку в газету:

«Нынешним летом весь наш колхоз следил за соревнованием звеньевых Татьяны Андреевны Щучкиной и Евдокии Алексеевны Ляпуновой. Их звенья обязались вырастить по 25 центнеров проса с гектара. В Америке, побуждаемый алчностью, сосед соседу обязательно стремится подставить ножку. А как у нас?»

Щучкина яровизирует просо и советует сделать это и Ляпуновой. Ляпунова вносит суперфосфат, чтобы предотвратить полегание проса. Щучкина не отстает. Ляпунова удлиняет рабочий день, чтобы быстрее прополоть просо. Щучкина следует ее примеру. В итоге?

Щучкина собрала не 20, а 36 с лишним центнеров проса с гектара. Ляпунова же сняла по 43,6 центнера. Будет больше проса и государству, и колхозникам на трудодни, а звеньям — дополнительная оплата».

О звериных нравах, воспитываемых капитализмом, свидетельствует сама американская литература. Вот как описывает Эрскин Колдуэлл «взаимную помощь» фермеров.

У развалившейся автомашины сидит потомственный земледелец Джитер Лестер и размышляет о том, как выбраться из безысходной нужды, в которую попала его семья. Земельный участок Лестеров зарастает бурьяном. Нет у них ни волов, чтобы вспахать землю, нет и семян, чтобы засеять ее. Лестерам давно уже нечего есть. К Джитеру приходит сосед Лов. Джитер рад приходу соседа, он начинает с ним разговор.

— Ну, Лов, я ли не был всегда добр к тебе?.. Ты должен столкнуться со мной, чтобы у меня было чего поесть, чтобы я не умер с голоду. Неужели ты будешь сидеть и смотреть, как я мучаюсь, Лов?

— Не могу тебе помочь, — отвечает Лов. — Говорят, господь глядит на всех нас с одинаковым благоволением. Мне он дает мое, а если ты не получаешь своего, то ты к нему и обратись. Это совсем не моя забота. У меня собственных тревог хватает.

Надо добавить, что Лов не просто сосед Джитера, а его зять.

В старой русской деревне, чтобы стать зажиточным, надо было присваивать чужой труд, обирать соседей, односельчан.

Колхозники, чтобы стать зажиточными, должны только честно работать и беречь колхозное добро. Подобно советским рабочим, колхозники действуют на основе взаимопомощи.

Весной 1947 года, когда здесь уже полностью завершили план сева, соседний колхоз только еще начал сеять. Такое опоздание могло кончиться плохо. И вот трактористы и сеяльщики из колхоза имени Ленина направились со своими машинами к соседям, вспахали и засеяли у них более сотни гектаров. А когда выяснилось, что у соседей нечем засеять последние 50 гектаров, привезли свои семена.

Об этом рассказывал нам Иван Егорович Карагодов — секретарь партийной организации.

Иван Егорович рассказывал об этом с горделивой скромностью, подчеркивая обязанности, которые налагает на колхоз имени Ленина положение передового.

Конечно, не так-то это легко — помогать соседям в напряженное время посевных или уборочных работ. Но такая возможность появилась у колхоза имени Ленина благодаря

соревнованию. Колхозники смогли без ущерба для себя дать соседям одну молотилку потому, что другая перевыполнила норму.

Машинист сложной молотилки Коренюк и тракторист Мелохин решили соревноваться с машинистом Сороковым и трактористом Кожановым. Заключили договор, объявили всему колхозу: на молотье идет соревнование двух смен. Итоги смотрите на доске показателей.

По окончании первого дня соревнования на доске показателей значилось: смена Сорокового намолотила 12 тонн, а смена Коренюка — 15. В колхозе пошла разговоры: мало! У обоих мало. Хитрят, дескать, машинисты. Но машинисты не хитрили, а старались изо всех сил перекрыть установленную техническую норму — 30 тонн. На следующий день на доске показателей было написано: Сороковой — 20 тонн, Коренюк — 23 тонны.

А еще через двое суток обе смены не только полностью использовали производительность машины, но и стали ее перекрывать. На доске показателей стояли теперь уже две одинаковые цифры: Сороковой — 40 тонн, Коренюк — 40 тонн.

Несколько дней эти цифры на доске не менялись. Машинистам казалось, что они уже достигли «потолка», что большего из машины не выжмешь. Но когда начали молотить ячмень, цифры снова полезли вверх.

Соревнование смен продолжалось до конца обмолота хлеба, более месяца. Закончилось оно победой Коренюка и Мелохина. Они выдавали до 52 тонн зерна за смену. Сороковой с Кожановым тоже поднялись далеко за видимый «потолок» производительности: они вырабатывали за смену по 49 тонн.

В выигрыше оказался Коренюк, но проиграл ли Сороковой? Нет, он выиграл, выработав много трудней. В конечном счете выиграл весь колхоз имени Ленина и даже, как мы видели, — соседний колхоз. Не будь этого соревнования в передовом колхозе, не получили бы от него отстающие соседи молотилку на свой ток.

Душой соревнования является секретарь партийной организации колхоза. Он знает обо всем, что делается в бригадах, в звеньях, он старается довести достижения, равно как и недостатки, до сведения всех колхозников через стенгазе-

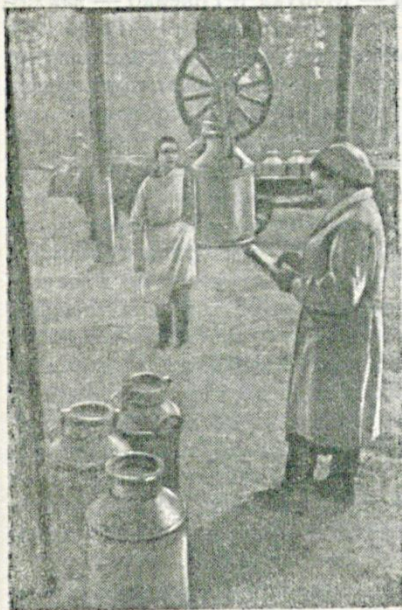
ту, по радио, с помощью агитаторов. Бригады и звеньевые часто приходят к Ивану Егоровичу со спорными вопросами соревнования. И бывает, что он сам становится втупик, не может определить, кто же все-таки вышел первым.

— Две сильные бригады — Мацука и Пшенко — заключили договор еще весной, — рассказывали нам. — И до чего же ровно работали! Год закончили вровень. Стали мы тут судить да рядить, кому из них вручать переходящее знамя. Никак решить не можем. Ячменя у Мацука собрано с гектара по 31,66 центнера, у Пшенко по 31,42 центнера. Кажется, ясно, хоть и на 20 килограммов только, а перетягивает все же Мацук. Но выходит со своими цифрами Пшенко и кладет на стол показатели по просу. Он собрал проса на 20 килограммов с гектара больше, чем бригада Мацука. И так по всем культурам. То Мацук впереди, то Пшенко. Ну, хоть иди в аптеку, да перевешивай эти тонны на граммы. Не сдастся ни тот, ни другой. Как быть? Земли у обоих бригад одинаково, гектар в гектар. И вот опять вооружаемся счетами и складываем валовой сбор всех культур. Вышло, у бригады Пшенко на 51 килограмм зерна больше намолочено. Расчет, кажется, ясный: знамя надо отдать Пшенко. Но по существу нехорошо. Бригады намолотили десятки тысяч пудов зерна, а знамя надо отдать за 51 килограмм. К тому же начались новые расчеты. Ячмень, мол, на здешних землях всегда родится лучше, чем овес, а у Пшенко ячменя на четверть гектара больше, чем у Мацука... Такое положение — хоть разрежь знамя пополам. Так и не договорились, какая первая. Выходит — обе первые. На том и порешили: вынести от правления благодарность обеим бригадам.

В феврале 1948 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями передовиков сельского хозяйства Тамбовской области». Этим Указом награждено 55 колхозников артели имени Ленина. Бригады Петр Васильевич Пшенко, Федор Ефимович Мацук и вместе с ними тот, кто рассказывал нам историю их борьбы за первенство, — Иван Егорович Карагодов, награждены орденами Трудового Красного Знамени.

Правительство наградило председателя артели Павла Николаевича Фокина, бригадира Федора Митрофановича Баскакова, агронома Дмитрия Ивановича Зиновьева, Федо-

ра Ильича Ваявкина, звеньевых Евдокию Алексеевну Ляпунову, Екатерину Федоровну Чернышову, Татьяну Андреевну Щучкину и других колхозников.

Продукты животноводства поступают в переработку на предприятия колхоза. Прием и взвешивание молока на маслодельно-сыроваренном заводе

Звеньевые Анастасия Митрофановна Луцишина и Прасковья Петровна Солдатова награждены орденами Ленина.

Высокая правительственная награда крестьянам за хорошую работу на полях — это возможно только в Советской стране.

Стараясь вникнуть в жизнь русской деревни, Глеб Успенский ясно видел, что пресловутое общинное землевладение «не избавляет членов общины от голодной смерти», он видел «полную отчужденность членов общины одного от другого».

Это было сказано о старой русской деревне с ее общинным землепользованием. Еще большая пропасть лежит сейчас между сельскими жите-

лями в странах капитала, где жестокая конкуренция стала основным законом жизни.

В 1945 году в Австралии вышла книга публициста А. Э. Мендера «От шести вечера до полуночи». Мендер пишет, что люди в капиталистических странах живут по существу в страшном одиночестве и совершенно обособлены друг от друга. «Они не живут жизнью коллектива, не являются неотъемлемой частью общественного организма. Заявить, что теоретически, формально, они «члены» нации

или государства, значит обойти существо вопроса. Принадлежность к той или иной нации может сводиться к уплате налогов, повиновению законам и участию во всеобщих выборах. В таком разьединенном обществе, как наше, нет ничего, что действительно заслуживало бы названия «национальной жизни», в которой сознательно и активно участвовал бы каждый гражданин. Как бы мы ни относились к социальному строю России вообще, нам ясно, что только там каждый гражданин всегда может чувствовать себя частью всего великого, организованного и целеустремленного коллектива в целом».

Да и как может, к примеру, американский фермер чувствовать себя членом коллектива, когда живет он в постоянной борьбе не на жизнь, а на смерть — борьбе за землю, за прибыли.

Когда Корней Задирако наводит порядок в прачечной или хлопочет о дровах для колхозной бани, он хлопочет не лично для себя, но для всех, в том числе для старых своих друзей Мацука и Григоренко. Задирако в свою очередь нуждается в труде Мацука и Григоренко, он ест хлеб и пьет молоко, добытые их трудом. И бригада Мацука отдает себе отчет в том, что трудится она не только для себя: много ли одной бригаде нужно хлеба? Бригада знает, что добытый ею хлеб пойдет и Марте Кригер, которая выращивает колхозных телят, и механику Федору Сайганову, ремонтирующему артельные автомобили, и многим другим, кто не сеял, не убирал, но так же, как и бригада Мацука, работал для всех. Во всех уголках большого хозяйства: на полях и фермах, в саду и в кузнице, на мельнице и в детских яслях, сотни рук делают общее дело. Труд крестьянина получает здесь всем видимое общественное значение.

В условиях колхозной жизни приобретают не отвлекаемый, а практический смысл слова Тимирязева о том, что человек, взрастивший два колоса там, где рос один, заслуживает благодарность человечества.

Охотников вырастить два колоса там, где рос один, в колхозе очень много. Всякий, кто добивается этого, пользуется глубоким уважением.

Борис Феофанович Григоренко добивается в колхозном животноводстве того же, что земледелец, вырастивший два колоса там, где раньше рос один. И его труд высоко оценен

правительством: он награжден орденом Ленина. Когда украинский парубок Борис Григоренко доил коров у американского фермера-судьи, думал ли он о высокой чести, которая ожидала его в будущем?

Есть в Америке памятник. Он сооружен не в честь какого-нибудь выдающегося деятеля науки или искусства, а в честь коровы. На гранитном постаменте высечена надпись:

«Здесь жила и отдалась служению человечеству Сегис Пьетерджи Проспект — мировой чемпион — молочная корова. За два года официальной записи она заслужила высшую славу для коров всех возрастов... В год она давала свыше 15 610 литров молока».

Рекорд этой заокеанской знаменитости давно перекрыла корова костромской породы Послушница Вторая, от которой за одну лактацию получено 16 262 литра молока. Но не в этом дело. Памятника Послушнице у нас нет и, вероятно, не будет. Зато зоотехник совхоза Караваяево Станислав Иванович Штейман, который вырастил эту рекордистку и о котором с таким интересом расспрашивал нас Григоренко, стал одним из знатных людей нашей страны, лауреатом Сталинской премии.

А кто в Америке знает о человеке, вырастившем корову Сегис? Только в весьма узком кругу специалистов известно его имя. Слава коровья заслонила славу человека. В мире бизнеса и тщеславия человеку труда не нашлось места потому, что славу там делают деньги. В нашей же стране именно труд, стахановский труд — будь то на заводе, в лаборатории или в поле — становится делом славы. И рождается эта слава в соревновании.

Осенью 1947 года на страницах районной газеты «Кирсановская коммуна» началась интересная переписка между колхозом имени Ленина и колхозом «Красный пахарь» того же района. Представители двух сельскохозяйственных артелей рассказывали друг другу о том, как они борются за высокий урожай. Необходимость в такой обоюдной информации возникла с тех пор, как эти колхозы заключили между собой договор на социалистическое соревнование. Из «Красного пахаря» подробно сообщали, какие именно колхозники отличились за последнее время, как идут дела по колхозу в целом, как в ответ на Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении хлеборобам звания Героя Социалисти-

ческого Труда началась у них борьба за право на правительственные награды.

«В июне, — писали из «Красного пахаря», — когда проводилась у нас взаимная проверка выполнения взятых обязательств, мы многое переняли у вас. У вас есть чему поучиться. Мы считаем соревнование с вашим передовым колхозом за честь. Нас интересует, как вы убираете урожай, боретесь с потерями зерна, кто из колхозников продолжает бороться за получение правительственных наград, какой урожай выращен звеном т. Луцишиной. Нам это особенно интересно потому, что весной мы у нее позаимствовали опыт борьбы за получение высоких урожаев ячменя».

Через неделю в той же газете был напечатан ответ колхоза имени Ленина.

«Рады сообщить вам, — писали отсюда, — что результаты нашей борьбы за урожай оказались неплохими. Ячмень в бригаде № 1 дал по 31,66 центнера, а в бригаде № 2 — по 31,52 центнера с гектара. Звено т. Луцишиной получило урожай ржи со своего участка по 25,17 центнера, а яровой пшеницы по 20,30 центнера с каждого гектара. Колхоз завершил косовицу озимых и ранних яровых на площади 1 043 гектара в тринадцать рабочих дней».

На все свои вопросы колхозники «Красного пахаря» получили исчерпывающие ответы. «Надеемся, — писали из колхоза имени Ленина, — что наша с вами деловая переписка о ходе социалистического соревнования поможет многим колхозам района в быстрейшем завершении всех сельскохозяйственных работ».

В этой переписке передовой колхоз, так сказать, раскрыл перед «Красным пахарем» все карты. Хочешь знать, как идет у нас дело, хочешь поучиться — учись на здоровье, нет от тебя никаких секретов. И, видно, наука эта пошла на пользу. «Красный пахарь», считавший за честь соревнование с колхозом имени Ленина, опередил — хоть и всего на два дня — этот передовой колхоз в сдаче хлеба государству.

Так, в соревновании, тамбовские колхозники достигли выполнения тех больших обязательств, которые весной 1947 года дали они в письме товарищу Сталину. В этом соревновании все равнялись по передовым артелям, подобным колхозу имени Ленина.

Передовой колхоз щедро делится с другими своим богатым опытом. Его посетили восемнадцать экскурсий из соседних районов, чтобы заимствовать опыт успешной борьбы с сорняками. Правленцы завели для гостей книгу впечатлений и пожеланий. В ней есть такая запись: «Ваши поля мы узнали сразу по удивительной чистоте и хорошему состоянию посевов. Спасибо за науку!»

Наука заключалась не только в том, что экскурсанты ознакомились со всем комплексом применяемых здесь агротехнических мероприятий. Прибывая сюда в горячую пору прополочных работ, гости прежде всего замечали, что все от мала до велика находится в это время на колхозном поле, никто не отсиживается на своем приусадебном участке.

Колхозники артели имени Ленина теперь видят, что общественная земля при правильном ее использовании приносит каждому гораздо больше дохода, чем личное приусадебное хозяйство. Добиться сверхпланового урожая в звене и бригаде и получить за это дополнительную оплату натурой, это, помимо всего прочего, гораздо выгодней, чем копаться на своем огороде.

Присутствуя на заседании правления колхоза, когда обсуждался вопрос о распределении доходов за 1947 год, мы имели случай в этом убедиться. Стало понятным то относительное равнодушие колхозников, равно как и колхозниц к своему приусадебному хозяйству, которое кажется удивительным на первый взгляд. Тратить лишнее время на свое хозяйство здешним колхозникам просто невыгодно. И не случайно три четверти колхозных семей обрабатывают приусадебной земли в пять раз меньше, чем имеют право по закону.

Когда слово было предоставлено счетоводу и он, раскрыв свои книги, начал читать колонки цифр, все слушали внимательно, но молча. Когда же счетовод доложил, что на дополнительную оплату за сверхплановый урожай, иначе говоря — за стахановский труд, приходится 2 195 центнеров зерна, гул пошел по комнате.

— Ого!..

13 тысяч с лишним пудов хлеба причитается колхозникам сверх трудодней — за перевыполнение плана, за то, что они работали по-стахановски. Это свидетельство высокой сознательности колхозников, свидетельство подлинных

успехов соревнования, которое идет здесь не на бумаге, а на полях, на фермах, в огородах и садах.

Конечно, не все гладко в этом колхозе, не все с одинаковой энергией укрепляют общественное хозяйство. Есть и здесь люди, которые иногда не прочь поживиться за счет артельного добра. Нередко еще в сознании того или иного колхозника берут верх пережитки старого, и он совершает антиобщественный поступок. Но такой случай редко проходит здесь незамеченным.

На том же заседании правления, где речь шла о распределении доходов, обсуждался подобный поступок.

Перед членами правления стоял пожилой человек в романовском полушубке. Шапку он снял и держал перед собой в руках. Это был колхозник Серповской. Докладывал о деле Серповского заведующий коневодческой фермой Терентий Гаврилюк:

— Что ж, товарищи, — сказал Гаврилюк, — прошу рассудить. Надо что-нибудь делать с Серповским. Надоело мне гонять его корову от колхозных ометов, надоело и предупреждать. Скажешь ему сегодня, а завтра опять корова у колхозного корма. А человек ведь не бедный.

Семья Серповского только за десять месяцев выработала больше тысячи трудодней. Перед правленцами стоял, как сказали бы раньше, мужик состоятельный.

Серповской держался заносчиво и пытался свести разговор к мелочам.

— Не знаю, какое тут особенное преступление с моей стороны сделано, Гаврилюк изображает дело так, будто я с целью корову пускаю. Неверно. Что ж мне за ее хвостом бегать?

Члены правления молчали. Замолчал и Серповской. Правленцы будто колебались, и тогда Серповской заговорил еще увереннее:

— Да стоит ли толковать из-за пуда сена? В прошлом году колхоз взял от меня больше веза.

И тогда присутствующие, сразу вспомнив этот случай, заговорили один за другим.

— Выходит, прошлогодний урок человеку в прок не пошел, — сказал агроном.

— Не пошел, — подтвердил Задирако.

Оказывается, сено, о котором упомянул сам же Серповской, накосил он без всякого на то разрешения на колхозных угодьях. Воз сена увезли тогда на ферму, а Серповскому вынесли предупреждение. Напоминая об этом, Серповской хотел сказать: мы, дескать, квиты. Он словно не понимал, что сено-то ведь было колхозное.

— На общее собрание его, — сказал председатель.

— На общее собрание! — поддержали остальные. — Пусть колхозники разъяснят ему, что свое, а что общее.

Стоявший перед правлением человек в романовском полушубке сразу потерял свою самоуверенность. Он знал, что на общем собрании проберут его как следует. Он знал, что разговор пойдет о социалистической собственности. И будет он один против всех...

Еще одна замечательная черта в жизни нашей страны — полное отсутствие какой-либо отчужденности в отношениях между городом и деревней.

Чехов в рассказе «Мужики» с горечью писал о том, что люди города, зная беспросветную жизнь деревни, не оказывают ей никакой помощи. «Да и может ли быть какая-нибудь помощь или добрый пример от людей корыстолюбивых, жадных, развратных, ленивых, которые наезжают в деревню затем, чтобы оскорбить, обобрать, напугать».

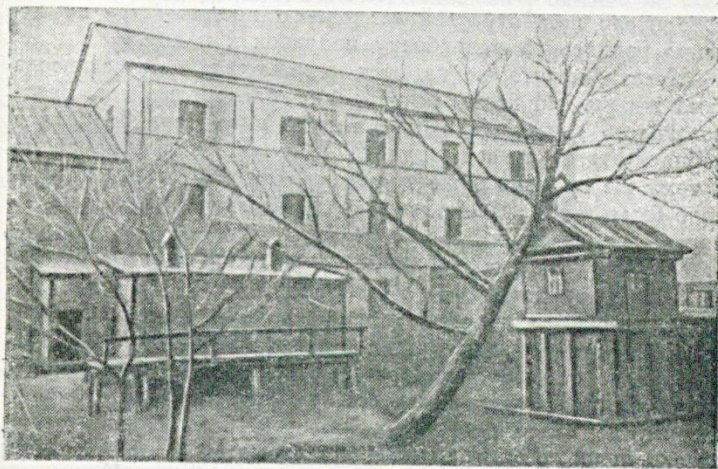
А вот выписка из постановления Кирсановского райкома партии: «Слушали: О строительстве гидроэлектростанции в колхозе имени Ленина. Постановили: компрессорной станции газопровода Саратов—Москва и городской электростанции оказать колхозам района шефскую помощь в электрификации».

Город не является больше для крестьян чем-то далеким и враждебным. Город для них — друг, советчик, руководитель. Из города получают они машины, тракторы, автомобили и все, что помогает хозяйственному и культурному росту деревни.

В колхозе имени Ленина побывала экспедиция треста «Водстрой». Здесь были гидрологи, почвоведы, гидротехники. Они приехали из Москвы со своими нивелирами, теодолитами, треногами, счетными линейками. Они имели задание помочь колхозу в проектировке ирригационных сооружений. Каждое утро работали вместе с колхозниками на берегах реки Вороны, исследуя почвы на различных глу-

бинах, составляя рельефные карты и таблицы. С их помощью колхозники сделали важное государственное дело — создали систему орошения полей.

Из сельскохозяйственной академии имени Тимирязева сюда приезжают научные работники. Их очень интересует краснотамбовский скот. Профессора помогают колхозу со-

У колхозников мука собственного помола.
Мельничный комбинат колхоза

вершенствовать свое стадо. После каждого приезда ученых здесь остается реальный след их работы. Борис Феофанович Григоренко с благодарностью отзывается о той помощи, которую люди науки оказывают колхозу в развитии молочного животноводства. И сами научные работники извлекают здесь большую пользу для своей научной деятельности. Они обогащаются новыми наблюдениями, представляющими значительный интерес. Тимирязевская академия собирается закрепить это содружество науки и практики, устроив здесь опорный пункт для исследовательской работы.

В колхозе побывала и бригада Плодоовощного института имени Мичурина. Она помогла правленцам разработать колхозную пятилетку.

Как только в газетах появилось письмо ленинградцев с призывом развернуть борьбу за выполнение пятилетки в четыре года, здешние колхозники начали по-деловому обсуждать вопрос — каким образом «сэкономить годок». На заседаниях правления было решено: срочно подготовить сокращенный вариант пятилетнего плана к общему собранию членов артели. Бригадиры, агрономы, зоотехники, руководители всех отраслей колхозного производства немедленно взялись за разработку поправок к плану.

Кстати, некоторые из этих поправок давно уже внесла сама жизнь. По плану потребление электроэнергии предполагалось увеличить в 1950 году в пять раз. Но колхоз добился этого уже к концу 1947 года. Валовой сбор зерна к тому же времени тоже достиг уровня 1950 года. Теперь надо было утвердить по этим отраслям новую, повышенную программу. В других же отраслях, например в строительстве жилищ, намечались такие меры, которые и позволили бы завершить программу в 1949 году.

В борьбе за досрочное выполнение пятилетки колхоз пошел вслед за городом и по его пути. Так подхватываются здесь все общегосударственные начинания. Колхозники поднимаются не только на весенний сев или на уборку, словом, на такие дела, от которых зависит благополучие самого колхоза, они дружно поднимаются и на дела, от которых зависит процветание всего государства. Когда по радио объявили о выпуске второго займа восстановления и развития народного хозяйства, колхозники в первый же день дали займы государству 300 тысяч рублей наличными. Колхозники не желают помощи от американского дядюшки, они хорошо знают, во что обходится эта помощь трудящимся других стран, и сами помогают государству восстанавливать и развивать народное хозяйство.

Каждое государственное мероприятие воспринимается здесь как свое кровное, родное дело. Иначе и не может быть, хотя бы потому, что во всех органах власти колхоз имени Ленина имеет своих представителей. В Екатеринбургском сельсовете — шесть членов колхоза имени Ленина. Лучшая звеньевая Чернышова избрана в Кирсановский районный Совет. Бригадира Петра Васильевича Пшенко выбрали депутатом Тамбовского областного Совета. Председатель правления колхоза Павел Николаевич Фокин — депутат

Верховного Совета Российской Федерации. Сын рабочего тамбовского вагоноремонтного завода, он получил при советской власти зоотехническое образование. Государственным и общественным деятелем он стал здесь, в колхозе.

Руководить таким большим хозяйством, каким является колхоз имени Ленина, нелегко. Занятый, буквально, по горло артельными делами, Павел Николаевич, однако, не забывает, что он депутат, слуга народа. Он чутко выслушивает на приеме самые разнообразные жалобы и заявления избирателей, внимательно читает письма избирателей, приходящие из соседних районов. В одних случаях, когда это возможно, Павел Николаевич помогает сразу, в других — записывает заявление «для памяти», чтобы решить дело в местных или центральных советских органах.

Павел Николаевич много, упорно учится. Он старается, чтобы достижения советской науки были широко использованы и в полеводстве, и в животноводстве, и в подсобных отраслях.

Неудовлетворенность достигнутыми успехами, желание поравняться с колхозами, которые работают лучше, — самая характерная черта Павла Николаевича.

При всяком удобном случае он напоминает колхозникам, что сотни и тысячи сельскохозяйственных артелей то в одной, то в другой отрасли обгоняют колхоз имени Ленина, и, чтобы не отставать, надо приложить больше усилий и в поле и на фермах. Когда после уборки стало видно, что многие колхозники добились урожая, дающего право на получение ордена, Фокин напомнил, что во многих других колхозах достигнуты показатели, за которые правительство присваивает звание Героя Социалистического Труда, что надо работать еще лучше.

Павел Николаевич Фокин рано остался без отца и получил свое образование ценой большого труда. Может быть, поэтому он никогда не забывает о воспитании колхозной молодежи, заботится о нормальной работе школ, о том, чтобы молодые колхозники были грамотными и культурными.

На собрании сельской интеллигенции он с возмущением говорил о том, что некоторые подростки хотят оставить семилетку до ее окончания, и укорял за это учителей. Павел Николаевич нарисовал увлекательную картину роста кол-

хоза и на конкретных примерах показал, что теперь сельскому хозяйству нужны образованные кадры, знающие физику, и биологию, и геометрию, и алгебру. Без этого уже нельзя плодотворно работать в механизированном и электрифицированном хозяйстве.

— Нашей колхозной молодежи, — говорил Фокин, — надо очень серьезно учиться. Подрастающее поколение должно войти в коммунизм высококультурным, свободным от пережитков старого.

В этом сказывается широта взглядов руководителя передового колхоза.

Как мы уже сказали, Фокин приехал сюда четырнадцать лет назад. Девять лет он работал здесь зоотехником. Годы работы в колхозе, годы активного участия в жизни колхозной партийной организации не прошли даром. Он стал работником большого размаха, талантливым большевиком-организатором.

Павел Николаевич умеет смотреть в будущее. Он не мыслит себе работы без связи с наукой, без плана.

Пятилетний план колхоза разработан и обоснован столь обстоятельно, что его в качестве примера для всех колхозов области большим тиражом выпустило издательство «Тамбовской правды».

Таков Фокин — председатель правления колхоза и депутат Верховного Совета Российской Федерации.

Мы были в колхозе, когда шла подготовка к выборам в местные Советы. В числе лучших агитаторов были колхозники, хлебнувшие в молодости горя в заокеанском «раю». Они знают волчьи законы капитализма, знают всю продажность и фальшь американской демократии. Они наблюдали темные избирательные махинации в Америке.

И подобно Матвею Лозинскому из рассказа Короленко «Без языка», все они: и Федор Мацук, и Корней Задиряко, и Борис Григоренко, и Петр Пшенко, и Михаил Новиков, и другие, могли бы сказать:

«Пусть гром разобьет эту их медную свободу, там, на острове...»

НА ГОРОДСКОЙ ЛАД

Мы хотим деревню, ее культуру, ее людей сделать людьми городскими, культурными, иначе говоря, чтобы их культура, быт равнялись городским.

М. Калинин

— Говорят, Америка — страна сервиса. Интересно знать, каким сервисом пользовались там лично вы, как обслуживали вас в быту? — спросили мы однажды Григоренко.

Борис Феофанович усмехнулся.

— Я про этот сервис много раз слышал, но не пользовался. За американский сервис ведь тоже надо платить. Вот расскажу я вам, какой сервис завел для рабочих тот подрядчик в штате Нью-Йорк, у которого я два сезона ремонтировал шоссе-ные дороги.

Жили мы в передвижном бараке на колесах. По мере надобности сами передвигали по дороге свой дом. Подрядчик, видно, очень заботился о нашем питании, даже доставлял нам продукты. Но получалось в конце концов так, что он не на одном нашем труде, а и на питании наживался. Рабочие рады бы избавиться от этих забот, гораздо выгодней было покупать продукты самим. А нельзя — обязательно надо брать у хозяина. Это первый сервис. А вот второй. Жили мы без семей, обед сварить было некому. Вот тут бы хозяину и позаботиться — завести для ремонтников столовую. Но это ему было невыгодно. Поэтому мы пищу приготавливали сами. Ни печки, ни электрических плиток в нашем доме на колесах не водилось. Бывало разведешь около барака костерчик, поставишь на два кирпича котелок,

да и варишь себе обед. Это второй сервис. Когда уезжал я парнишкой за океан, односельчане говорили: «В Америке не то, что у нас. Там спят не на полатах, у каждого своя кровать, с матрацем, с простыней, с одеялом». Но подрядчик наш что-то не позаботился о такой роскоши. Постель сделал я себе сам из старых мешков, набитых сеном. Это третий сервис. Еще говорили мне односельчане: «Будешь в Америке при галстuke ходить». Галстук я себе действительно завел. Но только при такой жизни, какая была у ремонтников, куда его, галстук? Галстук наденешь, а рубашка все равно грязная. Никакой прачечной у хозяина в заведении не было. Мы сами себе кое-как и стирали белье, у дороги. Это четвертый сервис, какой припоминаю. А больше-то, пожалуй, и нечем нашего подрядчика помянуть. Конечно, при деньгах живут там со всеми удобствами. Но какие у ремонтного рабочего деньги, когда платили нам по полтора доллара за десять часов работы?..

Описанный Борисом Феофановичем «сервис» еще очень неплох по сравнению с бытом множества американских рабочих в наши дни.

Вот как живет со своей семьей в городе Чикаго маляр Томас Харт, отец восьмерых детей.

Хозяин выселил его из квартиры. Семья первое время ночевала в парках, потом устроилась в полуразвалившемся автомобиле, потом перекочевала в заброшенный гараж. Почему же маляр Томас Харт не может найти себе квартиру в огромном городе? По той же причине, по какой не могут найти квартиры в Америке тысячи ветеранов войны: из-за жилищного кризиса и чрезвычайно высокой квартирной платы. Хотя плата за квартиру всегда съедала до сорока процентов заработка рабочих, тем не менее владельцы домов добились принятия законопроекта, разрешающего повысить плату за квартиру на пятнадцать процентов.

Никто никогда не выселит здешних колхозников из больших, светлых двухэтажных домов с просторными, высокими, уютными комнатами. Бытовые удобства, созданные в этой отдаленной от железной дороги деревне, не идут ни в какое сравнение с тем «сервисом», какой приходится на долю маляра Томаса Харта из города Чикаго и многих других рабочих Америки.

В колхозе есть общественная столовая. Это просторная чистая комната, с покрытыми новенькой клеенкой столами.

Посетители столовой получают обычно на завтрак хороший ржаной хлеб собственной выпечки, кусок сливочного масла со своего же колхозного завода и по два стакана густого, холодного молока. На обед, состоящий из трех блюд, подают картофельный или гороховый суп с мясом, а чаще всего — вкусные мясные щи; на второе — жареное мясо с картофелем, или яичницу, или кашу со сливочным маслом; на третье — густое, холодное молоко. Молоко подается и к ужину вместе с приготовленным на обед вторым блюдом.

Колхозники, желающие обедать в столовой, перечисляют на нее свои продукты. Можно получать обеды лучше и похуже, в зависимости от этого и устанавливается перечень отчисляемых в столовую продуктов.

В колхозе есть прачечная, парикмахерская, баня, душевая. Горячая вода поступает в душ с электростанции. Все расходы по этим бытовым учреждениям берет на себя правление.

Чтобы заказать обувь, нет надобности ехать в город. Сапожная мастерская колхоза принимает заказы на новую обувь, чинит старую.

Работник механической мастерской Сергей Дрозд собрался сшить себе костюм. В колхозе есть швейная мастерская. Для молодого, несемейного человека очень важно, чтобы кто-то помог ему поддерживать одежду в порядке, и, если что порвалось, протерлось, во-время заштопать, залатать. Все это тоже можно сделать в швейной мастерской.

Разговорившись с Сергеем, мы узнали, что он бывал в Москве. Зарабатывает он хорошо, живет один, так что денег у него, можно сказать, куры не клюют. В Москве он сделал некоторые покупки и побывал в театрах — Большом, Малом, в оперетте. Когда зашел разговор о новых кинофильмах, то оказалось, что он видел их здесь, в колхозе.

Крестьяне, побывавшие за океаном, не имели возможности ходить в театры, хотя и жили в крупнейших городах Америки. Мацук узнал как-то, что в Нью-Йорк, где он тогда жил, приезжает Карузо. Федору Ефимовичу очень хотелось послушать знаменитого певца. Собрался он за би-

летом, но купить билет не решился: за него надо было отдать треть месячного заработка. Получал тогда Мацук по доллару в день, а билет стоил десять долларов. Так и не пришлось Федору Ефимовичу послушать Карузо.

Сергей Дрозд упомянут здесь для примера. Разве только молодому, несемейному человеку нужны те бытовые услуги, о которых шла здесь речь? Этими услугами в той или иной степени пользуются все члены колхоза. Есть и такие услуги, которые особенно ценны именно для семейных людей, для хозяек.

...Согнувшись под тяжестью коромысла с двумя полными ведрами, несет женщина воду из колодца. Каждая кружка воды в доме на счету, посуда моется плохо, белье стирается редко. До революции воду приходилось экономить не только в деревне, но и в уездном городе, и на заселенных беднотой окраинах больших городов.

В колхозе имени Ленина хозяйки держат свои дома в чистоте потому, что воды жалеть не приходится. Всюду установлены водоразборные колонки, водопроводная сеть уже составляет 10 километров и будет еще увеличена.

Включив электрический утюг, колхозница гладит белье. Вечером не надо возиться с самоваром: чай можно подогреть на электрической плитке. Не надо возиться и с керосиновыми лампами.

Значение промышленных предприятий колхоза заключается не только в сотнях тысяч рублей дохода, которые они дают. Развитие подсобных предприятий улучшает быт колхозников. По трудодням можно получить вместо подсолнуха — готовое подсолнечное масло; вместо молока — сливочное масло, сыр; вместо зерна — муку; вместо проса — пшено; вместо гречихи — крупу.

Белоснежные булочки затейливого вида, которыми здешние хозяйки угощали нас при чаепитии, выпечены из отличной крупчатки своего колхозного помола.

Возле маслодельного завода встретили мы как-то колхозника Трофима Афанасьевича Рукина. Не нуждаясь в молоке, он решил получить по трудодням готовый продукт и за один раз унес 15 головок, то-есть 27 килограммов, сыра. У Трофима Афанасьевича своя корова, поэтому и за предыдущий месяц он молока по трудодням не взял, а получил 6 килограммов сливочного масла.

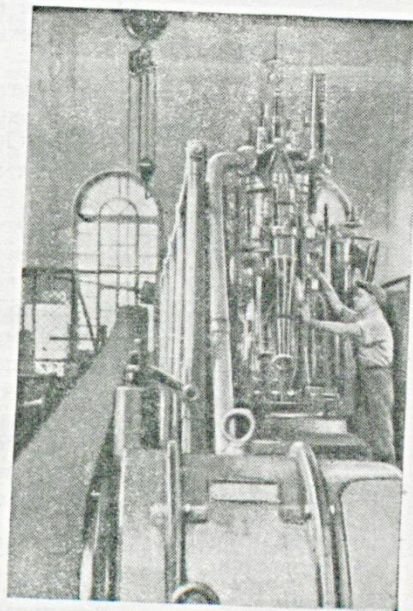
Не один Трофим Афанасьевич берет сыр и масло вместо молока. Не нуждаясь в молоке, взял в тот же месяц и колхозник Иван Немцов 11 килограммов сливочного масла. Большинство же колхозников получает частью молоко, частью масло, частью сыр — в зависимости от того, сколько чего нужно в домашнем хозяйстве.

Просматривая осенние и весенние ведомости маслодельного завода, не обнаруживаешь в них резкой сезонной разницы. Май — это так называемый сезон большого молока. В октябре удои обычно значительно снижаются. В мае завод выработал 556 килограммов сыра и 467 килограммов масла. Но и в октябре он дал немало: 321 килограмм сыра и 377 килограммов масла.

Относительная равномерность выработки на маслозаводе — результат правильной постановки дела на колхозной ферме крупного рогатого скота. В общем колхозники и осенью, и весной, и летом получают молоко и молочные продукты.

Доходы и удобства, которые дает колхозникам маслодельный завод, очень велики, а велик ли заводской штат? Это всего-навсего три человека: учетчик (он же приемщик, он же заведующий), мастер и подсобный рабочий.

Хлеб! Сколько сил затрачивает деревенская хозяйка на выпечку хлеба насущного! В артели имени Ленина так же, как в городах, колхозники получают готовый хлеб. В обе-

У колхоза две электростанции. Дежурный машинист М. Красиков у двигателя

денное время от пекарни, расположенной около колхозного правления, хозяйки несут большие, теплые караваи. Можно брать хлеб каждый день, можно взять хоть на неделю. Потом счетоводы подсчитывают, кто сколько получил, переводят печеный хлеб на зерно и учиняют расчет с каждой семьей при распределении продуктов по трудовням.

Мы уже упоминали о швейной мастерской. Это колхозное ателье мод с журналами новых моделей, электрическими утюгами, манекенами, ножными машинами. Портные, обслуживающие колхозников, — люди с большим опытом, со стажем в двадцать — тридцать лет. Бригадир Николай Михайлович Исаев много лет работал в московских ателье, портной Трофим Максимович Обьедков — в ленинградских. Ныне все семь портных, занятых в здешней мастерской, члены колхоза.

Правление колхоза утвердило для мастерской специальный прейскурант, предусматривающий все виды работ, начиная с модного бостонского костюма или креп-де-шинового платья и кончая пошивкой овчинных рукавиц. Этот прейскурант выглядит несколько необычно. Пальто зимнее суконное — 7,5 трудовня, пальто демисезонное — 6,25, костюм летний — 4,5, тулуп овчинный нагольный — 5, спецовка — 2, кальсоны — 0,6, рукавицы — 0,2. Платье шелковое или шерстяное — 3 трудовня, маркизетовое — 2, сатиновое — 1,75, сарафан — 1,5, халат — 0,8 трудовня.

Далее идут расценки на головные уборы, детские вещи, подборку мехов. В отличие от городского ателье все это расценивается не в деньгах, а в трудовнях. Колхозным портным, так же как полеводам, дояркам, трактористам, начисляются трудовни. Установлен такой порядок: каждый заказ выполняется определенным мастером, у которого есть свой личный счет. На этот счет колхозник, сделавший заказ, перечисляет со своего личного счета полагающееся за работу количество трудовней.

В месяц специалист по верхнему платью делает семь пальто, мастер дамского платья — тридцать платьев, бельевщица — до сорока сорочек. Семи опытным специалистам помогают три ученика. Люди работают с полной нагрузкой, и все-таки мастерская не управляется с заказами. За время войны люди пообносились. Теперь каждому хочется одеться получше.

— Сейчас столько заказов, что и к маю всего не пошьем, — говорил нам бригадир Николай Михайлович. А дело было в декабре.

— Что же вам заказывают больше — дорогие или дешевые вещи, городскую или деревенскую одежду?

— Ну, конечно, шьем и тулупы, и спецовки, но больше городскую, модельную одежду. Простые платья шьют дома, сами. От нас же требуют по последней моде, особенно женщины. И материал все больше приносят дорогой — шерсть, сукно, креп-де-шин.

Как раз в это время к мастерице Марии Яковлевне Ерофьевой пришла заказчица Шура Микунова. Молодая колхозница принесла вышитый купон шелкового полотна. У мастерицы с заказчицей началось совещание по поводу фасона блузки.

Николай Михайлович достал счета своих заказчиков. За последнее время доярка Пелагея Булгакова заказала два летних шерстяных костюма — серый и черный. Она же заказала два зимних пальто. Материал для пальто — сукно. Воротники — каракулевый и котиковый.

Забота о быте чувствуется здесь во всем. Но это не значит, что все делается так, как хотели бы колхозники.

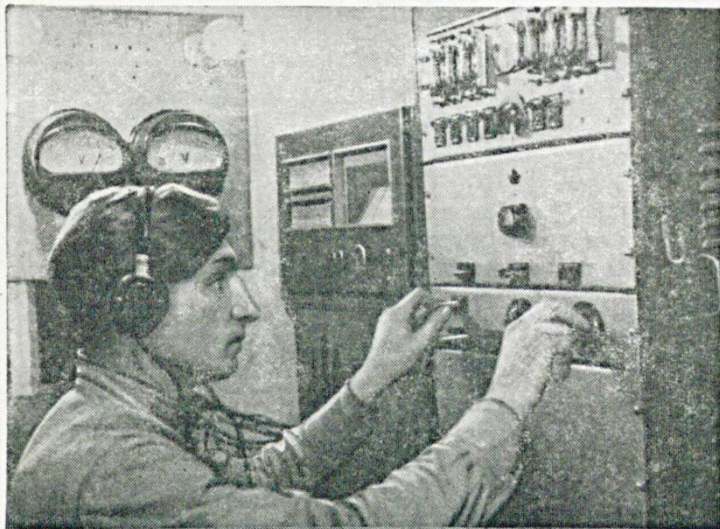
При всем внимании, какое уделяет правление жилищу колхозника, жилищный вопрос далеко еще не решен. Мы уже сказали, что строительство домов — это один из многих разделов, по которым колхозная пятилетка не выполняется. Над овражком стоит наполовину готовый большой дом, и не так уж много требуется усилий, чтобы нуждающиеся в жилой площади колхозники могли туда переехать. Но ни разу за несколько недель мы не видели здесь никаких работ, хотя время года было еще достаточно теплым, вполне подходящим для стройки.

Многие хозяйки недовольны тем, что стирать приходится в комнате и здесь же надо держать разные хозяйственные вещи, которым место в кладовой, а кладовой нет.

Хорошо, что в колхозе есть пекарня, столовая. Но семейные колхозники большей частью обедают дома. Поэтому в новых колхозных домах обязательно надо подумать о кухне.

На улицах установлены водоразборные колонки. Но еще бы лучше провести воду в самые дома, и хозяйки мечтают об этом.

При всей аккуратности здешних хозяек, которые содержат свои дома в большой чистоте, им не справиться с грязью, наносимой в дни весенней и осенней распутицы. Тамбовские черноземы — чудесная, плодородная земля, но они становятся в дни распутицы настоящим бичом для хозяек. Женщины не успевают отмыть полы от грязи. Приходится прибегать к мерам, которые применяет, например,

Колхоз радиофицирован. Гриша Совков включает радиоузел

заведующая детским садом. Когда мы пришли в покрытых грязью башмаках, она пустила нас в комнаты не раньше, чем мы переобулись в чьи-то мягкие войлочные шапанцы. Колхозу под силу проложить в поселке каменные или деревянные тротуары. Надо, чтобы и до этого дошли руки.

Словом, перестройка быта на культурный, городской лад протекает в колхозе не без трудностей, она далеко еще не завершена. Но она начата и идет успешно. С окончанием

войны главные трудности остались позади. Теперь можно и необходимо все больше улучшать колхозный быт.

Следует еще рассказать о медицинском обслуживании членов артели.

Здесь опять возникают сравнения с Америкой. Известно, что в этой стране медицина — не более чем товар, за который надо платить и платить столько, что даже несложная операция далеко не всякому бывает по карману. Американская медицина ставит перед пациентами вопрос: деньги или смерть? Богатый кладет деньги и иногда выигрывает жизнь. У бедноты выбора нет. Она лечится, где подешевле — у шарлатанов, не имеющих никакого медицинского образования (кстати сказать, в Америке таких шарлатанов никто не преследует). Но и в этом случае экономия только кажущаяся. Проходимцы без стыда и совести, как и многие дипломированные врачи, иногда намеренно затягивают болезнь, чтобы выкачать у пациента побольше денег.

Даже имея деньги, отложенные «на черный день», получить в Америке медицинскую помощь нелегко: в сорока районах из каждых ста никаких больниц — ни частных, ни государственных — нет. В этом отношении современная Америка ничуть не лучше Тамбовской губернии конца прошлого века, когда на весь Кирсановский уезд был один врач и один фельдшер.

Тогдашний врач Богданов был, видимо, человеком, искренне сочувствовавшим крестьянству. С горечью писал он о крестьянах Кирсановского уезда в журнале «Медицинское обозрение»:

«Народ здесь низкорослый, малосильный, слабый. Женщины бледны, очень рано старятся, часто рожают мертвых и еще чаще выкидывают. Дети почти сплошь золотушные, истощенные, бледные, постоянно болеют... Что касается смертности детей, то она поистине громадна: на тысячу умерших всех возрастов одних только детей до пяти лет приходится шестьсот».

По сведениям, опубликованным в американской литературе в 1947 году, детская смертность в деревне на 25 процентов выше, чем в городе, а роженица умирает на одну треть больше, чем в городе. Здоровье сельского населения все более ухудшается, потому что общая дороговизна и ма-

лая доступность медицинской помощи в Америке особенно дают себя знать среди сельского населения.

Как поставлено медицинское обслуживание в колхозе имени Ленина?

Мы пришли на медицинский пункт как раз в тот момент, когда фельдшер Василий Куприянович вернулся из Кирсанова. Пвозка еще стояла у ворот. Возчик разгреб в повозке солому, осторожно поднял фанерный ящик с кладью и передал его фельдшеру. Это были привезенные из Кирсанова лекарства. Были тут стрептоцид и уротропин, хинин и аспирин, вакцины для прививок, спирт, разные пузырьки, банки, перевязочные материалы.

Василий Куприянович ездил в город не только за медикаментами. Неделю назад он направил на лечение в районную больницу одну из колхозниц и теперь считал своим долгом проведать ее, узнать, не нужно ли чего больной.

В 1947 году в колхозе был только один случай заболевания золотухой. Заболевший мальчик благодаря лечению и правильному уходу сравнительно быстро выздоровел.

— Питание! — сказал фельдшер. — В этом все дело. У нас, если какая семья не держит коровы, так это значит, что ей вполне хватает молока и масла, выдаваемого по трудодням.

До революции же, когда в Кирсановском уезде насчитывалось 25 процентов бескоровных хозяйств, множество детей было обречено на безмолочное питание, и следовательно, на золотуху.

Известно, сколько смертей и горя приносили частые эпидемии скарлатины в старой деревне. Теперь все это ушло в область преданий. За 1947 год на территории всего Екатериновского сельсовета скарлатиной заболело пять детей. Все они выздоровели. За год не было ни одного заболевания дифтерией и только один случай дизентерии.

Почему же эти грозные болезни не принимают характера эпидемических вспышек, а встречаются лишь в единичных случаях? Василий Куприянович прав: это объясняется прежде всего тем, что дети живут в несравненно лучших условиях. Золотуху бьет полновесный трудодень, обес-

печивающий хорошее питание. Колхозная пекарня, водопровод, баня, прачечная, чистота в домах, здоровое и культурное приготовление пищи — все это бьет дизентерию и другие болезни.

Материальная обеспеченность, возросший культурный уровень деревенского населения — вот что составляет основу успеха широких лечебно-профилактических мероприятий, осуществляемых в колхозе. Наконец, огромное значение имеет тот факт, что медицинская помощь в нашей стране бесплатная, чего никак нельзя сказать об Америке, где около 70 процентов населения не имеет возможности пользоваться медицинской помощью.

Соблюдая основной принцип советского здравоохранения, врач Агнеса Михайловна главной своей задачей считает предупреждение болезней. Только за последний год она прочтала в колхозах около пятидесяти лекций о борьбе с заразными и желудочными болезнями, о правилах личной гигиены. Сделаны массовые прививки против скарлатины, дифтерии, кори. Случаи инфекционных заболеваний обнаруживаются немедленно, и бациллоносители изолируются.

По мнению Василия Куприяновича, колхозный строй оказывает медицине большую услугу в борьбе с желудочными эпидемическими заболеваниями. Достаточно сказать бригадиру Задирако, что пора засыпать выгребные ямы хлорной известью, и это будет сделано на другой же день, даже в самую страдную пору полевых работ. Санитарный надзор осуществляется в колхозе очень строго. В единоличной деревне это было бы просто невозможно.

В родильном отделении находились две колхозницы — Надежда Ватрушева и Сумарокова. Обе накануне разрешились мальчиками. В прихожей стоял бригадир садово-огородной бригады — агроном Арсентий Никитич Ковалюк. Ватрушева работает у него в бригаде. Бригадир настойчиво просил допустить к ней. Но Елизавета Ивановна Морева не пустила Ковалюка в палату. Он стоял, смущенный, и упорно доказывал Моревой, что видеть Ватрушеву ему необходимо.

— Это ж моя канцелярия, — убеждал он акушерку. — У Ватрушевой весь учет по моей бригаде, а мне дозарезу

нужны кое-какие справки. Завтра заседает правление, а я без документов.

Однако «канцелярия» оказалась недоступной. Никаких посторонних лиц, во избежание инфекции, ни шагу за порог — это строжайшее требование акушерки здесь соблюдается неукоснительно.

Какая разница с дореволюционными условиями, когда крестьянки сплошь и рядом рожали в поле!

Только через медицинскую сестру удалось узнать Ковалюку, куда спрятала «канцелярия» необходимые ему сведения о выработке трудодней по бригаде...

ВЕЧЕРА В КОЛХОЗЕ БЛИЗ ЕКАТЕРИНОВКИ

...Придет ли времячко
Когда мужик не Блюхера,
И не милорда гаупога —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Н. Некрасов

Была обеденная пора, когда колхозный радиоузел передал извещение клуба о том, что сегодня, в шесть часов, состоится генеральная репетиция спектакля.

Мы узнали, что клуб готовит новую постановку к смуту самодеятельного искусства. Постановка будет показана даже в Тамбове, а если все пойдет хорошо, то колхозные актеры, возможно, поедут и в Москву.

Мы решили пойти вечером в клуб. Но не кончился еще обед в колхозной столовой, как из репродуктора донеслось до нас нечто совершенно невообразимое: сигнал воздушной тревоги. Это был мучительно знакомый, уже забытый, но молниеносно вспомнившийся звук сирены, только какой-то жиденький, тоненький, не такой, как тогда, в Москве... Что бы это могло быть? И, словно в пояснение, вслед за сиреной раздался голос колхозного диктора:

— Внимание, внимание! Говорит радиоузел колхоза имени Ленина. Ввиду большого напора воды на реке Ира создалась серьезная угроза прорыва плотины гидроэлектростанции. В связи с угрожаемым положением всем мужчинам и женщинам немедленно явиться к плотине с лопатами, а плотникам — с пилами и топорами. Ответственный по Большим домам Мацук, по Ленинскому поселку — Задиракс. Правление колхоза имени Ленина.

Минут через пять по ступеням ведущей со второго этажа деревянной лестницы дробно и гулко застучали чьи-то шаги. Было слышно, как человек почти пробежал по коридору, как хлопнула входная дверь. И вот уже мимо окон один за другим быстро пошли по направлению к плотине колхозники с лопатами на плечах. Через полчаса дома опустели. Люди работали на реке.

Не один этот звук колхозной сирены столь неожиданно напомнил нам военную пору. В организованности, подтянутости, быстроте, с какой колхозники собрались отстаивать свою плотину, отчетливо почувствовались навыки коллективного труда, привычки военных лет, выработавшиеся у мужчин на поле боя, у женщин — на колхозном поле. Ведь в дни войны женщины в поле тоже вели труднейшее сражение — битву за урожай.

И представилась нам другая картина: стихийное бедствие в царской деревне — пожар. Староста, бестолково распоряжающийся и орущий на мужиков. Мужики, объятые страхом перед неминуемою бедой, беспомощно плещут воду из ведер на разбушевавшийся огонь, стоящая под навесом пожарная бочка, как выясняется, именно во время пожара вся рассохлась и течет. И батюшка вместо брандмейстера, и крест вместо пожарной трубы... Так противостояла стихийному бедствию старая, разобшенная деревня.

Что же касается наших колхозников, то, глядя на них, невозможно было сомневаться: гидроэлектростанцию они отстают.

Мы были уверены, что генеральная репетиция, о которой сообщил радиоузел, конечно, не состоится. Работа тяжелая, люди измучаются, да, пожалуй, на плотине придется потрудиться и ночью. В клуб мы поэтому не пошли, а решили ознакомиться с библиотекой.

Посетителей здесь не было: народ работал на реке. Библиотекарша открыла нам шкафы, показала все читательские формуляры. В этих формулярах были записаны и Белинский и Гоголь, чьи книги так мечтал увидеть Некрасов в руках русского мужика.

Раз зашла речь о Гоголе, вспомним гоголевского Петрушку, который, как известно, был привержен к чтению. Отнюдь не содержание книги интересовало его, оно оставалось для него недоступным, его занимал самый процесс

чтения, это удивительное, точно фокус, возникновение слова из механически соединяемых букв и слогов.

Нет, далеко не такой читатель глянул на нас с формуляров библиотеки колхоза имени Ленина. Даже по формулярам нетрудно было определить индивидуальные склонности, умственные интересы каждого читателя, а некоторых уже знакомых нам людей мы просто узнавали по формуляру, как по фотографической карточке.

Вот Федор Ефимович Мацук. С карточки формуляра прямо-таки глядел на нас портрет этого рачительного хозяина, любителя и знатока полеводства. Каждый день он берет газету «Социалистическое земледелие», она так и откладывается для него. Аккуратнейшим образом читает сельскохозяйственную литературу — книги и журналы. За ним числятся книги по агротехнике различных культур. Читает он много; названия книг, записанные мелким, убогим почерком, уже заполнили весь формуляр с обеих сторон, пришлось вложить дополнительную карточку.

Федор Ефимович Мацук — член партии. Как и другие коммунисты, он вожак на производстве, на строительстве, во всей жизни колхоза.

На книжной этажерке в доме Мацука мы видели «Манифест коммунистической партии», «Краткий курс истории ВКП(б)» и другую политическую литературу. Библиотека, парткабинет — не единственные источники политической литературы. Многие сами покупают себе эти книги. По крайней мере, у ста колхозников, главным образом коммунистов, есть «Краткий курс истории ВКП(б)», есть серия пособий, выпущенных в помощь изучающим историю партии, и другие книги. Можно установить связь между высокими, устойчивыми урожаями бригады Мацука и сельскохозяйственной литературой, записанной в карточке его библиотечного формуляра. Столь же прямая связь существует между этими высокими урожаями и той политической литературой, которую видели мы у него дома. Мацук не только хороший специалист, знаток полеводства, он коммунист, и этим прежде всего определяется его ведущая роль в колхозе.

Вот формуляр Филиппа Ивановича Коренюка. Год рождения — 1895, колхозный слесарь. Этот старый книго-

люб перечитал все произведения Максима Горького, какие только нашлись в библиотеке (а в библиотеке почти весь Горький), и все имеющиеся здесь книги Льва Толстого.

Комаров Терентий, 62 лет, колхозный плотник, аккуратно читает «Правду».

У подростков Михаила Пискарева и Анатолия Чернецова тоже уже пришлось вложить в формуляр дополнительные карточки.

Много читает, особенно зимними вечерами, звеньевая Мария Примерова, жена погибшего фронтовика, мать троих детей.

Пожилая колхозница Анна Кин, работающая на пасеке, интересуется преимущественно художественной литературой.

Молодые колхозники Чуриков и Сергей Дрозд спрашивают главным образом техническую литературу: оба работают в механической мастерской. Ковалюк тоже читает книги по специальности, только специальность у него другая. Будучи бригадиром садоводческой бригады, он лично для себя выписывает журнал «Сад и огород».

До революции в деревнях Тамбовской губернии на трех грамотных приходилось 97 неграмотных.

Ныне в деревнях Тамбовской области 476 изб-читален, 170 библиотек, имеющих более 300 тысяч книг. Много это или мало? Если сравнить с дореволюционным временем, когда единственными «культурно-просветительными» учреждениями деревни были церкви и кабаки, то много. Но если исходить из неизмеримо возросшей и все возрастающей тяги советского крестьянства к культуре, то мало.

В библиотеке колхоза имени Ленина — триста подписчиков, а книг всего 1095. Предложение явно не соответствует спросу. В колхозной библиотеке есть почти весь Горький, Лев Толстой, Шолохов, Большая советская энциклопедия. Но здесь нет, например, «Молодой гвардии». Когда библиотекарша на время достала эту книгу Фадеева, комсомольцы немедленно устроили коллективное чтение вслух.

Конечно, книги читают не только те, за кем они записаны. Обычно бывает так: возьмет книгу один, а прочтет ее несколько человек — члены семьи, соседи.

Но книг все-таки мало. Правда, ожидается большое пополнение — около двух тысяч книг закуплено для библиотеки. Новая литература еще не получена, а слух о ней уже прошел по колхозу, и к библиотекарше то и дело обращаются с вопросом:

— Скоро ли получим новые книги?

Один из домов, в которых живут колхозники

В седьмом часу вечера мы пошли домой. Но, проходя мимо клуба, с удивлением увидели, что он ярко освещен. Шла репетиция, которую мы считали сорвавшейся. Все колхозные артисты оказались в сборе. Они явились сюда прямо с плотины, в брезентовых куртках, в резиновых сапогах. И плотину отстояли, и репетиция состоялась, только без костюмов. Так и играли — в брезентовых куртках, в резиновых сапогах.

Пел хор. Мы присмотрелись к солистке. Это была пожилая женщина со строгим лицом, хранящим следы былой красоты. И другие участники хора, мужчины и женщины, оказались людьми преимущественно пожилыми, были даже старики.

После печальной песни о соловье стали репетировать веселую.

Мое личико разгарчивое,
Моя маменька догадливая,

— понеслись по большому, гулкому залу подмывающие звуки плясовой.

Колхозники в шутку называют своих певцов хором имени Пятницкого. Здесь собрались любители русской народной песни и пляски. На концертах хор выступает не так, как сегодня, на репетиции, а в старинных русских костюмах. Сверкая бусами и лентами, женщины степенно выстраиваются в два ряда, мужчины скромно становятся в заднем, третьем ряду. Хором дирижирует полная, невысокая женщина, тоже в старинном русском сарафане. Это Татьяна Яковлевна Мацук — жена Федора Ефимовича Мацука, бригадира полеводческой бригады.

Многие колхозники проводят вечера в клубе. Там самодельные спектакли и концерты, часто выступают приехавшие из города профессиональные артисты; дважды в неделю показывают кинофильмы.

В тамбовской деревне, которая до революции вовсе не знала кино, теперь 62 стационарных и 45 передвижных киноустановок, обслуживающих в год более миллиона зрителей.

Есть в колхозе и домоседы, предпочитающие отдохнуть вечером у себя. У них концерты на дому — по радио. Не один колхоз имени Ленина имеет свой радиоузел, в деревнях Тамбовщины около семидесяти радиоузлов.

В семье Мацука муж принадлежит скорей к числу домоседов. Если у него выдается свободное время, он берется за книгу.

А жена уходит в свободные вечера в клуб.

Двадцать пять лет назад, когда еще только создавался колхоз имени Ленина, Татьяна Яковлевна Мацук основала коллектив самодельного искусства и является душой и руководителем хора. Недавно в «Тамбовской правде» была напечатана статья Татьяны Яковлевны — «Нам песня строить и жить помогает». Эта статья, посвященная колхозному искусству, начинается, однако, с производственных показателей.

«В нашем хоре участвует около пятидесяти колхозников и колхозниц, — пишет Татьяна Яковлевна. — Все они по-стахановски работают на разных участках колхозного производства. Звеньевая А. Н. Луцишина, например, собрала в нынешнем году 22 центнера пшеницы, 25,16 центнера ржи, 220 центнеров картофеля и 305 центнеров свеклы с гектара. Поет у нас в хоре и звеньевая М. В. Богданович, собравшая 39,84 центнера проса, 307 центнеров сахарной свеклы с гектара. Звеньевые Павлокович, Балышканова, Августинова и Щучкина также получили высокие урожаи закрепленных за ними культур. Хорошо поработали и все остальные колхозники — участники нашего хора».

Ничего не скажешь — достойные люди поют в хоре!

«Народ у нас дружный, по-стахановски работает и любит хорошо отдохнуть, — пишет далее Татьяна Яковлевна. — Никого не приходится упрашивать притти на репетицию или концерт. У многих женщин на руках домашнее хозяйство, дети. Но это не мешает им во-время собираться и с любовью, серьезно относиться к своим обязанностям в хоре. Петь у нас любят. Многие народные песни мы разучиваем по памяти. Их пели еще наши родители и деды.

Многие колхозницы поют в хоре с самого начала его организации — двадцать, двадцать пять лет. А. А. Дроздова, О. Я. Кутякова, М. К. Правоторова, А. П. Димитрюк — это наши старички.

Поем мы и новые песни. Иногда лучшие советские песни печатают в газетах. Вот увидела я в газете «Колхозную песню о Москве». В нотах я разбираюсь сама, да помогает нам Кондратий Иванович Липовкин, наш колхозный сторож, который играет на скрипке, на духовых инструментах и на пианино. Он и аккомпанирует нам иногда во время репетиций.

Собираемся мы аккуратно раз в неделю, в две. Часто выступаем с концертами в своем клубе и у соседей. По окончании уборки выступали в соседнем Гавриловском районе, ездили к колхозникам в село Масловку нашего района».

Во время репетиции мы познакомились с заведующей клубом Еленой Степановной Кузмич. Это молодая, интеллигентная женщина, окончила художественное училище. Полученные там знания и врожденные способности к рисованию очень пригодились здесь, в колхозном клубе: она и гример,

и декоратор, она красиво разрисовывает афиши и приглашительные билеты, предназначенные для почетных гостей. Мать Елены Степановны — колхозница, звеньевая. Да и сама заведующая клубом до поступления в художественное училище была рядовой колхозницей.

Елена Степановна немного знает Америку: она родилась там. Однако уехала отсюда с семьей лет восьми отроду и потому воспоминания о заокеанской стране остались у нее самые смутные, за исключением одного: она хорошо помнит — на всю жизнь запомнила! — как в американской школе была ее учительница бамбуковой тросточкой по рукам. Была не очень больно, но так методически, точно совершала некий педагогический обряд, точно перед ней стоял не живой, трепещущий от стыда и страха ребенок, а манекен. И не физическая боль, а вот эта бездушная методичность, эта специально заготовленная для педагогических упражнений бамбуковая тросточка, это унижение детского достоинства и запомнила Елена Степановна на всю жизнь.

Кстати сказать, телесные наказания применяются в капиталистических странах и по сей день. Совсем недавно, 1 апреля 1948 года, в Скарборо (Англия) конференция национальной ассоциации школьных учителей приняла резолюцию, требующую сохранить телесные наказания в английской школе. Делегат из Ливерпуля Паркер охарактеризовал школьников, как «порочных, вредных маленьких бандитов». Он сказал: «Каждый, кто имел дело с лошадьми, щенками и маленькими мальчиками, знает, что своевременная порка не только не вредит, но и приносит много пользы».

Познакомились мы в клубе и с режиссером из Тамбова. Его прислал в колхоз на время подготовки к смотру областной Дом народного творчества. Режиссеру из Тамбова пришлось выдержать серьезный спор с колхозным режиссером Кургановым по вопросу о репертуаре. Режиссер из Тамбова рекомендовал одноактные пьесы из колхозной жизни, а колхозный режиссер говорил — это неинтересно, предлагал выбрать, что посложней и не обязательно из колхозной жизни. Колхозные актеры доказывали, что им вполне по силам серьезная многоактная пьеса. Одни предлагали пьесу Бориса Лавренина «За тех, кто в море», другие — пьесу Корнейчука «Приезжайте в Звонковое». На одноактные пьесы

согласились только потому, что до смотра осталось очень мало времени.

Курганов, работник колхозной механической мастерской, — режиссер драматического кружка. Если в хоре подобрались преимущественно пожилые колхозники, то в драматическом кружке преобладает молодежь. Вообще же возраст участников самодеятельного искусства — их человек сто, считая и кружок танцев и духовой оркестр, — от пятнадцати до семидесяти лет.

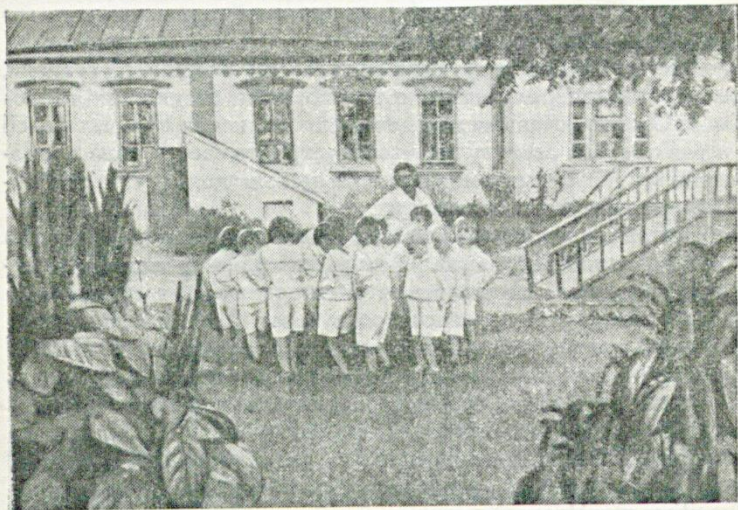
Сегодняшняя репетиция вышла, по мнению Курганова, не совсем генеральной и не только из-за отсутствия костюмов. Он был очень недоволен исполнением некоторых ролей и раз прервал репетицию, чтобы устроить своего рода производственное совещание, имевшее целью подтянуть отстающих, вернее, плохо играющих.

Готовили пьесу «Случай в Грачевке». Пьеса эта сама по себе довольно ходульная. Однако на сцене происходили интересные вещи. Оказалось, что актеры играют самих себя. Молодой Мацук, игравший роль героя Отечественной войны, еще недавно в действительности был им: шинель и награды были настоящие, и даже чин был у него такой же, как по пьесе: сержант. Роль матери демобилизованного фронтовика исполняла собственная его мать Татьяна Яковлевна Мацук, которая недавно, вот так же, как теперь на сцене, плача прижимала к груди вернувшегося к ней сына.

Татьяну Яковлевну даже придиричивый колхозный режиссер не мог упрекнуть в недостатке артистического темперамента. Она вела свою роль с искренним чувством, уверенными приемами профессиональной актрисы. Татьяна Яковлевна много лет не только поет в хоре, но и играет на сцене. Каких только ролей не переиграла она — от свахи в «Женитьбе» Гоголя, до матери Луизы в пьесе Шиллера «Коварство и любовь». И все это у себя, на колхозной сцене. Впрочем, как мы видели из напечатанной в газете статьи Татьяны Яковлевны, нередко выезжает она и на гастроли.

Последние гастроли, состоявшиеся в Тамбове, были связаны с большими трудностями. В те дни в здешних местах установилась необыкновенная погода: стоял декабрь, но лил по-весеннему теплый дождь, снег таял, и тамбовские черноземы сделались непроходимыми. А от колхоза до железнодорожной станции — почти 20 километров пути. Ни пешком

в такую погоду по проселочной дороге не проберешься, ни грузовик не пройдет. День отъезда был назначен, спектакль подготовлен, театральные костюмы приведены в порядок, а погода все не устанавливалась. Не ехать — нельзя: это означало бы сорвать смотр. И ехать невозможно: любая тротуарка застрянет в пути.

Детский сад в колхозе. Утренняя гимнастика

Выход все-таки был найден. В назначенный день, ранним утром, на колхозную околицу выехал гусеничный трактор. Он тянул за собой две длинные, многоместные повозки. Оберегая свои театральные костюмы, уложенные в чемоданчики, колхозные артисты, плотно набившись в повозки, двинулись в путь. Два брезента, предназначенные для укрытия грузов, прикрывали колхозную труппу. Под брезентами то и дело раздавались взрывы смеха. Декабрьский дождь лил не переставая. А трактор, сердито пыхтя и отфыркиваясь, добросовестно делал не свойственное ему дело: он вез колхозную труппу в Тамбов. В правлении колхоза имени Ленина догадались в затруднительном случае поставить трактор на службу искусству. Правленцы дорожат честью своих арти-

стов, относятся к нуждам театрального коллектива очень внимательно, помогают ему хозяйственно, деловито. На заседании правления вопросы клубной работы стоят в повестке не где-нибудь в «разном», а наравне с такими жизненно важными вопросами, как распределение доходов по трудодням или подготовка к весеннему севу.

Вот и сегодня в пустом и темном зрительном зале, около режиссерского столика, мы разглядели знакомую фигуру: Ивана Егоровича Карагодова. Не будучи театралом, занятый по горло хозяйственными делами, он счел все-таки своим долгом понаблюдать за ходом репетиции.

За кулисами мы узнали, что склонность к искусству присуща не только семейству Татьяны Яковлевны Мацук, играющей на сцене вместе с сыном. Колхозница Анна Савкова, женщина тоже немолодая, у нее четверо детей, один сын в армии, также играет вместе с младшим сынишкой Ваней. Ваню колхозные актеры шутливо величают Егорычем, его называют также «рыжик» и «золотой» — за золотисто-рыжеватую шевелюру. Мальчик исполняет различные комические роли и проявляет большие способности в этом амплуа. Александра Лукинична Волкова, работавшая еще у помещицы княгини Оболенской, не только поет в хоре, но играет также в духовом оркестре. В драматическом кружке участвует и бывший фронтовик, ныне колхозный шофер Иван Игнатьевич Немцов. Он играл разные роли, в том числе квартального Медведея в горьковской пьесе «На дне». Другой фронтовик, ныне колхозный экспедитор Коренюк, в той же пьесе исполнял роль барона. По общему мнению, это самая удачная его роль. Бывшего фронтовика, ныне колхозного грузчика Павла Ивановича Зюзина рекомендовали нам как «самого активного артиста».

Репертуар самодеятельного кружка: «Без вины виноватые», «Не было ни гроша, да вдруг алтын» Островского, «Слава» Гусева и многие другие пьесы. Ставилось, как мы уже сказали, даже «Коварство и любовь» Шиллера.

Шиллер! Что делать ему здесь, в колхозе имени Ленина, на бескрайних полях черноземной Тамбовщины! Какое дело ему, немецкому романтику ушедшей эпохи, до этих русских крестьян, и какое дело им, русским, советским крестьянам, строящим коммунизм, до немецкого романтика ушедшей эпохи? Оказывается — есть дело! В то время, когда родина

Шиллера Германия была придавлена ефрейторским сапогом, превращена в сплошную страшную казарму, когда фашисты сжигали книги Гейне; когда фашистский главарь заявлял, что, слыша слово культура, он хватается за револьвер, здесь, в колхозе имени Ленина, пославшем лучших своих сынов на смертный бой с фашистской Германией, внимательно прислушивались к вдохновенным словам немецкого романтика Шиллера.

Наш народ является ныне подлинным ценителем и хранителем общечеловеческой культуры. Не растленными бульварными фильмами о кровавых убийствах, не желтыми книжонками о преступлениях, извращениях, призраках пробаляется он. Партия Ленина—Сталина поставила народ к истокам истинного искусства и вот уже тридцать лет воспитывает советских людей в чистой моральной атмосфере высоких человеческих и гражданских чувств.

ВДОВЬЯ ДОЛЯ

Странное дело. Кажется, гораздо мудренее понять, что земля вертится около солнца, однако поспорили, да и согласились, а что женщина — человек, и в голову не помещается.

А. Герцен

О княгине Оболенской, прежней владелице здешних мест, старые колхозники рассказывают, что жила она широко, держала большую охоту, любила ездить верхом. Помнят ее женщиной уже немолодой; с князем, говорят, была в разводе, сыновья жили за границей, наезжали в имение только летом. Всем, кто работал в молодости у Оболенихи (так называли крестьяне помещицу), запомнились ее черная амазонка и красные сапожки. Были у нее для выезда три тройки и даже автомобиль. Дивился, наверно, встречный мужичок, в страхе сворачивая с дороги прямо в рожь, когда с громом и треском мчалась ему навстречу невиданная машина, и долго еще, заслонив глаза от солнца, смотрел он из-под руки вдаль, где с последними клубами пыли исчезало это наваждение. Невдомек было тому мужику, что пройдет не так уж много времени и помчатся по дорогам Тамбовщины свои, крестьянские машины.

Больше других помнит княгиню Оболенскую семидесятилетняя старушка, находящаяся ныне у колхоза на пенсии, Дарья Федоровна Варавка. Помнит она, как в страдную пору сходилась к княгине народу видимо-невидимо, тысячи будто бы три, наезжали батрачить даже из Тульской губернии. И все же в хозяйстве Оболенихи настоящего порядка не было. О хозяйстве княгини старушка мнения невысокого: куда тому хозяйству до колхозного!

Пшеницы Оболениха не сеяла, ее ввел в здешних местах колхоз. Княгинины урожаи против колхозных не сравниваются. Держала княгиня молочный скот, но «против наших колхозных коров был тот скот замухрыстый». Работали больше вручную. Хлеб убрали серпами, косили косами. Лошадки было, правда, много, но машин почти не было. Из машин Дарья Федоровна помнит две-три жатки да молотилку — вот и все.

— И как вам объяснить, не знаю, — говорит старушка, — то ли управитель у нее был бестолковый, то ли сама Оболениха неразумная была хозяйка, только пропадала у нее земля зря. Вы ходили в наши сады, видели огороды? Вот в той-то стороне, на тех самых местах, при Оболенихе был пустырь, трясина. А в той стороне, что у нас Колония называется, были? Знаете, какие в той стороне плодородные поля? Там и при Оболенихе сеяли хлеб, но только хлеба земля не давала княгине.

В страдную пору, когда в крестьянском хозяйстве особенно были дороги рабочие руки, княгиня платила поденщицам по десять—пятнадцать копеек за восемнадцать часов изнурительного труда.

Была у Оболенихи лес, нанимала она лесника. За этого лесного сторожа — горького пьяницу, почти уже старика, — выдали замуж шестнадцатилетнюю Дашу. Выдала ее старшая сестра — от нужды. Сестры были сиротами, обе жили в людях. Даша пошла в люди с восьми лет. У первого хозяина случилась с ней беда. Однажды девочка затопила печку в овине, а сама прилегла на минутку, да и уснула. Овин загорелся и сгорел вместе с хлебом. Хозяин бил Дашу так, что кровь шла у нее из ушей. Соседи побежали за урядником — чего доброго убьет девку совсем. Урядник увел ее к себе и оставил у себя жить в прислугах.

Такую нищенскую жизнь вели здешние крестьяне, что редко у кого был самовар. Только у урядника впервые за свои двенадцать лет узнала Даша, как ставят самовар.

— Как первый раз пришел урядник ко мне на кухню, велел ставить самовар, я и растерялась: куда, думаю, его ставить, наверно, на стол? Поставила самовар на стол, сама стою, жду, как дальше хозяин распорядится. Слышу, урядник кричит из комнаты: «Даша, скоро ли самовар поспеет?» А я ему: «Не знаю». Он вышел на кухню, смотрит — само-

вар на столе, пустой. «Да ты, говорит, отчего же самовар не поставила?» — «Я поставила». — «Да куда ты поставила?» — «На стол». Урядник посмотрел на меня, да как закричит: «Ты что ж, кричит, дура, самовара никогда не видела, что ли?» И начал меня учить: «Сюда уголья насыпь, сюда воду налей». Я очень пуганая была, от страха ничего не понимаю, чуть в трубу воды не налила вместо угольев. Долго урядник потом про это гостям рассказывал.

Через четыре года перебралась Даша от урядника в лесную сторожку, к мужу-пропойце. Пошли дети. Оболениха платила леснику пять рублей в месяц. На такие деньги мудро было прожить с четырьмя детьми. А муж норовил пропить последнюю копейку и, напившись, бил жену, бил детей. Долго мучилась Дарья и решила от мужа уйти. Но в люди с малыми ребятами никто не берет. Наконец, согласилась помещица Сосульникова взять ее в кухарки со всей четверкой. Зато жалованье благодетельница положила совсем несообразное даже по тем временам: пятьдесят копеек в месяц.

— Была моя барыня Евгения Карловна немка, грубости особой я от нее не видела, но только скупости необыкновенной: рваной тряпки и той не даст. Как обуться, одеться впятером на пятьдесят-то копеек? Жили впроголодь, оборвались совсем. Бывало, высмотрю где-нибудь мешок да из мешковины ребятам штаны либо платышко сошью.

Что делать? К мужу возвращаться нет возможности, совсем забьет. А помощи ждать неоткуда. Того и гляди еще и от этого места из-за детей откажут.

— Верите ли, до предела дошла. Руки на себя наложить — опять нельзя: как дети одни останутся?

И тут рассказала нам Дарья Федоровна о самом страшном часе своей жизни.

— Помню, время было летнее, жаркое. На дворе день, солнце, а на душе у меня темная ночь. Я ведь до чего додумалась: отравлю детей, а за ними отравлюсь и сама — все равно, рано ли, поздно ли, голодной смертью помирать. Сварила я детям горшок щей. Щи мясные были, как в большой праздник. Разорилась напоследок на мясные щи. Сварила щи, да и всыпала в горшок отраву. Мне барыня Евгения Карловна отраву такую от мух дала, с виду вроде как отруби. Всыпала я отраву, кличу детей, а у самой ноги отни-

маются. Скорей бы, думаю, ели, один конец, и я туда же за ними. А как прибежали мои ребятки — будто дернул меня кто: схватила я горшок, выбежала во двор, да об стену горшок разбила. Ребята в слезы — щи потекли, есть хочется, и я с ними реву. А за горшок-то потом хозяйка долго ругала...

Светлая, уютная, даже нарядная комнатка, вязаные салфетки, белая печурка, кровать под пикейным одеялом, герани на окне. Чистенькая, аккуратненькая, моложавая старушка. Мы слушаем ее рассказ, и кажется, что в светлой комнатке стало темно.

— Так и остались мои ребятки в живых. Маялись мы с ними, пока не наступила советская власть. Тут стала я работать в совхозе, потом приняли нас в колхоз. А дальше все лучше пошло. Теперь совсем хорошо. Люди что ни год, то стареют, а я, кажется, что ни год, то моложе. Ведь я в двадцать лет старухой была. Теперь опять молодая...

Проработав в колхозе до преклонного возраста, Дарья Федоровна ушла теперь на покой. Находясь на полном иждивении у колхоза, она не знает нужды, живет в тепле и уюте.

Дарья Федоровна скучает без дела. Когда наступает горячая трудовая пора, она отправляется к бригадирам и требует себе работы.

— Обойдемся, — отвечают ей бригадиры. — Отдыхай себе на солнышке.

Но старушка не унимается, она идет к завхозу, кладовщику, садовнику и в конце концов находит себе посильное дело: собирает ягоды, перебирает шерсть, либо в амбаре чинит мешки. Так выработала Дарья Федоровна за 1947 год 78 трудодней. И, хотя она и без того обеспечена всем необходимым, правление выдает ей сполна все, что причитается по трудодням.

Однажды случилось с Дарьей Федоровной несчастье: поскользнулась, упала и сломала себе руку. Фельдшер, оказав первую помощь, немедленно отвез ее на колхозной машине в Кирсанов. На другой день принесли ей в больницу посылку — масло, сахар, яблоки, пышки, сыр. Пока лежала Дарья Федоровна на излечении, из колхоза все звонили в больницу, спрашивались, как здоровье, не нужно ли чего.

Когда рука срослась, привезли старушку домой. Дома — полный порядок. Дрова на зиму нарублены, огород убран. Соседи Крапивины, копая свою картошку, собрали и у Дарьи Федоровны пятьдесят мер.

Дочь Шура — в Москве. Она замужем за офицером. Живет хорошо, зовет мать к себе. Мать не раз ездила в Москву погостить, но совсем остаться не соглашается. Денег, которые дает ей дочь, не берет: «На что, говорит, мне деньги?»

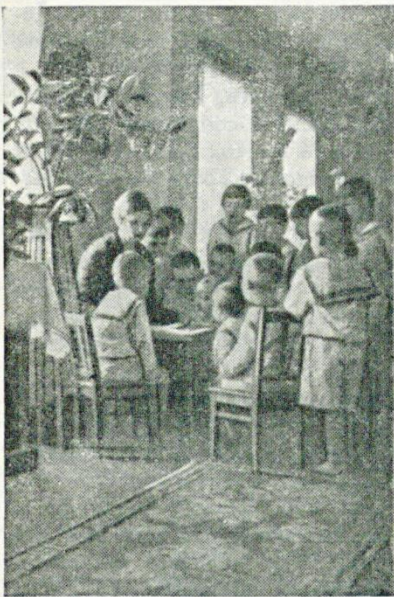
Из колхоза старушка не хочет уезжать. Трудно ей представить себе жизнь без колхоза. Всякое событие — свадьба у соседей, необыкновенный урожай гречихи на колхозных полях, прибытие на гастроли городских артистов — вызывает у старушки живейший интерес. Она бывает в клубе. Ее можно увидеть не только в зрительном зале, но и на сцене. Дарья Федоровна поет в хоре русской народной песни. Она поет в свои семьдесят лет, а вот в семнадцать лет было ей не до песен. Выходит, что Дарья Федоровна права: в молодости она старухой была, а на старости лет помолодела.

Дарья Федоровна удивляется, отчего у богатой помещицы Оболенской хозяйство велось бестолково. «Может, управитель у нее бестолковый оказался? А может, сама Оболеныха неразумная хозяйка была?» Дело не в управителе и не в самой хозяйке. Дело в том, что на эту хозяйку работали тысячи людей, отнюдь не стремившихся умножить ее богатства. Работали из-под палки, за гроши, с затаенной ненавистью к той, на кого работали. В колхозе же трудятся сами его хозяева и хозяйки.

Каждая колхозница лично заинтересована в процветании всего хозяйства, в том, чтобы трудодень был полновесный.

Теперь вклад жены в семейный бюджет не меньше, чем вклад мужа. Этого никогда не было в дореволюционной крестьянской семье, где тяжелый женский труд всегда обесценивался и обезличивался. В девушках крестьянка работала на отца, в замужестве — на мужа. Перед трудоднем же все равны — и женщина, и мужчина. На этой прочной основе равноправия формируется и общественное самосознание женщин-колхозниц. Марта Кригер выхаживает колхозных телят, как детей, потому что она действительно хозяйка

колхозного добра. На нее возложена ответственность за его сохранность, она сама заинтересована в том, чтобы сохранить и умножить колхозное добро. Так, усваивая хозяйскую точку зрения на колхозные дела, женщины доходят до понимания общегосударственных интересов.

Детский сад в колхозе устроен на городской лад. Ребята слушают чтение

Евдокия Алексеевна Ляпунова — звеньевая полеводческой бригады Мацука. В пору весенних работ встает она в три часа ночи и идет в поле, чтобы не упустить ни минуты драгоценного времени, когда день год кормит. Она ведет в своем звене занятия по повышению квалификации, и сама интересуется наукой полеводства.

Примечательно, что большинство депутатов, которых избрали здешние колхозники в местные Советы, — женщины.

— Хороший, общественный человек, — сказал о своей звеньевой бригадир Мацук.

О звеньевой Чернышовой секретарь партийной организации одобрительно отозвался:

— Беспокойный человек.

Колхозники выбрали в сельсовет обеих этих женщин. Выбрали и Отиллию Мартыновну Гришко. Она весовщица, добросовестно выполняющая свое дело. В то же время она активно работает в финансовой секции сельсовета, строго следит за соблюдением финансовой дисциплины, за экономным и разумным расходованием государственных средств. Это означает, что Гришко и другие женщины, избранные

в местные органы советской власти, доросли до понимания общегосударственных интересов.

«Каким верным, сильным, проницательным умом одарена женщина от природы, — писал Чернышевский, — и этот ум остается без пользы для общества, оно отвергает его, оно подавляет его, душит его».

Развивая этот верный и сильный ум, советское общество совершает поистине великое дело.

В доме, напротив колхозной библиотеки, живут две вдовы — мать и дочь. У матери Анастасии Константиновны Платоновой муж погиб в империалистическую войну, вдова осталась с малыми детьми. У дочери Екатерины Федоровны Чернышовой муж погиб в Великую Отечественную войну. Вдова тоже осталась с малыми детьми на руках. В судьбе дочери как бы в точности повторилась тяжелая судьба матери. И все же как различно сложилась жизнь у этих женщин двух поколений!

Вдовья доля матери мало чем отличалась от той ужасной жизни, о которой рассказывала нам колхозная пенсионерка Дарья Федоровна. Анастасия Константиновна тоже билась, как рыба об лед, и была близка к полному отчаянию.

Воспользовавшись бесправием и беспомощностью солдатской вдовы, у нее отняли даже тот ничтожный клочок земли, на который возлагала она все свои надежды. Таково было воздаянье семье погибшего воина. До самой революции Анастасия Константиновна безуспешно старалась восстановить свои права, но так ничего и не добилась.

Вдовья доля дочери-вдовы, Екатерины Федоровны Чернышовой, — иная. Ничто не может восполнить тяжесть утраты близкого человека, но советское общество делает все возможное, чтобы облегчить эту тяжесть.

Зайдя как-то к Екатерине Федоровне, мы не застали дома никого из взрослых. Мальчик Шура, открывший дверь, сообщил, что мама уехала в город по делам, а бабушка пошла за хлебом. Мы решили подождать, пока бабушка вернется из пекарни. Шура занимал нас разговором. Мы узнали, что вчера он сломал легковую машину, купленную мамой в Кирсанове, но что у него есть другие заводные игрушки, например пожарная машина с лестницей. Он показал эту пожарную машину, и мы имели возможность убедиться, что она пока еще не сломана. Мы узнали также, что газеты,

которые лежат на столе, выписывает мама. Адик, Валя и Лидка сейчас в школе, а он простужен, поэтому бабушка в школу его не пустила.

Вскоре пришла бабушка Анастасия Константиновна с большим караваем теплого ржаного хлеба. Увидев гостей, она захлопотала. Смахнула со стола розовые лепестки, осыпавшиеся с цветущей герани. На столе появились сдобные булочки, варенье, чай и, конечно, большая миска с янтарной моченой антоновкой. Этим угощали нас обязательно в каждом доме, где нам приходилось бывать. Нигде не пробовали мы такой отменной моченой антоновки, как в колхозе имени Ленина. Должно быть, здесь знают какой-то особенный секрет.

От бабушки узнали мы, что Адик и Лидка — это родные брат и сестра Шурика, а Валя — приемная дочь Екатерины Федоровны. Отец Вали, родственник этой семьи, тоже погиб на фронте. Так что в семье теперь четверо детей, как было и у бабушки, когда она овдовела. Но только бабушка не знала тогда, чем своих прокормить, а Катя взяла еще сироту на воспитание. В этом помогает ей колхоз, выдавая на Валу продукты из фонда помощи сиротам и престарелым.

Жена погибшего фронтовика, имея троих детей, взяла на воспитание дочь погибшего воина! Это благородный поступок матери, сознающей себя также и гражданкой.

Екатерина Федоровна — разумная, сознательная мать, человек с врожденными педагогическими способностями. Ее хвалят в школе за активную работу в родительском комитете.

Екатерина Федоровна — одна из лучших звеньевых. У нее особый вкус к сельскохозяйственному труду. О такой вот труженице писал Глеб Успенский: «Легко ходит она по скошенному сену, легко касается острым концом рукоятки по верхушкам сенных полос; и сено летает у ее ног справа налево и слева направо, летает не комьями, не волочитя по земле, а порхает тонкими встречными струями».

Крестьянская девушка Варвара, о которой писал Глеб Успенский, не выдержав кулацких издевательств, ушла в город. «Быть может, она здравствует; быть может, умерла... все может быть. Такие люди, как Варвара, живут без биографий».

Так было в царское время, так бывает всегда и везде при капиталистическом строе. У нас же труженица Екатерина Чернышова — человек с биографией. Мы видели ее биографию, написанную четким почерком, аккуратно обведенную красной каймой. Биография эта была вывешена для всеобщего обозрения в комнате избирательного участка:

«Екатерина Федоровна Чернышова родилась в 1915 году в селе Ира, Екатериновского сельсовета, в семье бедняка. В том же году погиб на фронте ее отец. В 1925 году маленькая Катя становится пионеркой, а через четыре года вступает в ВЛКСМ. Тов. Чернышова окончила неполную среднюю школу. Ее трудовая деятельность началась с 1936 года в качестве воспитательницы детсада. С 1937 года по 1941 год тов. Чернышова проживает в Тамбове. С 1941 года снова в колхозе. Последние четыре года Екатерина Федоровна трудится на полях колхоза, активно участвует в родительском комитете при школе.

В 1947 году Екатерина Федоровна — звеньевая. Неустанно работает она, стремясь вырастить высокий урожай, применяет новейшие агротехнические приемы, умело направляет работу звена. Ее звено в 1947 году получило высокий урожай: по озимой пшенице — 22,17 центнера, по яровой пшенице — 18,8 центнера, по просу — 42 центнера, по картофелю — 225 центнеров, по свекле — 307 центнеров с гектара. Свои обязательства Чернышова с честью выполнила. За доблестный труд в годы Отечественной войны награждена медалью.

В 1947 году Екатерина Федоровна вступила в ряды ВКП(б). Верная дочь народа, воспитанная в духе преданности и любви к своей Родине, к великому вождю и учителю Иосифу Виссарионовичу Сталину, Екатерина Федоровна пользуется заслуженным уважением колхозников. Колхозники единодушно назвали тов. Чернышову своим кандидатом в депутаты районного Совета от избирательного округа № 44. Нет сомнения, что высокое доверие избирателей Е. Ф. Чернышова с честью оправдает».

Вступление в партию Е. Ф. Чернышовой — результат коммунистического воспитания молодой колхозницы. Еще не будучи членом партии, Екатерина Федоровна проявила подлинно коммунистическое отношение к труду. С полным основанием можно было назвать ее непартийным больше-

виком. И, когда она вступила в партию, этим только оформилось то, что давно созрело в ее сознании и проявлялось в ее труде. Вот такие, как она, партийные и непартийные большевики и составляют цвет колхоза имени Ленина, его авангард, ведущий за собой весь большой коллектив.

К биографии Чернышовой, которую прочли мы в избирательном участке, следует добавить то, что сказал секретарь партийной организации об этой колхознице — «беспокойный человек». Он имел в виду то благородное беспокойство за общее дело, которое присуще всем нашим стахановцам, где бы они ни работали — на заводе или в поле.

И вот что еще хотелось бы добавить к этой биографии: таких урожаев, каких добилась одна из хозяек колхоза имени Ленина звеньевая Чернышова, никогда не было у прежней хозяйки здешних мест княгини Оболенской. Работа Чернышовой оценена не только в полновесных трудоднях, дающих возможность многодетной вдове жить безбедно. Ее трудовые заслуги получили общественное признание.

С установлением советской власти переменялась и жизнь бабушки Анастасии Константиновны. Земля, которую так бессовестно отняли у вдовы погибшего бойца и за которую бесправная женщина безуспешно боролась, была отдана ей немедленно, прямо с урожаем.

— Помню, пришли ко мне, — рассказывает бабушка, — и говорят: «Иди убирай хлеб, земля твоя». Я побежала в поле. Как сейчас помню: шесть копен собрала, пуда по четыре с копны.

Потом дали ей корову, помогли приобрести лошадь. Она купила дом, завела огород.

В 1928 году она вступила в колхоз.

Анастасия Константиновна Платонова тоже человек с биографией. Да еще какой!

Однажды она достала из комода альбом семейных фотографий. Мы увидели фотографии всех ее детей, которых она вывела в люди с помощью советской власти. На снимках была и дочь Екатерина, и все три сына — Василий, Григорий, Александр, все в военной форме, в орденах.

В альбоме были снимки женщины, черты которой показались нам очень знакомыми. Вот стоит она в белом платье среди кипарисов. На фотокарточке пометка «Симеиз». Вот снята она на фоне бывшего царского дворца в Ливадии.

Вот еще дворец, со львами, подпись «Алуэнка». И, наконец, эту же женщину, только не в белом, а в темном платье, увидели мы сидящей рядом с Надеждой Константиновной Крупской. Это тоже была одна из семейных фотографий. Мы присмотрелись и с удивлением узнали на фотографиях бабушку.

Оказывается, во времена антоновщины она укрывала коммунистов от антоновских банд. Потом сама стала коммунисткой. Много лет выбирали ее в сельсовет, потом избрали членом Центрального черноземного облисполкома. Наконец, она была избрана в верховный орган советской власти. Бабушка показала нам красную книжку — членский билет № 307. В нем было проставлено: «Платонова Анастасия Константиновна, член ЦИК Союза ССР VI созыва». Однажды с трибуны Всесоюзного съезда Советов бабушка держала речь перед всей страной.

— Это я с Надеждой Константиновной тогда-то и снималась. Я ведь и товарища Сталина, и Михаила Ивановича Калинина, вот, как вас, видела... Меня в Крым, в санаторий посылали. Вот они фотографии из Крыма...

В Нью-Йорке выходит «Мировая биографическая энциклопедия». Ее редакция прислала в село Старо-Бешово знатной трактористке нашей страны Паше Ангелиной анкету. Отвечая через «Литературную газету» на присланную из Нью-Йорка анкету, Паша Ангелина писала:

«Анкета интересовалась перечнем моих занятий «от начала карьеры до сегодняшнего дня», именами и званием моих родителей. Анкета настолько подробна, что в ней спрашивается даже о дате моей свадьбы, о девичьей фамилии матери. Но нет в этой подробной анкете главного вопроса: «Благодаря чему я — в прошлом неграмотная батрачка — стала государственным деятелем?»

Этот пробел в анкете американской энциклопедии восполнил один из простых людей Америки. Паша Ангелина получила из-за океана еще одно письмо. Его прислал фермер Бенжамен Мартен, уроженец штата Алабама, задавший именно такой вопрос. По существу Паша Ангелина и ответила на этот главный вопрос.

Если бы американская энциклопедия задалась вопросом, благодаря чему две вдовы, мать и дочь, о которых здесь рассказано, преодолели обрушившееся на них личное горе;

благодаря чему нашли они в себе силы хорошо воспитывать оставшихся без отцов детей, поддерживая материальное благополучие семьи; благодаря чему стали они всеми уважаемыми общественными, государственными деятелями, то ответить можно так:

Благодаря советской власти, благодаря коммунистической партии, членами которой они состоят. Дочь Екатерина Федоровна Чернышова с первого часа своей сознательной жизни, с того дня, как надела она пионерский галстук, воспитывалась в духе великих идей партии Ленина—Сталина. Мать Анастасия Константиновна Платонова выросла в мире звериной морали, волчьих законов капитализма. Но партия озарила сознание темной, забитой женщины светом великого коммунистического учения и сделала ее достойным членом советского общества.

КОЛХОЗНИК ЭДУАРД ГАРИНГТОН

...Всякий, кто живет в этих Штатах, уступает всегда и во всем небольшому числу сволочей!

Уолт Уитмен

Через двенадцать лет после того, как Мацук, Григоренко, Новиков и другие вернулись из Америки в Россию, сюда приехал американец Эдуард Гарингтон. Он оставил свою родину человеком отнюдь немолодым — сорока двух лет. Это зрелый возраст, когда прочно складываются привычки, убеждения, вкусы, когда полагается быть отцом семейства, иметь определенную профессию, занимать устойчивое место в жизни. В таком возрасте не очень-то легко навсегда покинуть родину, да еще уехать в страну, совершенно необыкновенную, в страну, где заведены невиданные и неслыханные порядки.

Растленная реакционная пресса Америки изображала Советский Союз как страну, где человек полностью обезличивается, превращается в машину, в робота, у которого не может быть никакой личной жизни, никаких собственных интересов. Эта ложь внедрялась в сознание простых людей ежедневно, ежечасно, как медленно действующая отрава. И тем не менее Эдуард Гарингтон, один из множества простых людей Америки, решил навсегда переселиться в Советский Союз. Значит, были у человека очень серьезные причины, побудившие его к такому шагу.

Уехал Гарингтон из Америки, как мы уже сказали, в расцвете сил, в возрасте, когда полагается иметь семью, квалификацию, устойчивое общественное положение. Было ли у него все это на родине? Квалификация была. Силы,

желание и умение работать — тоже. Но устойчивого положения не было. И поэтому не было и семьи. Положение его в сорок два года оказалось в сущности не более устойчивым, чем в то далекое время, когда тринадцатилетним мальчиком поступил он на океанский пароход.

А Гарингтон с молодых лет стремился создать себе устойчивое положение в жизни. Чего именно он хотел? Может быть, соблазнила его стандартная американская мечта о рокфеллеровских миллионах? Ведь среднему американцу говорят: посмотри на жизнь Рокфеллера, он был чистильщиком сапог, а стал миллионером. Значит, и ты тоже можешь стать миллионером. Гарингтон не верил в это: слишком много видел он чистильщиков сапог и не слишком много миллионеров. Все, о чем мечтал Гарингтон, — это иметь определенную квалификацию, хорошо оплачиваемую работу. Он хотел стать пароходным машинистом.

Никак нельзя сказать, что это неосуществимая, безумная мечта. Тем не менее и эта скромная мечта обошлась ему очень дорого: одиннадцать лет недосыпания и недоедания, связанного с занятиями на курсах, которые давали желаемый диплом.

Работая в различных пароходных компаниях Америки, он плавал то по малой реке Сакраменто, то по большой реке Миссисипи, то выходил в океан. Это затрудняло и постоянно прерывало занятия Гарингтона. Устроители и владельцы заочных курсов вовсе не стремились поставить систему консультации, порядок сдачи экзаменов применительно к этим условиям. Они не были заинтересованы в том, чтобы человек быстрее закончил обучение. Наоборот, они стремились растянуть занятия до бесконечности, ибо учащийся платил долларами.

За одиннадцать лет Гарингтон уплатил немало долларов. Работая уже кочегаром, он получал по 62 доллара в месяц, а на курсы ежемесячно должен был вносить по десяти долларов.

Обучение Гарингтона растянулось более чем на десятилетие не только в силу особенностей его профессии. Периоды работы чередовались с периодами безработицы, а когда наступала безработица, приходилось отказывать себе во всем, приходилось прерывать и занятия: нечем было платить.

Почему Гарингтон терял работу? Может, он был пьяницей, бездельником, ленивым, не способным к постоянному труду человеком? Нет, ни в энергии, ни в умении, ни в трезвости никто бы ему не отказал. Однако обстоятельства неизменно складывались против него.

Вот он работает на пароходе. Капитан знает и ценит его. Но меняется капитан, и меняется все. Новый капитан по своему усмотрению, капризу и неизвестно еще почему производит изменения в личном составе команды, увольняет одних, нанимает других. И никто не может этому воспрепятствовать.

Вот работает Гарингтон в пароходной компании, в которой служит около десяти тысяч человек. В одно прекрасное время создается новая объединенная компания, куда вступают и хозяева Гарингтона. Им не нужно теперь десяти тысяч служащих, они сокращают свой штат до восьми тысяч человек. Этому также никто не может воспрепятствовать. Место Гарингтона занимает другой, и он снова безработный.

Все же через одиннадцать лет он кончил, наконец, свой курс и получил диплом. Ему предоставили на пароходе должность помощника машиниста. Казалось, устойчивое положение достигнуто. Он решил строиться, стал думать о женитьбе. Несмотря на беспокойную профессию, Гарингтон не был по натуре бродягой. В дни дальних плаваний его тянуло к уютному дому. Он начал копить деньги, и, накопив тысячу долларов, приобрел на Западе маленький участок земли.

И вот, когда устойчивость его положения, казалось, ничто уже не могло поколебать, на голову Эдуарда Гарингтона снова обрушился бич безработицы. На этот раз не помог и диплом, которого он добивался одиннадцать лет. В Америке начался кризис. Он разразился по всей стране, работу потеряли миллионы людей. И кризису тоже никто не мог воспрепятствовать...

Все это рассказал сам Эдуард Гарингтон, всеми уважаемый колхозный механик Эдди, стараясь пояснить свою русско-английскую речь выразительной жестикуляцией.

— Вы поднимаетесь со ступеньки на ступеньку, — говорил он, и рука его медленными, скачкообразными движениями поднималась вверх, точно по невидимой лестнице. —

Вы имеете квалификацию, имеете свой план. Вы хотите иметь семью, свой угол. Но вдруг разразилась катастрофа. И у вас нет больше никаких планов. Нет ничего. Есть безработица. Вы опять на первой, самой низкой ступени. Это очень страшно.

Безработица, возникшая теперь уже не по капризу нового капитана, а в силу неотвратимого закона капиталистического общества, обрушилась на него со страшной силой, ибо она свирепствовала во всей стране. Два года высококвалифицированный рабочий с большим стажем, имея в кармане диплом, искал и не находил работы. Два года жизни, совершенно беспросветной, постепенно доводящей до отчаяния, до потери человеческого достоинства.

Эдди так описывал кризис в Америке.

— Кризис — это закрытая дверь. Вы просите работы. Здесь нет работы, там нет работы, и дальше, дальше нет работы. Везде закрытая дверь. Вы пойдете налево, направо, пойдете кругом, везде будет одно: закрытая дверь. Вы оканчиваетесь совсем ненужным.

Бывают страшные сны, от которых бросает в холодный пот, которые запоминаются на всю жизнь. Так вспоминает ныне колхозный механик Эдди последний перед его отъездом кризис в Америке. Но это был не сон. Это была страшная действительность. Устойчивое положение, которого Гарингтон добился ценой таких усилий, рухнуло. Дом, для которого была уже куплена земля, построить не удалось. Семья, о которой он мечтал в дальних плаваниях, попрежнему не было.

Теперь Эдди женат. Мария Антоновна, его жена, сидит за столом вместе с нами и усиленно помогает вести беседу, переводя некоторые слова мужа, которые непонятны нам, но вполне понятны ей. Мария Антоновна — намного моложе мужа, это особенно заметно, когда они сидят рядом. Эдди — маленький, сухонький, энергичный старичок. Мария Антоновна — молодая русская женщина, румяная, с неторопливыми движениями, очень приветливая. Детей у них нет. Эта семья, в которой слышится необыкновенная русско-английская речь, живет очень дружно. Атмосфера семейного согласия чувствуется во всем: и в том, как быстро схватывает Мария Антоновна выражаемые ломаным языком мысли мужа, и в том, как обращается он к ней время от

времени за поддержкой, хитро подмигивая нам: вот, мол, какая у меня переводчица. И в том, наконец, как заботливо убрана эта комната, как уютно здесь за столом, под розовым абажуром, как разросся этот старый фикус, отбрасывающий на узорную скатерть свою легкую тень...

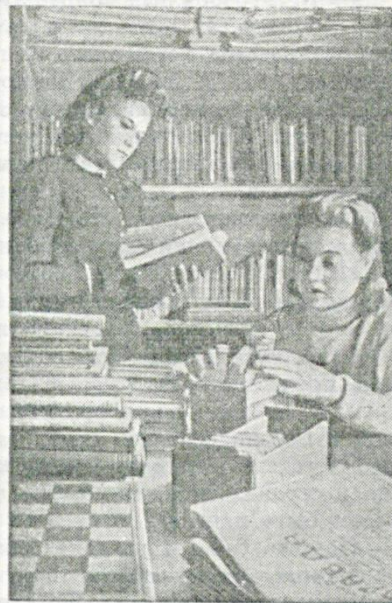
Итак, во время кризиса Гарингтон два года оставался безработным.

Тогда-то, во время «учительной безработицы», и зародилась у него мысль навсегда покинуть свою страну. Ибо безработица на этот раз явилась для него уже не просто перерывом в труде, не очередной житейской невзгодой, — она знаменовала собой крушение всех его жизненных целей.

Были ли у Гарингтона в Америке, помимо личных планов, какие-то общественные интересы? И да, и нет. Судя по тому, что он помнит много разнообразных фактов политической жизни страны, были. Однако за всю долгую жизнь на родине он только раз участвовал в выборах президента, прежде всего из-за постоянных передвижений.

— Как я мог голосовать, — говорит Эдди, — когда я в океане?

Такова одна из особенностей «демократического» избирательного закона в Америке: если рабочий по долгу своей службы или из-за безработицы вынужден часто менять место жительства, он фактически лишается права голоса.

Библиотекарь Люба Шорина (справа),
рядом читатель Г. С. Епифанова

Но не только по этой причине не подавал Гарингтон своего голоса на выборах. Главная причина в том, что он сам не очень-то стремился осуществить свое право. Кандидаты любой буржуазной партии в равной мере не устраивали его. В коротких словах он раскрыл перед нами причины столь широко распространенного в Америке абсентизма.

— Мне говорили: выбирай этого человека, выбирай другого человека. Я хотел знать: что будут делать эти люди в правительстве, хотел знать их программу. Они много обещали, но мало делали. И я не хотел голосовать.

За кого же все-таки подал свой голос Эдуард Гарингтон в тот единственный раз, когда он пожелал воспользоваться своим избирательным правом? Он подал свой голос за Рузвельта.

Эдди хорошо знает, что такое американский фашизм. Он видел: это злейший враг рабочих.

И, быть может, именно потому, что фашисты так усердно порочили Советскую страну, у Гарингтона все более крепла вера в преимущества социалистического строя.

Статьи Ленина и Сталина, которые ему иногда удавалось прочитать, советские фильмы, которые смотрел он время от времени, разговор со знакомым матросом, побывавшим в России, обрывки правдивой информации, проникавшей в газеты, — все это постепенно привело его к мысли, что в стране, где строят социализм, рабочему человеку не может быть плохо.

Нелегко было в условиях безудержной антисоветской пропаганды стать на такую точку зрения. Это решение складывалось долго, и, когда оно окончательно созрело, вопрос об отъезде в Россию решился сравнительно быстро. Он так и говорит:

— Вы спрашиваете, какая причина, почему я уехал в СССР? Очень просто. Там я стал перед закрытой дверью. А СССР, подумал я, это — социализм, и это шестая часть мира. В одном месте будет плохо, в другом хорошо. Не может быть, чтобы в СССР была кругом закрытая дверь для рабочего...

Исходя из этого, он сел на пароход — теперь уже в качестве пассажира — и уехал в Россию.

То устойчивое положение, которого Гарингтон тщетно добивался у себя на родине, пришло здесь постепенно, как

бы само собой. В Америке казалось ему, что страх перед безработицей будет преследовать его всю жизнь. Теперь этот страх навсегда исчез. Для колхозного механика Эдди это слово не имеет ровно никакого значения: пустой звук. А ведь именно безработица, как злой рок, разрушала все его планы.

Дом, которого ему никак не удавалось построить на родине, теперь у него есть. Из дома никто его не выгонит. Он женат. Он зарабатывает в год до тысячи трудодней. Отнюдь не желая разглашать тайну вкладов, можно все-таки сообщить, что на сберегательной книжке колхозника Эдуарда Гарингтона лежат немалые сбережения.

Это собственно и составляет предмет желаний среднего американца. К этому стремился у себя на родине и Эдуард Гарингтон. Но, странное дело, по мере того, как эти желания стали осуществляться, они теряли для него прежний исключительный интерес. У него появились другие желания и интересы. Можно даже сказать, что новые интересы оказались диаметрально противоположными прежним.

Он ехал в Советский Союз с намерением добиться, наконец, устойчивого положения в жизни. В Америке за это надо было драться, ибо каждый, кто завоевывает себе более или менее теплое местечко в жизни, тем самым лишает такого места кого-то другого. Так обстоит дело в обществе, построенном на принципах капиталистической конкуренции. В Советском Союзе драться за то положение, о котором мечтал Гарингтон, ни с кем не пришлось. Он никогда не намеревался стать Рокфеллером. Он хотел лишь того, что написано золотыми буквами в Сталинской Конституции: права на труд.

Квалификация Эдуарда Гарингтона пришлось в колхозе весьма кстати, искать работы не потребовалось ни одного дня. Он собрался копить деньги на дом, но и это оказалось ненужным: ему отвели в колхозе дом, дали участок земли. Материальные блага пришли как естественное, само собой разумеющееся следствие того обстоятельства, что Гарингтон является добросовестно работающим членом колхоза. Семейный уют он обрел только здесь, на чужбине, а там, на родине, до зрелого возраста оставался бобылем. В Америке, приложив столько усилий для достижения личного благополучия, он не добился его, а здесь, в Стране Советов,

работая на пользу общества, он достиг тем самым и личного благополучия. Оно явилось как бы производным от его общественно-полезного труда.

Скоро Гарингтон на собственном опыте убедился, что в Советском Союзе главное — добросовестно работать, а из этого уже само собой вытекает личное благополучие. Постепенно центр его внимания переместился с интересов личного благополучия на интересы самой работы. Так же, как Федор Мацук, Борис Григоренко и другие члены этой дружной сельскохозяйственной артели, Эдуард Гарингтон думает прежде всего о делах колхоза.

Надо было видеть, с каким искренним чувством то ли презрения, то ли сожаления определил нам Гарингтон одно из прежних своих товарищей по заокеанским странствиям:

— Индивидуалист. Только сам за себя.

На такие позиции он и сам был поставлен всем укладом капиталистического общества.

Теперь такие позиции чужды Гарингтону. Когда на одном собрании он поддерживал предложение построить колхозную гидроэлектростанцию, то не рассчитывал при этом на непосредственную личную выгоду, а исходил из общественных интересов, совпадающих, однако, с его собственными интересами. Он действовал так, как это свойственно всякому советскому человеку. Беседуя с Гарингтоном о колхозных делах, мы как-то забыли его необыкновенную биографию, всю его заокеанскую жизнь, уже не замечали его ломаного языка. Перед нами был толковый колхозный механик, отлично знающий свое дело и по-хозяйски вмешивающийся во все колхозные дела. Таких колхозников у нас тысячи, миллионы. И теперь никому не приходит в голову удивляться, что наши колхозники, как и рабочие, как и советская интеллигенция болеют за общественные, государственные интересы. Но для человека, пришедшего из мира, в котором действует волчий закон капиталистической конкуренции и в котором этот человек жил вплоть до зрелого возраста, это означает глубокую внутреннюю революцию, переоценку всех ценностей.

Накануне тридцатой годовщины Великого Октября члены колхоза имени Ленина, в том числе механик Эдди, выступили на страницах столичной газеты со статьей, в кото-

рой рассказывали о своих делах, о своей жизни. Через некоторое время почтальон принес Гарингтону письмо со штемпелем «Киев». В Киеве у Гарингтона нет никаких знакомых. Он хотел вернуть письмо. Но на конверте четко были написаны его имя и фамилия. Распечатав конверт, жена прочитала ему следующие строки.

«Тов. Эдуард! Когда я прочла Вашу статью, я была очень рада за Вас, что Вы в нашей стране почувствовали себя настоящим человеком и нашли то, что нигде в мире нельзя больше найти, а именно свободный труд и человеческое достоинство. Сердечно приветствую Вас, желаю Вам успехов, благополучия, зажиточности и счастья! Искренно рада, что Вы принимаете участие в таком хорошем, большом начинании, как строительство ГЭС, и являетесь одним из его инициаторов. Мне хочется Вам сказать, что три недели назад я смотрела картину, которая называется «Побег». Это американский фильм. Он настолько страшен, что я Вам не сумею и рассказать. Мне кажется, что нет таких слов на человеческом языке, чтобы обрисовать положение рабочего, показанного в нем... Да, Вы правы! У нас человек — прежде всего человек, и потому, несмотря даже на войну и ее ужасные последствия, жить у нас легче, чем во всем мире. Я очень жалею, что не смотрела эту картину с Вами. Многие мне стало бы еще яснее при Вашей помощи. Я ушла после нее в таком тяжелом настроении, что два дня не могла опомниться. И я была рада, что это далеко, не у нас, но было больно за тех, кто там эти ужасы переживает. Крепко жму Вашу руку, жду Вашего письма. Напишите по адресу: г. Киев, Украина, Гоголевская ул., № 34-а. Лидия Александровна Черкиянец. Напишите побольше о себе. Сердечно приветствую. Черкиянец».

Прощаясь с Эдуардом Гарингтоном, мы спросили его:

— А не думаете вы побывать на родине?

— Родина? — переспросил Эдди. — Моя родина недалеко.

И он показал в окно. За окном в тихих вечерних сумерках раскинулись бескрайние колхозные поля...

Хочется рассказать еще о каменщике Дживони Фанфони. Биография его во многом схожа с биографией Гарингтона.

Фанфарони — человек мягкий, мечтательный, с застенчивой улыбкой и детским выражением глаз. Так же, как и Гарингтон, Дживони уже 66 лет. Он тоже приехал к нам из Америки. Но по национальности он итальянец. Дживони совершил еще более сложный путь из мира капитализма в Советский Союз. Дважды в своей жизни пересек он океан: первый раз из Италии в Америку, второй — из Америки в Россию.

В жизни колхозников большое место занимает художественная самодеятельность. Духовой оркестр на репетиции

В Америке много выходцев из Италии. Этих людей, как и переселенцев из царской России, погнала за океан безысходная нужда. Итальянские эмигранты — по преимуществу строители. Дживони тоже потомственный каменщик. Эта профессия у него наследственная.

Дживони уехал из Италии в 1906 году, будучи молодым, но уже женатым, отцом семейства. Семья его поселилась в Норфолке (штат Виргиния), а сам он непрерывно кочевал со стройки на стройку, исколесил Америку вдоль и поперек и знает ее не хуже любого американца.

Дживони зарабатывал пять долларов в день. Между тем одна только квартира съедала тридцать долларов в месяц. Семья была, но семейного очага не было. Какой уж тут очаг, когда в доме постоянная нужда, когда глава семьи вынужден вести бродячий образ жизни.

Семья остро нуждалась в помощи, но ждать помощи было неоткуда. Каменщик состоял членом профессионального союза, исправно платил членские взносы. Но профсоюз ни разу не оказал ему материальной поддержки. Так что нет у Фанфарони никаких оснований помянуть добрым словом лидеров Американской федерации труда, предававших и тогда, как предадут они и теперь, кровные интересы рабочего класса.

Руководители профсоюза строителей, действовавшие отнюдь не в интересах рабочих, мало заботились о безопасных условиях труда. Америка — страна небоскребов, но жена Дживони решительно не хотела, чтобы он нанимался на стройку небоскребов. Техника безопасности находится здесь на таком уровне, что каменщик, сооружающий небоскребы, постоянно рискует жизнью; он в любую минуту может сорваться и разбиться насмерть. Строительные фирмы тоже мало озабочены охраной труда тех, кто приносит им огромные прибыли. В первый и последний раз, когда Фанфарони попробовал работать на небоскребе, он сорвался с высоты двенадцатого этажа, и только счастливый случай спас его от смерти.

Когда заработки его несколько увеличились, Фанфарони начал откладывать деньги на постройку собственного дома. Через некоторое время он купил участок земли, но ему, как и Гарингтону, построиться не удалось. Строитель по профессии, человек, который возвел множество зданий для других, не имел возможности построить даже скромный небольшой домик для собственной семьи.

Окончанию первой мировой войны Дживони радовался, как ребенок. Он показал нам старую, пожелтевшую от времени фотографию. В воскресном костюме, в шляпе он стоит рядом со статуей женщины, ломающей меч. Эта бетонная статуя — собственное его произведение (страсть к ваянию и зодчеству у Дживони в крови). Он назвал свою скульптуру «Разоружение» и подарил ее от чистого сердца.

лично от себя студентам института, построенного после окончания первой мировой войны.

Статуя «Разоружение», сделанная руками итальянского каменщика-мечтателя, мирно стояла во дворе американского института, а вечный мир не наступал. Капиталистический мир не разоружался, он занес теперь свой меч над Россией, над страной, которая первая подняла красное знамя социализма, знамя правды и справедливости.

Дживони очень интересовало все, происходившее в Стране Советов. Как и Гарингтон, он не поверил антисоветской пропаганде, исходя из простой и ясной мысли, что в стране, строящей социализм, честному рабочему не может быть плохо. В отличие от Гарингтона, которому понадобились годы, чтобы стать на эту точку зрения, Дживони пришел к ней сразу и бесповоротно. Им овладела мечта уехать в Советский Союз.

Когда в одной из нью-йоркских газет появилось объявление о том, что группа русских возвращается на родину и производит запись желающих присоединиться, он немедленно явился по указанному адресу.

Фанфарони продал свой так и не застроенный участок и вскоре погрузился на пароход. Подруга жизни уже не сопровождала его. Он оставил в Америке ее могилу и вдовцом, с четырьмя детьми, пустился через океан.

В колхозе имени Ленина есть красный кирпичный домик, в котором живет колхозный каменщик. Он так и называется «домик Фанфарони». Но фамилию каменщика носит только его дом, самого же Фанфарони колхозники зовут по имени, переназначенному на русский лад: Иван Амбровович.

Первое, что увидели мы, войдя в комнату, была стоящая высоко на этажерке искусно отлитая из гипса женская голова.

Это скульптура работы Дживони. Натурщицей служила ему колхозница Крутякова. Страсть к ваиянию и зодчеству не оставляет и на старости лет сына итальянского народа, который получил признание своих способностей, только став приемным сыном русского народа. Только у нас талантливый каменщик сделался зодчим. Иван Амбровович является как бы архитектором колхоза имени Ленина.

Здесь, в Советской стране, проявились у него и способности изобретателя. Усвоив присущую нашим колхозникам

хозяйскую точку зрения, этот тихий и застенчивый старичок внимательно присматривается к делам, казалось бы вовсе к нему не относящимся. Он принял самое деятельное участие в работе по механизации трудоемких процессов сельского хозяйства. Он составил свой проект механического стогOMETATEЛЯ. Изготовленная им модель одобрена специалистами. Правление колхоза приняло проект и решило его осуществить.

Так живут среди русских колхозников эти люди, родившиеся за океаном и потерявшие там половину своей сознательной жизни. Хорошо живут и работают хорошо, даже не помышляя о возвращении на родину, ибо настоящей своей родиной считают Советский Союз.

Но было здесь несколько американцев, которые много лет назад, недолго поработав в колхозе, уехали обратно в Америку.

Для чего же приезжали к нам эти люди и почему не остались у нас?

Подобно Эдуарду Гарингтону, они покинули Америку, гонимые безработицей и нуждой. Они прибыли в нашу страну в поисках материального благополучия, которое никак не давалось им на родине.

Как и Гарингтон, эти американцы слышали у себя на родине о Советской России и плохое и хорошее. Как и Гарингтон, они решили попытать счастья в Советской стране.

Эдуард Гарингтон еще у себя на родине пришел к мысли, что там, где строят социализм, должна восторжествовать справедливость. Но он ясно понимал и то, чего не понимали они: строить социализм очень трудно; социализм не падает с неба, за него надо бороться, его надо создавать.

Они рассчитывали, отправляясь в Советскую страну, что материальное благополучие подадут им на блюде, думали сразу попасть на все готовое. Но всего готового в колхозе имени Ленина не оказалось.

Здесь, как и в других колхозах, шла кипучая стройка, шло великое и трудное созидание, закладывались основы коллективного хозяйства, которое должно было привести к материальному благополучию, но сразу не могло его дать. Здешние колхозники переживали все те трудности, какие пришлось преодолевать в свое время колхозникам всей страны. Здешние колхозники испытывали даже больше труд-

ностей. Им пришлось строиться на пустом месте. Ни жилых домов, ни хозяйственных служб у них не было. Первое время нынешняя богатая усадьба колхоза представляла собой лагерь разбитых там и здесь палаток. Породистого, выскоудойного стада, которое ныне составляет богатство колхоза и его гордость, не было и в помине. Приобретались беспородные коровенки, да и тех было немного. А заброшенная, забитая сорняками, хоть и плодородная земля, — сколько она потребовала труда! Давали себя чувствовать и неумение, непривычка к жизни, к работе на коллективных началах.

Каждый земледелец знает, что сорняки, если их не уничтожать, могут заглушить культурные растения, потому что они очень живучи. Так и пережитки капитализма в сознании человека надо уничтожать долго и упорно, чтобы они, как сорняки, не заглушили молодых всходов.

Были в колхозе и лодыри, которые старались жить за счет чужого труда. Да и сейчас есть люди менее добросовестные, менее сознательные, не принимающие общих интересов так близко к сердцу, как принимает их большинство. Пытались пробраться в колхоз, даже к его руководству, и враги, чтобы разрушить изнутри молодое, неокрепшее еще дело. Все это было здесь, как и во многих других колхозах. И понятно, что первое время жилось не так-то легко.

Людям, приехавшим из-за океана только в расчете на все готовое, это не понравилось. Они не пожелали принять участие в общей борьбе с трудностями. Они не поняли, что трудности эти преодолимы, что это трудности созидания, роста.

Подобно человеку, который, видя вокруг строящегося дома груды строительного мусора, сваленные балки и кирпич, сказал бы, что это очень плохой дом, раз здесь такой беспорядок, — они приняли трудности созидания колхозного строя за самый колхозный строй. Они забыли или не поняли простой истины, что, когда дом только строится, в нем не очень удобно жить. Они не видели завтрашнего светлого дня. Эдуард Гарингтон увидел этот завтрашний день, поверил в него и засучив рукава принял участие в общей созидательной работе.

Не получив готового благополучия, эти несколько американцев уехали обратно за океан. Их дальнейшая судьба

неизвестна. Вероятно, у каждого из них она сложилась по-разному. Одни устроились лучше, другие хуже. Но можно сказать с уверенностью, что в известном смысле у всех уехавших одинаковая судьба. Это судьба людей, ничем не защищенных от стихийных сил, безработицы, кризисов и других неизбежных спутников капитализма.

Грозный призрак разорения стоит перед миллионами американских фермеров. Не надо быть пророком, чтобы предсказать участь этих людей.

В 1947 году в Нью-Йорке вышла книга Ли Фрайра. Основываясь на официальных данных переписи сельского хозяйства 1940 года и ряде научных трудов, он утверждает: 20 миллионов фермеров из 30 миллионов живут в нужде. Идет дальнейшее разорение мелких фермеров. Все больше концентрируется в руках крупных фермеров власть над землей. В руках крупных фермеров находится 79 процентов сельскохозяйственной продукции.

«Главнейшая, основная проблема американского земледелия, — пишет Ли Фрайр, — это нигде негодное распределение земли между фермерами. Слишком большое число фермеров имеет слишком мало земли. Очень немногие сельские хозяева держат в своих руках большую часть удобной земли».

Ли Фрайр говорит, что фермеры «покупают себе право пользоваться участком, снимая с плеч свою последнюю рубашку». Он утверждает, что по меньшей мере треть всех фермерских семей обречена на нищету. Он подчеркивает особое преимущество крупного землевладения, которое заключается в использовании машинного оборудования и применении наемной рабочей силы.

«Это преимущество, — заявляет он, — неминуемо будет расти. Собственность на фермерские земли перейдет в руки крупных владельцев и городских капиталистов. Сельское население Америки окажется безземельным».

Таково настоящее и будущее американских фермеров, описанное и предсказанное американским деятелем. Вероятно, те несколько американцев, о которых шла здесь речь, не избежут общей участи.

ОТВЕТ БРАТУ КАРЛО

Никогда еще дети не были так дороги, как теперь, когда перед ними дело мировой важности.

Максим Горький

Иван Амбровович рассказал нам, между прочим, о письме, полученном из Италии, от брата Карло, которого он давно потерял было из виду. В те дни советское правительство объявило об отмене карточек, и каждый гражданин Советского Союза чувствовал, как уходит в прошлое одно из самых трудных последствий войны. Жить становится все лучше. А Карло писал, что в Италии живется все труднее. Об отмене карточек нет и речи, нормы скудные. Тяжелые времена. Но, благодарение богу, дети подросли и ему удалось пристроить мальчиков к своему делу. Сыновья, как и вся династия Фанфарони, работают каменщиками. Это, пишет Карло, единственная удача в нынешней тяжелой жизни; в этом ему прямо-таки повезло.

А что же дети самого Ивана Амбрововича, те четверо ребятшек, которых двадцать пять лет назад перевез он через океан? Живы ли они? Воспитал их вдовец?

Да, всех воспитал, все живы. Сын Флавио — в Челябинске. Он инженер-механик, аспирант института механизации сельского хозяйства. Дочь Альба — на Кавказе. Она врач. Высшее образование получила в Москве. Сын Эво — в армии. Война помешала ему получить высшее образование, но среднее образование у него есть, и после демобилизации он намерен поступить в высшую школу. Только сын Энзо живет при отце. По болезни он не кончил средней школы, но у него хорошая специальность: работает в

колхозе механиком по автотракторному делу. Мы познакомились с Энзо. Это культурный молодой человек, такой же скромный, как отец. Он показал нам свое недавнее приобретение — сверкающий желтым лаком новенький мотоцикл.

Так дети Ивана Амбрововича изменили традициям династии каменщиков Фанфарони. При всей своей любви к потомственной профессии, Иван Амбровович отнюдь не огорчен, что его сын стал инженером, дочь — врачом. Напротив, гордится этим. Брат Карло просто не поверил бы: слыханное ли дело — люди с высшим образованием из рода Фанфарони! Да как это может быть? Что они, капиталисты, что ли?

Да, если уж кому действительно повезло, так это детям Ивана Амбрововича. Карло прав: когда во всем капиталистическом мире царит безработица, можно считать большой удачей, что он пристроил своих мальчиков хотя бы к нищенски оплачиваемому труду. В Италии многие, вероятно, завидуют Карло. Что же касается Ивана Амбрововича, то здесь успехам его детей не удивляется никто. У нас к таким явлениям давно привыкли. Едва ли не в каждой семье колхоза имени Ленина кто-нибудь получил высшее или среднее техническое образование, стал учителем, агрономом, офицером, врачом.

В школе-семилетке, занимающей одно из лучших зданий колхоза, мы получили характерную справку. Из последнего выпуска в 16 человек семилетним курсом обучения ограничились только двое, остальные пошли учиться дальше — в десятилетку, в педагогическое училище, в школу механизации.

В Кирсанове мы зашли в так называемую экспедицию колхоза имени Ленина. Экспедиция помещается в двухэтажном каменном доме. Здесь останавливаются приезжающие в город члены артели. Дом этот выстроен колхозом, причем целый этаж отведен специально под общежитие для колхозной молодежи, поступившей в разные учебные заведения Кирсанова.

Судя по прошлым выпускам, многие из тех, кто пошел в кирсановскую десятилетку, пойдут и дальше, в высшую школу. От прежних своих воспитанников учителя получают письма из высших учебных заведений многих городов: Мос-

квы, Ленинграда, Курска, Воронежа, Саратова, Тамбова. Кстати, в самой Тамбовской области, где до революции вовсе не было высших школ, теперь создано 5 институтов и 53 учебных заведения типа техникумов.

В Институте инженеров транспорта учится Михаил Беляев. Он бывший фронтовик, еще недавно от него приходила письма из Германии. Теперь он пишет из Москвы, где снова взялся за прерванные войной занятия. В медицинском институте учатся Ольга Процук, Ольга Сайганова, Валентина Романцова. У матери Романцовой, женщины боленнющей, трое детей, муж погиб на фронте. Но и при таких нелегких семейных условиях все ее дети имеют возможность учиться: Валентина учится в Курском медицинском институте, ее сестра — в Кирсановском техникуме, младший мальчик ходит в школу.

Все это рассказывала нам учительница местной школы Екатерина Васильевна Шишкова. Она и сама являет собой живой пример формирования колхозной интеллигенции. Дочь здешнего колхозника, она не пожелала ограничиться семилетним образованием, училась в техникуме и вернулась в колхоз квалифицированным педагогом.

Родилась Екатерина Васильевна в Америке, откуда уехала маленькой девочкой. Разумеется, она не получила бы в Америке той квалификации, какую имеет сейчас. Тем более не получили бы нынешние ее питомцы высшего образования. Ведь за обучение в высшей школе приходится платить тысячи долларов, рабочему это недоступно. Дорого стоит и обучение в средних школах Америки, число которых к тому же за последнее время сильно сократилось: в 1947 году там закрылось шесть тысяч средних школ.

От царских времен «в назидание потомству» сохранился протокол допроса арестованной по революционным делам крестьянки Ананьевой. В протоколе отмечено, что крестьянка эта намеревалась отдать своего сына в гимназию. «Вот то-то и ужасно, — написано на протоколе рукой Александра III, предпоследнего царя. — Мужик, а лезет в гимназию».

Словно века прошли с тех пор до нашей советской эпохи! «Мы хотим сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем». Эти слова великого вождя товарища Сталина осуществля-

ются у всех на глазах. В колхозе имени Ленина вся молодежь, работающая ныне на полях, окончила семилетку.

Чтобы право на образование осуществлялось на деле, советская власть прежде всего позаботилась о строительстве новых и новых школ. В колхозе имени Ленина ребятам не мешают учиться ни январские морозы, ни февральские метели, ни осенняя распутица: школа тут же, под боком. И это не исключение, это правило.

Теперь в Кирсановском районе имеется около 40 школ, преподает в них 450 учителей, учится 12 тысяч детей. Открыто, кроме того, 12 вечерних школ сельской и рабочей молодежи, где обучается 500 человек. А в 1911 году в Кирсановском уезде было всего 5 школ, 12 учителей и 171 учащийся.

Уже почти перед самой революцией, в 1915 году, во всей Тамбовской губернии насчитывалось 938 начальных школ. А в 1946 году их было 1335. Рост сам по себе большой. Но если бы мы привели только эту цифру, то ни в какой мере не показали бы еще происшедших здесь глубоких изменений. Суть этих изменений в том, что прежде уделом крестьянских детей была только церковно-приходская или земская, словом, начальная школа. Теперь им открыта широкая дорога к образованию. И потому более правильное представление о происшедших после революции сдвигах дают такие цифры: в Тамбовской губернии средних школ было всего 17 (причем находились они только в городах, и обучались в них преимущественно дети городской буржуазии, чиновничества). А в 1946 году в области насчитывалось 555 полных и неполных средних школ, созданных не только в городах, но и в деревнях и обслуживающих в равной степени как детей рабочих, интеллигенции, так и крестьянских детей.

За один только 1947 год на народное просвещение в Тамбовской области было израсходовано в тридцать три раза больше средств, чем в царское время за двенадцать лет: с 1900 по 1912 год.

Статистика свидетельствует о громадном отсеве в школах бывшей Тамбовской губернии: уже на первом году обучения из школы уходило процента 3, на втором — примерно 10, на третьем — около 60. Школу покидали, конеч-

но, дети трудящихся, особенно крестьян. Причин для этого было много: школа далеко — за семь, за восемь верст; нет валенок, нет теплой одежды; учиться некогда и незачем, все равно, мол, дальше в науку хода не будет...

В колхозе имени Ленина учатся все без исключения дети школьного возраста — около 280 человек. Педагогический коллектив всеми мерами предупреждает отсев, добиваясь, чтобы введенное в нашей стране всеобщее обучение осуществлялось реально. В этом ему всячески помогает родительский комитет.

Теперь каждому хочется одеться получше. Мастерская колхозного ателье мод

Председателем родительского комитета, в котором около 20 человек, уже не первый год выбирают звеньевую полеводческой бригады Евдокию Алексеевну Ляпунову.

В прошлом году директор школы сообщил ей, что семиклассник Митя Коханюк совсем разболтался, на мальчика не подействовал даже выговор в приказе по школе. Евдокия Алексеевна на первое же собрание родительского комитета вызвала мать Мити и его самого. С мальчиком раз-

говаривали долго и серьезно. В результате общественного воздействия Коханюк отлично закончил семилетку и уехал в Кирсанов учиться дальше. То же было и с Владимиром Кошелевым, который хорошо учится теперь в восьмом классе кирсановской средней школы.

Евдокия Алексеевна хорошо знает, как живет каждая семья в колхозе, и, если что-нибудь мешает ребенку учиться, это не остается незамеченным. Детям погибших фронтовиков — Юрию Ругаеву, Титову, Курдюмовым — школа купила валенки с галошами, ботинки, пальто, купила все это на свои средства, полученные от платных спектаклей, которые школа ставит в колхозном клубе.

В школьных спектаклях с увлечением участвуют и ребята и учителя. Пример подает преподаватель физики и химии, он же директор школы Василий Иванович Благовещенский. Он с особенным успехом играет в чеховском «Юбилее».

Занятия в драматическом, литературном, хоровом, историческом, художественном, математическом и шахматном кружках привлекают детей к школе и усиливают интерес к самим урокам.

Местная учительница Федосья Ивановна была нашей попутчицей из Кирсанова и по дороге с удовольствием рассказывала о школьных делах; мы ехали с ней на одной подводе.

Невольно вспомнилось, как возвращалась из города к себе в школу сельская учительница в чеховском рассказе «На подводе». Тягостные мысли овладевали ею. Было досадно на земскую управу, в которой она вчера никого не застала. Вот уже два года, как учительница просит, чтобы уволили сторожа, который ничего не делает, грубит ей, бьет учеников, но ее никто не слушает. Инспектор ничего не смыслит в педагогике так как раньше служил по акцизу и место инспектора получил по протекции. Попечитель, владелец кожевенного заведения, неумен, груб, малограмотен, и неизвестно, к кому же обращаться с жалобой, за справками. Возвращаясь на подводе из города, куда ездила за жалованием, сельская учительница тоскливо думает о том, что вот приедет она домой и надо будет собирать с учеников деньги на дрова, отдавать деньги попечителю, а потом умолять его, сытого и наглого, чтобы он, ради бога, прислал дрова...

Нет, не с такими мыслями, не в таком настроении возвращалась домой Федосья Ивановна. Самая картина возвращения была совсем другая. Не малосильная, заморенная лошаденка, напрягаясь и вздрагивая, еле вытаскивала из непролазной грязи крестьянскую телегу с одинокой учительницей. Пара рослых, сытых, береженных коней легко везла многоместную повозку — своего рода колхозный дилижанс, в котором подобралась большая и оживленная компания. Была тут старушка, довольная тем, что продала в городе мешок полученной по трудовням антоновки. Был молодой, недавно демобилизовавшийся колхозник, который вез к себе в гости старика отца. Половину пассажиров составляла колхозная интеллигенция: заведующая клубом, оберегавшая купленный в Кирсанове репродуктор, колхозный фельдшер и Федосья Ивановна. Все они ездили в город по делам избирательной кампании, каждый из них был либо членом избирательной комиссии, либо агитатором. Толковали о том, что вот приедут они домой и надо будет обязательно вывесить в школе биографию кандидата в депутаты сельского Совета учительницы Антонины Яковлевны Жучковой, чтобы дети знали, как ценят и уважают колхоз учителей, доверяя им власть. Обменивались впечатлениями о виденном в городе новом кинофильме. Обсуждали, как лучше распределить полученную в Кирсанове избирательную литературу. Всю дорогу, к общему удовольствию, подсменивались над старушкой, продавшей яблоки, дружно уверяя ее, что поскольку она так разбогатела, то не будет у нее отбою от женихов.

Теперь учительнице не приходится вымалывать дрова для школы. Председатель правления депутат Верховного Совета Российской Федерации Павел Николаевич Фокин никогда не забывает о школьных нуждах. Нет больше и гаупта, грубого попечителя. Теперь весь колхоз — попечитель школы, попечитель внимательный и умный.

Весь колхоз является также попечителем детского сада. Первые ягоды, первые яблоки, прямо с ветки, отправляет правление именно сюда, в этот беденький, чистенький, веселый домик на пригорке. Летом окружающий его большой палисадник с песочными горками, качелями и качалками, с манежиком для ползунков полон детского и птичьего щебетанья.

Сейчас зима, в палисаднике никого нет, и в комнатах почему-то полная тишина. Оказывается, мы попали сюда в послеобеденный час: дети спят.

Неслышно шаркая войлочными туфлями, Валентина Павловна, заведующая детским садом, ведет нас в комнату для игр. Мы усаживаемся на маленьких стульцах вокруг круглого столика, под фикусом и китайской розой. Позади нас на полках большого шкафа лежат игрушки — ушастые зайцы, разноцветные кубики, большие мячи, куклы с широко открытыми глазами. Отдыхает и пианино. В комнате тихо и тепло. Дети — в спальнях.

Летом в детском саду — здесь и ясельное и дошкольное отделение — бывает человек 50, зимой — около 30.

В детском саду работает 6 заботливых женщин, которых приставил колхоз к своим детям: заведующая — учительница с двадцатипятилетним педагогическим стажем; 3 воспитательницы — здешние колхозницы, прошедшие специальные курсы; повариха и уборщица. Колхоз хорошо оценивает в трудовнях работу обслуживающего персонала: заведующей начисляется 40 трудовых в месяц, остальным — по 30.

Большую часть расходов по обслуживанию детей берет на себя колхоз, родители перечисляют за обслуживание только по 3 трудовых в месяц. Так же и с питанием. Родители вносят на каждого ребенка продуктами за месяц: 1,5 килограмма проса, 3 килограмма пшеницы, 1,5 килограмма капусты, 6 килограммов картофеля, 15 литров молока. Кроме того, родители дают хлеб из расчета 50—250 граммов на день в зависимости от возраста ребенка.

Правление со своей стороны дает из двухпроцентного фонда мяса, фрукты, овощи, жиры. Вот справка за июль: в этот месяц колхоз дал малины — 37 килограммов, вишни — 15, огурцов — 7, смородины — 50, яблок — 50, творога — 5, мяса — 14 килограммов и несколько десятков яиц. В октябре, когда убирали овощи, помимо других продуктов было отпущено моркови — 138 килограммов, свеклы — 140, тыквы — 900. В августе поспели фрукты, и детский сад получил 137 килограммов одних только яблок. Белого хлеба ребята едят сколько захочется, мясное блюдо в обеде — обязательно. Молоко, фрукты, как и пола-

гается, занимают в меню большое место. Питаются дети четыре раза в день, так что дома их кормить уже не приходится.

В деревне бытовой уклад во многом зависит от времени года. Детский сад также перестраивает свой распорядок применительно к сезону. Зимой сад открыт с восьми утра до пяти вечера. Летом он открывается очень рано, когда матери идут в поле, — с шести часов утра, дежурная приходит даже в пять. А закрывается детский сад поздно — в девять часов вечера. Так что даже в самое напряженное время полевых работ дети не остаются без присмотра.

К этому остается добавить только коротенькую статистическую справку: до революции на всю Тамбовскую губернию был один детский сад.

Так заботятся в колхозе имени Ленина о подрастающем поколении, начиная с грудного возраста, с ползунков и вплоть до того времени, пока юноши и девушки не станут вполне самостоятельными людьми.

Всего этого, конечно, не опишет Иван Амбросович брату Карло. Но все это было бы очень полезно рассказать в ответ на письмо из Италии.

Да, детям Ивана Амбросовича действительно повезло, и повезло в главном: в том, что они выросли и живут в Советской стране.

ПАВЕЛ ЗЮЗИН В ДНИ ВОЙНЫ И В ДНИ МИРА

Да разве найдутся на свете такие
огни, муки и такая сила, которая бы
пересилила русскую силу!

Н. ГОГОЛЬ

Воспользовавшись приглашением колхозного артиста Павла Ивановича Зюзина, мы воскресным утром пришли к нему в гости. Уже при первом знакомстве в клубе он произвел на нас очень приятное впечатление. В этом рослом, плечистом, лет уже под сорок, колхозном грузчике была подкупающая, почти детская непосредственность.

Мы видели один из клубных спектаклей. Шел монтаж с пением и танцами. Изображался праздник в колхозе, кончавшийся общей пляской. Всех затмил вышедший на авансцену плясун в белой вышитой рубахе с шелковым поясом. Он плясал с русской удалью, плясал так, что дрожали декорации и пыль поднималась столбом. Он плясал весь: плясали ноги, плечи, лицо. Это был Павел Зюзин.

Сегодня мы у него в гостях. Сначала говорили о клубных спектаклях, потом пошел разговор о фронтовых делах.

Павел Иванович ушел в армию как только началась война и участвовал в обороне Ленинграда. Он день и ночь строил аэродромы на болотах. Здесь от простуды у него отнялись ноги. Его отвезли в госпиталь. Из госпиталя он до срока снова стал проситься на фронт, в батальон моряков. С моряками шел на прорыв блокады под Невской Дубровкой. Страшны были ночные переправы на тот берег реки в жуткой, неверной тишине. Моряки вырывали у врага тот берег буквально по кусочкам. Переправляя по ночам людей, оружие и продовольствие, Зюзин каждый раз рис-

ковал попасть в лагерь врага. Вот очищен еще один кусочек земли на том берегу, но где-то засел немецкий пулеметчик, невидимо обстреливающий наших бойцов. Зюзин вылезает снять ночью вражеского пулеметчика. Нехватает шлюпок для переправы. Высмотревши брошенные где-то шлюпки, Зюзин берется их доставить, хотя место это находится под непрерывным вражеским огнем.

Зюзин участвовал и в обороне Пулковской высоты. Дважды был ранен. Упомянув об одной схватке с немцем, он хотел было описать во всех подробностях, как безмолвно боролся он с этим немцем в ночной тишине, один на занятом врагом берегу, но вдруг будто осекся.

— Про это не могу рассказывать, нервы не позволяют.

Человек действительно храбрый, он с течением времени привык встречаться со смертью лицом к лицу. Но постоянное недоедание, переходившее по мере того, как сжималось кольцо блокады, в настоящий голод, — вот что было почти невыносимо для этого здорового организма.

Представьте себе сильного, крепкого мужчину, привыкшего к колхозным хлебам и попавшего на полуголодный, а потом и на голодный паек блокады. Представьте себе здорового мужчину, настоящего силача, который, обслуживая самолеты, первое время один подносил шестипудовые бомбы. И этот человек ослабел от недоедания так, что вскоре ему было уже не под силу поднять даже с помощью товарищей двадцатикилограммовую бомбу.

— Весил я перед войной 80 килограммов. А как отнялись у меня на болотах ноги да отвезли меня в госпиталь, взвесили — батюшки! — 45 килограммов всего от меня и осталось.

И все-таки этот человек, от которого тогда, по собственному его выражению, осталось полчеловека, просился из госпиталя на фронт до срока, чуть только отошли у него ноги. Без малейшей рисовки рассказывает он о своем патриотическом поступке, как и вообще обо всех фронтовых делах. Он не старается предстать перед нами героем, он просто добросовестно передает все, что было.

Итак, Зюзин опять в боях. На первую рану он не обратил внимания: «Так, пустяки». Второе же ранение вывело его из строя. Осколками вражеской бомбы выбило ему глаз и искалечило руку. Вытерпев невыносимую боль, пе-

ренся две операции, он пролежал в госпитале около восьми месяцев, после чего был демобилизован.

А что происходило в это время дома, в родном колхозе? То же, что всюду в нашей стране. Не покладая рук люди работали для фронта. Самые сильные, молодые, здоровые работники ушли на войну. Женщинам, подросткам и старикам было очень трудно, но они управлялись с делом. Колхоз отдал нужные ему тракторы, грузовики, лошадей — и все-таки работали неплохо.

Всем памятно могучее патриотическое движение колхозников — взносы из личных сбережений в фонд обороны. Но не все уже помнят теперь, что почин этому движению положили тамбовские колхозники, в том числе и члены сельскохозяйственной артели имени Ленина. Читая в 1942 году доклад товарища Сталина о XXV годовщине Великого Октября, они решили построить на свои средства танковую колонну «Тамбовский колхозник» и внесли наличными 43 миллиона рублей.

Какая радость царила в колхозах, когда товарищ Сталин выразил тамбовским колхозникам благодарность и передал им братский привет от Красной Армии.

В 1943 году тамбовские колхозники вновь собрали около 42 миллионов рублей, теперь уже на эскадрилью самолетов «Тамбовский колхозник».

В том же году, выполнив свои обязательства по государственным поставкам, тамбовские колхозники внесли сверх плана сотни тысяч пудов хлеба, картофеля, мяса, много овчин и шерсти. Для Красной Армии это были драгоценные подарки. Но особенно дорог был патриотический пример, которому последовали миллионы колхозников. По почину тамбовцев по всей стране развернулся сбор средств в фонд обороны.

Жена Зюзина, Евдокия Григорьевна, вместе с другими тамбовскими колхозниками была зачинателем этого большого патриотического движения. Оставшись без мужа с тремя, тогда еще малыми детьми, она работала за себя, за мужа, работала так, что сама удивлялась, откуда только берутся силы.

Узнав о тяжелом ранении мужа, она минутами уже не надеялась видеть его живым. Вдруг из госпиталя пришло письмо, что в скором времени муж вернется домой.

Когда Павел Иванович описывал день возвращения, чей-то тоненький голос торопливо проговорил за нашей спиной:

— А ты расскажи, папа, как я тебя тогда не узнала.

То была младшая дочка Зюзиных Галя, которую мы застали еще спящей. Видимо, она давно уже проснулась от чужих голосов и, лежа в постели, внимательно прислушивалась к разговору.

— А, проснулась, — закричал отец и, подбежав к кровати, разрыл белые подушки, розовое одеяло, вытащил на свет божий сначала худенькую ручку, потом головку, а потом и всю свою беленькую, тоненькую девочку. Он схватил ее на руки и пустился с ней в пляс. Сделав несколько туров вальса, он снова уложил свою «даму» в постель. И по тому, как старательно укрывал он дочку одеялом, как крепко обняли тоненькие руки отцовскую голову, как, глядя на неожиданную сцену, снисходительно улыбалась мать, нетрудно было заключить: Галя — любимица отца, а семья эта хорошая, дружная.

В день возвращения из армии у Зюзиных перебивали все соседи, а к вечеру пришли правленцы.

— Ну, с приездом, — говорили правленцы, обнимаясь с хозяйном. — Отвоевался, теперь можно и отдохнуть.

Вскоре, однако, беседа приняла совсем другой оборот. Один из правленцев исподволь завел такой разговор:

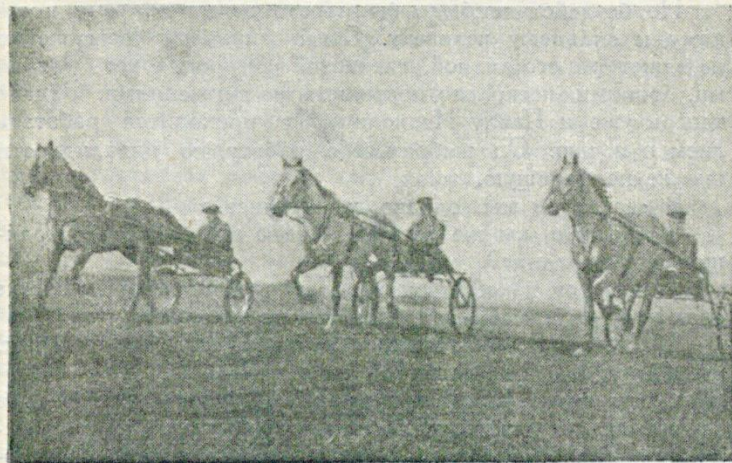
— Конечно, отдых у тебя заслуженный, отдыхай, сколько надо. Но только, Павел Иванович, прямо тебе скажу, с рабочими руками у нас беда. К примеру, на лесопилке, хоть останавливай ее. Некому работать.

И, смущенно косясь на изуродованную руку Зюзина, добавил:

— Если бы ты, Павел Иванович, отдохнувши, помог на лесопилке, вот бы спасибо тебе сказали!

И Павел Иванович помог, даже не отдохнувши. Еще слабый после госпиталя, пошел он на лесопилку. А потом, когда огляделся и увидел, что с рабочими руками в колхозе действительно беда, стал помогать и на электростанции. И долгое время работал так: днем на лесопилке, ночью — на электростанции. Он трудился так не потому, что ему необходимо было зарабатывать на жизнь. Ко времени его возвращения, к сентябрю 1943 года, у жены было уже

600 трудодней. Он мог бы спокойно отдыхать до конца года, но, не помышляя больше об отдыхе, стал работать днем и ночью. К этому Зюзина обязывали его собственные письма. Будучи на фронте, писал он письма в колхоз, призывая колхозников не жалеть сил для помощи армии. Он отвоевался, сделал свое дело на фронте, теперь он делал свое дело в тылу. И поведение его в тылу тоже было подлинно героическим. Стало понятным, почему Зюзин имеет не только боевые награды, но также и медаль за доблестный труд в Великой Отечественной войне.

Колхоз выращивает отличных рысаков. Завод лучших рысаков на колхозном ипподроме

Так вел себя в военную годину рядовой боец Павел Зюзин и рядовой колхозник Павел Зюзин.

И вот наступили мирные годы. Как живет он теперь?

В этой дружной, работающей семье ныне уже и сыновья стали помощниками. Семья зарабатывает свыше тысячи трудодней в год. Старший сын Борис учится в Кирсанове, в автошколе. Летом он работал прицепщиком и получил вровень с матерью 300 трудодней. Младшему Толе тоже

начислили 60 трудодней за то, что пас телят. Только отцовская любимица Галя пока не у дел. Да как, собственно, не у дел? Мало ли дела в школе?

Мы спросили у Павла Ивановича, почему у него в полтора раза больше трудодней, чем у жены.

— Да можно ей теперь и поменьше моего работать. Мало ли она тут ворочала, когда я на фронте был? Пускай отдохнет.

А как обстоит дело с отдыхом самого Павла Ивановича? Мало ли он «ворочал» и в тылу и на фронте? К тому же ведь он инвалид.

Но бездействие было бы просто тягостно этому крепкому и сильному человеку. Слово «инвалид» совершенно не вяжется с его ладной, плечистой фигурой, с его быстрыми, ловкими, несколько порывистыми движениями. Однако теперь уже и Павлу Ивановичу не приходится работать днем и ночью. Он выбрал себе работу, по инвалидности вполне подходящую.

В последнем мы, однако, усомнились.

— Да ведь вы же грузчик. Разве эта работа подходящая для инвалида?

— Смотря какой инвалид. Я здоровой левой рукой не один пуд поднимаю, а правая только помогает.

В горячее время уборки Зюзин работал за четверых, выработав в один месяц 113 трудодней.

Сразу после войны на страну обрушилась небывалая засуха. Но это стихийное бедствие разразилось не над беспомощными, темными, беззащитными перед силами природы крестьянами-единоличниками старой деревни. Дружный колхоз, вооруженный передовой агротехникой, сильный поддержкой государства, встретил стихийное бедствие сомкнутым строем. Не очень поколебала засуха устойчивый бюджет работающей семьи передового колхоза. Хлеба, например, Зюзиным не только хватило до нового урожая, но часть еще продали на колхозном рынке. По трудодням в следующем, 1947 году семья получила 3 тонны 300 килограммов зерна, 1 тонну 100 килограммов картофеля, около тонны молока, 88 килограммов мяса, 880 килограммов овощей, 12 килограммов подсолнечного масла, 11 килограммов меда, несколько килограммов шерсти, много яблок, ягод и 3 300 рублей деньгами. Для семьи в пять человек более

чем достаточно. Кроме того, есть у них свой огород, который дает до 30 пудов картофеля и овощей, есть поросята, от которых получают в год пудов по 10 свинины.

Нетрудно себе представить, что было бы с семьей Зюзиных при такой засухе, какая разразилась в 1946 году, если бы не колхоз. Голод, полное обнищание — вот что прежде приносила засуха крестьянству...

Евдокия Григорьевна каждый год откармливает поросят. Но коровы она не держит.

— Да куда мне корова? — сказала хозяйка. — Посудите сами, сколько с ней возни, а молока и по трудодням получаем достаточно — почти 4 литра в день.

Все чаще и чаще наблюдаешь здесь некоторое равнодушие к приусадебному хозяйству или, во всяком случае, явное нежелание заводить в нем что-нибудь лишнее.

Про Евдокию Григорьевну никто не скажет, что она ленивая, беспечная, плохая хозяйка. Но именно как хорошая, расчетливая хозяйка она рассудила, что, например, собственных поросят откармливать стоит, а корову держать не стоит, раз и без коровы хватает молока. И корова, за которую гстова была жизнь положить многодетная мать из старой крестьянской семьи, для Евдокии Григорьевны превращается в ненужную обузу. Не маленькое, кропотливое личное хозяйство, а большое общее доходное хозяйство, колхозный трудодень интересует ее по-настоящему.

Беседуя с Евдокией Григорьевной, мы никак не могли отделаться от впечатления, что перед нами городская работница. Впечатление усиливалось всей обстановкой ее дома, всем бытовым укладом этой семьи. Мы сидели в большой хорошо обставленной комнате городского типа. Здесь венские стулья, коврики, электрическая лампа, комод, никелированная кровать. И нет ни ухватов, ни квашни, ни прочих предметов старого деревенского обихода. Зачем Евдокии Григорьевне квашня, если хлеб пекут в колхозной пекарне? Зачем лохани и махотки, когда нет коровы, и зачем собственная корова, если и без нее вполне хватает молока?

Благодаря разумным порядкам, введенным в передовом колхозе, благодаря полновесному трудодню Евдокия Григорьевна освободилась от тысячи мелких, назойливых и никем не ценимых домашних дел. Освободившись от их

невидимого гнета, она стала человеком, знающим себе цену и не чуждым общественных интересов.

Евдокия Григорьевна каждый день слушает по радио и концерты и политическую информацию. В каждом колхозном доме есть радио, или, как говорят, радиоточка. И каждая такая точка — это целый мир, открывающийся перед деревенскими людьми, для которых не столь еще давно весь мир ограничивался пределами своей околицы.

Невидимые нити радио связывают деревню с Москвой. В ту самую минуту, когда последние известия по радио слушают московские работницы, их слушает и тамбовская колхозница Евдокия Григорьевна Зюзина. В 7 часов 15 минут, когда по команде из репродуктора московский школьник делает утреннюю зарядку, — ее делает и Толя Зюзин. Когда болельщики Москвы, Ленинграда и других городов с напряженным интересом слушают передачи с московского стадиона, их слушают и Толя Зюзин и Павел Иванович Зюзин. Они оба болельщики, только болеют, кажется, за разные команды... Радио, как и электричество, нанесло один из самых сокрушительных ударов по былому идиотизму деревенской жизни.

Отцова любимица, младшая Галя, наверно, удивляется, как это раньше люди жили без радио, без электричества. Реально эта девочка не может представить себе такую, например, картину.

Долгий зимний вечер в деревне. Не только электричества — нет даже керосиновой лампы. Низкий, закопченный потолок, зандевелое оконце. Ни кроватей, ни комодов, только стол, да скамейки, да ткацкий стан (его уж Галя и вовсе вообразить не может — никогда не видела). Ткацкий стан, за которым работает женщина, не разогнувшая спины во весь этот долгий зимний вечер, еле освещен слабым огоньком коптилки. У коптилки сидит мальчик, то и дело поправляя фитилек. Мальчику хочется спать, глаза слипаются, но он все поправляет и поправляет фитиль, иначе огонек погаснет. Этот мальчик — Павка Зюзин.

— Вы были в нашем детском саду? — спрашивает нас Павел Иванович, бывший Павка. — Зайдите, советую. Там тебе и физкультура, и гигиена, и рисование, и танцы под музыку. Особенно советую — зайдите в спальни, посмотрите на кровати, на всю эту чистоту. Кажется, муху туда не

пропустят. А вот опишу вам свою спальню, свое детство. Нас было восемь ребят, к ночи настилали мы солому на полу, да так и спали на соломе. Без простынь, без подушек, прикрывались кое-чем. А по соседству, тут же в избе, — теленок или ягнята.

Мы привели Павлу Ивановичу ленинские слова о том, что крестьяне были доведены в царское время до нищенского уровня жизни, помещались вместе со скотом, ходили в рубище.

— Вот, вот, я это на себе мальчишкой испытал. Да, скот-то берегли больше, чем ребят. Ничего не поделаешь — нужда. Я вот недавно своему папаше, — он ведь еще жив у меня, послал в Лебедянь тысячу рублей. В прежнее время он таких денег сроду и не видывал.

— Словом, — сказал Павел Иванович, — живем совсем не так, как жили наши отцы, хоть и пережили такую страшную войну. Живем хорошо, ожидаем лучшего.

Не за чужое, а за свое благополучие сражался Павел Зюзин на фронтах Отечественной войны!

Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило, что в Америке был такой случай. Ветерану войны Уолтеру Дэвису, молодому человеку двадцати двух лет, предложили заполнить введенную правительством Трумэна анкету о лояльности. Дэвис написал коротко и ясно: «Я воевал не за такое правительство».

Да, простые люди Америки воевали не за такое правительство, которое, действуя по указке шестидесяти семейств миллиардеров, вводит фашистские порядки и стремится разжечь пламя новой войны.

Что касается ветерана войны Павла Зюзина, то в колхозной стенной газете «Голос избирателя» он был отмечен как один из лучших агитаторов за сталинский блок коммунистов и беспартийных. Он агитирует за советскую власть словом и делом. Он грудью отстаивал советскую власть на поле боя, и он мог бы сказать:

— Я воевал за правительство, для которого интересы трудящихся превыше всего. Я воевал за родное, подлинно народное правительство, каким была, есть и будет наша советская власть.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр</i>
Предисловие	3
Путешествие за океан	7
Двадцать пять лет спустя	17
Артельные миллионы	38
Новые профессии	53
Законы волчьи и законы человеческие	64
На городской лад	79
Вечера в колхозе близ Екатериновки	91
Вдовья доля	103
Колхозник Эдуард Гарингтон	115
Ответ брату Карло	130
Павел Зюзин в дни войны и в дни мира	139

Редактор *Б. Баратов.*

Техн. редактор *З. Малек*

А 08994 Подп. к печати 23/X-48 Объем 9¹/₄ п. л. Зн. в печ. л. 32 800. Уч. из. 7,4 п. л
Формат 84X11 8¹/₃₂. Тир. 30000. Зак. 2962

1-я типография Профиздата. Москва, Крутицкий вал, 18.

14 ДЕК 1948